

ФОНД СОДЕЙСТВИЯ ИЗУЧЕНИЮ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ “VOX POPULI”

Б. З. Докторов

ВСЕ МЫ ВЫШЛИ ИЗ «ГРУШИНСКОЙ ШИНЕЛИ»

К 85-летию со дня рождения Б. А. Грушина

Москва 2014

УДК 316(470)(092)

ББК 60.5

Д63

Докторов Б. З.

Д63 Все мы вышли из «грушинской шинели». К 85-летию со дня рождения
Б.А. Грушина. М.: Радуга, 2014. — 100 с.

ISBN 978-5-906345-05-9

Б. А. Грушин (1929–2007) принадлежит к узкой группе исследователей, с полным правом называемых основателями советской теоретико-эмпирической социологии. Как философ и методолог он значительно углубил понятийный язык социологии, рассмотрел многие сложные проблемы генезиса массового сознания и поведения. Особое место в его творчестве занимали вопросы изучения общественного мнения, он первым в СССР стал проводить опросы населения и публиковать результаты анализа мнений людей в прессе. Б. А. Грушин — один из основателей Всероссийского (ранее — Всесоюзного) центра изучения общественного мнения.

Настоящая книга публикуется в рамках подготовки к IV Международной социологической конференции «Продолжая Грушина». Она знакомит читателя с основными вехами биографии и научными достижениями Б. А. Грушина. Это — первая попытка монографического исследования его жизни и творчества.

Книга адресована исследователям, преподавателям, аспирантам и студентам, специализирующимся в области истории и методологии социологии, проведения опросов общественного мнения и изучения рынка. Одновременно она обращена и к более широкому кругу читателей: социологам, политологам и политтехнологам, специалистам по связям с общественностью, журналистам, всем, кто интересуется прошлым, настоящим и будущим изучения общественного мнения.

УДК 316(470)(092)
ББК 60.5

ISBN 978-5-906345-05-9

© Б. З. Докторов, 2014

© Фонд содействия изучению общественного
мнения "Vox populi", 2014

СОДЕРЖАНИЕ

В. А. Ядов. Предисловие	4
Благодарности	5
Человек, запечатлевший десятилетия	6
Наследие Б. А. Грушина: для всех и надолго	12
Пять периодов изучения общественного мнения в СССР/России	21
«...Из обыкновенного, банального комсомольского активиста...»	37
Человек идеалов и идей	46
Рождение первого Института изучения общественного мнения	55
Три книги — три главных направления исследований Грушина	62
От ИОМа до ВЦИОМа	70
«Четыре жизни России». Ментальное пространство и голограмма Грушина	77
Грушин о препятствиях к проведению опросов в России	84
Заключение	93
Литература	94

В. А. ЯДОВ. ПРЕДИСЛОВИЕ

Борис Докторов предпринял, я бы сказал, грандиозный проект — восстановление истории советской и постсоветской социологии в повествованиях нескольких поколений самих социологов. Книга о Борисе Андреевиче Грушине, опирающаяся на многочисленные документальные источники и беседы с её героем, даёт богатый материал для осмысления начального этапа «вторичного становления» социологии в нашей стране после более, чем тридцатилетия официального отторжения нашей дисциплины, закреплённой стигмой «буржуазная наука» (Борис Грушин с присущим ему сарказмом обозначал позицию верхов формулой «социология — продажная девка буржуазии»).

Предлагаемая книга — всеохватывающий рассказ о Борисе Андреевиче в контексте исторических перемен в жизни страны, причём в переменных этих он был, в терминологии активистской социологии, агенсу, т. е. субъектом, запускающим некий процесс. Автор этого сочинения подробнейшим образом анализирует все стадии главного жизненного достижения героя повествования — создание полноценного социального института массовых опросов общественного мнения в государстве, где подобный институт представить себе было немислимым. Докторов называет Бориса Грушина российским Гэллапом. Но Борис Грушин инициировал массовые опросы в стране с авторитарным режимом, где государство и партийные власти решительно всё контролировали. Это был настоящий подвиг, сопоставимый с героическими действиями наших солдат, бросавшихся со связкой гранат под фашистские танки. Грушин осмелился сделать то, что он сделал, и помимо того тщательнейшим образом описал историю «трёх жизней» России, как она представлялась гражданам страны.

В последнем нашем разговоре по телефону тяжело больной Борис говорил, что он составил план четвёртого — горбачёвского — тома своего труда, но боится не успеть завершить работу.

Предлагаемая книга — это свидетельство гражданского мужества и следования профессиональному долгу Социолога. Читайте и пополняйте свою персональную сокровищницу национального достояния отечества.

БЛАГОДАРНОСТИ

Книга о Борисе Андреевиче Грушине (1929–2007) — часть моей более чем десятилетней истории исследований общественного мнения в США и России и лишь немногим менее продолжительного периода изучения прошлого-настоящего современной советской/российской социологии. Безусловно, это два разных исследовательских проекта с различными целями, предметно-объектными характеристиками, временными горизонтами. Но их объединяет методология историко-социологического поиска, которой я пользуюсь, достраиваю и развиваю. Центральное место она отводит учёному как личности и профессионалу. Развитие науки во многом определяется спецификой макросреды, в которой осуществляются научные изыскания и в которой протекает жизнь людей, но всё же главным в познании мира всегда был, есть и будет исследователь. Каким-то таинственным образом он создаёт своё пространство, обеспечивает свою — пусть относительную — независимость от большого мира и служит науке.

Грушин — одна из центральных фигур моего исследования. Он положил начало изучению общественного мнения населения СССР, и он принадлежит к тем, кто содействовал второму рождению социологии в России. Моя первая статья о Грушине была опубликована десять лет назад, и вот — попытка более систематического анализа жизни и творчества Грушина. На всём этом долгом пути мне помогали многие мои коллеги, знавшие и дружившие с ним. Всем им я глубоко признателен.

Но сейчас я хотел бы назвать тех, кто поддержал мой замысел написать книжку о Грушине и помог в её подготовке и издании. Это — Валерий Федоров, генеральный директор Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Наталья Седова, помощник гендиректора ВЦИОМ по науке и Елена Кофанова, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социологии РАН.

Особая благодарность — Наталье Карцевой, которая долгие годы была женой и музой Бориса Грушина и вдохновляла его творчество. В последние годы она многое делает для сохранения памяти о нём.

*Борис Докторов
24 декабря 2013 года*

ЧЕЛОВЕК, ЗАПЕЧАТЛЕВШИЙ ДЕСЯТИЛЕТИЯ

2 августа 2014 года Борису Андреевичу Грушину (1929–2007) исполнилось бы 85 лет. Это — повод, отправной момент для написания предлагаемой небольшой книги, но ни в её содержании, ни в стиле нет ничего «юбилейного». Её цель — рассказать о жизни и проанализировать творчество учёного, чей значительный вклад в развитие советской/российской науки и политической культуры давно признан нашим профессиональным сообществом. В качестве иллюстрации этого утверждения процитирую сказанное о нём людьми, много сделавшими для развития отечественной социологии и хорошо знавшими Грушина:

Т. И. Заславская: «Я понимала и понимаю, что в течение полутора лет работала с одним из самых выдающихся гуманитарных умов нашего времени» [1, с. 53].

И. С. Кон: «Его смелость была не только гражданской, но и интеллектуальной. В 1990-е годы, когда люди стали делать карьеру и деньги на политическом пиаре, “объясняя” и “прогнозируя” всё, что угодно, Борис публично заявил и много раз повторял, что не понимает того, что происходит в России. Несмотря на безоговорочную преданность демократическим ценностям, научная достоверность была для него важнее политкорректности» [2, с. 432].

Ю. А. Левада: «... [Грушин] регулярно печатал в “Комсомолке” страницу социологических данных. Тогда никто ещё не верил в существование общественного мнения и возможность его изучать у нас. Эту отрасль науки он выдумал — создал собственными руками, своей головой, собственным энтузиазмом» [3, с. 409].

В. Э. Шляпентох: «Грушин — глубинный неконформист и инноватор. Трудно найти в истории советской и постсоветской социологии, даже в числе его сверстников, тех, кто мог бы быть равен ему. Он был первым во множестве событий» [4, с. 162].

Стивен Грант (Steven A. Grant) в течение многих лет возглавлял Отдел изучения России, Украины и стран СНГ и координировал исследовательские проекты для Американской Национальной Информационной Службы (ныне Госдепартамента). Впервые Грант встретился с Грушиным в конце 1980-х, и после долгих усилий ему удалось убедить своё руководство в том, что США могут и должны проводить опросы общественного мнения в СССР. Именно по заказу Гранта ВЦИОМ провёл первый опрос общественного мнения в Советском Союзе для правительства США. Приводимые ниже суждения Гранта о Грушине изложены им в 2004 году и интересны не только тем, что в них аккумулировано его отношение к человеку, с которым он сотрудничал и дружил в течение полутора десятков лет, но и потому, что они сформулиро-

ваны в понятиях западной культуры. Другими словами, так о Грушине в принципе не мог бы написать никто из его российских коллег и друзей.

Грант начал свои заметки о Грушине словами: «Как историк и исследователь российской жизни, я мог бы передать моё понимание Грушина одним словом: *a mensch* (порядочный, приличный человек). Постараюсь уточнить и прояснить сказанное. Борис Грушин, в моём понимании — это единство двух сущностей: во-первых и прежде всего, он — моральный философ; во-вторых, “*public servant*”» [5, с. 418–419]. Первое означает, что Грушин был интеллектуалом высокой пробы, затворником «башни из слоновой кости», или теоретиком. Как моральный философ он одновременно выступал и как учёный, и как учитель. Термин «*public servant*» на Западе обычно применяется к политику или к общественному деятелю, находящемуся на государственной службе и работающему (по крайней мере теоретически) во благо не только государства, то также всего народа. А *public servant* — это человек, который помимо выполнения формальных обязанностей, задаваемых характером его деятельности, работает во благо общества и людей. Он — общественный радетель [см. 5, с. 418–419].

Теперь приведу слова В. А. Ядова, одного из ближайших друзей Грушина; в них и оценка сделанного Грушиным, и самый общий каркас пространства для анализа его научного наследия: «Борис оставил потомкам замечательно талантливое социологическое описание жизни современников. Это документальная фотография и глубокое осмысление того времени. Наверное, так происходит потому, что он действительно был очень широким человеком и работал на грани бесстрастно научного и эмоционально напряжённого анализа, иногда вообще не видел границ социологии. Ведь он и философ, он и историк, он и статистик, он и логик. Для него форма и логика рассуждения, как и образы объектов анализа, можно сказать, интегрированы в нечто целое. Это не коллаж в постмодернистском стиле, но именно целостное представление» [6, с. 17].

В последние годы постепенно начинается освоение того, что делалось и что было сделано за более чем полстолетия советскими/российскими исследователями в теоретических пластах социологии и в теоретико-эмпирических поисках, складываются представления о творческом наследии учёных. Однако уже сейчас не приходится сомневаться в том, что по любым самым жёстким науковедческим и нравственным критериям сделанное Грушиным в области теории, методологии и социологической инструменталистики, а также в области развития демократии будет востребовано новыми поколениями российских учёных и институтами гражданского общества в целом.

Грушин входит в очень узкую группу исследователей, с полным правом называемых основателями современной советской/российской социологии,

и сделанное им позволяет говорить об удивительном многообразии и синтетичности его работы. Грушин — философ и методолог социологии, значительно углубивший понятийный язык этой науки, а также наше понимание природы различных форм массового сознания. Он — исследователь различных социальных институтов и массовых форм жизнедеятельности общества: массовое сознание, общественное мнение, идеологические процессы, функционирование средств массовой информации, политические процессы. Грушин первым стал изучать общественное мнение в СССР, и в сферу его анализа оказались включёнными практически все аспекты, грани этой области познания: от фундаментальных теоретико-методологических проблем до организационных аспектов крупных многокомпонентных исследовательских проектов. Можно утверждать, что и интерпретация природы общественного мнения, принятая многими российскими исследователями, и используемые отечественными полстерами измерительные приёмы генетически связаны с тем, что сделано Грушиным.

Сейчас всё отчётливее становится видно, что Грушин был историком советского послевоенного общества, благодаря его исследованиям мы знаем не только то, что происходило, но и то, как происходившее воспринималось людьми. В 2001 году он сказал журналисту, проводившему интервью: «Вы как раз застали меня за работой, я пишу четвёртую главу второго тома моего четверокнижия. Самый важный результат 275 исследований, которые войдут в книгу, — то, что мы имеем сейчас возможность услышать голоса живых людей 10-, 20-, 40-летней давности. От этого можно с ума сойти! Начиная от высказываний, которые заставляют хвататься за оружие, до таких, над которыми хочется разрыдаться. Смесь наивности, веры, глупости, искренние вопли души... В массовом масштабе это нечто особенное» [7].

Грушин — один из немногих социологов, долгие годы целенаправленно и успешно занимавшихся разработкой методов и процедур сбора и анализа эмпирической информации. Им самим и его учениками создано множество «жёстких» и «мягких» приёмов измерения мнения населения, предложены сотни формулировок вопросов, проясняющих отношение людей к различным социальным явлениям и процессам. Грушин оставил нам огромный массив информации об общественном мнении и других фракциях, состояниях массового сознания. Время ещё не поставило перед академической наукой задачу всеобъемлющего описания динамики послевоенного советского/российского общества, всей гаммы людских надежд и опасений, картины повседневной озабоченности и раздумий о будущем. Но как только подобная проблематика выкристаллизуется, так сразу многократно возрастет цена грушинских измерений.

Особая тема — Грушин как журналист, и здесь его опыт и вклад многоаспектен и весом. Прежде всего, он ввёл в советскую, а затем в российскую

журналистику и в повседневный мир миллионов людей сам феномен общественного мнения и дал возможность населению узнать, что оно думает о событиях общенационального и глобального масштаба. Вспоминая начало 1960-х и обозначая цели создания Института общественного мнения «Комсомольской правды» (ИОМ «КП»), первой в СССР профессиональной организации по изучению общественного мнения, Грушин писал, что под всем этим лежал и отчётливо выраженный гражданский интерес, стремление «приучить» общество к исследованию общественного мнения как к определённой — политической и информационной — норме публичной жизни страны. Таким образом, сегодняшняя российская практика публикации итогов опросов общественного мнения, хотя многое в ней критиковалось, отвергалось Грушиным в последние годы его жизни, восходит, вытекает из его понимания важности симбиоза журналистики и изучения общественного мнения.

Результатом огромного и многострадального «Таганрогского проекта», выполнявшегося под руководством Грушина, является теоретически и эмпирически обоснованная модель процесса функционирования средств массовой информации в советский период. Любые будущие серьёзные исследования масс-коммуникативной реальности в России будут учитывать логические конструкции «Таганрогского проекта», а обнаруживаемые механизмы формирования массового сознания будут сопоставляться с тем, что было выявлено в Таганроге на рубеже 60–70-х годов прошлого века.

Кроме того, Грушин сам был профессиональным журналистом, многие годы успешно работавшим в прессе, на радио и телевидении. Всё началось в «Комсомолке», затем он был ведущим сотрудником и членом редколлегии журнала «Проблемы мира и социализма», издававшегося в Праге. В годы перестройки он был одним из наиболее заметных политических обозревателей, выступления которого отличались логичностью конструкций, полемичностью, часто — резкостью высказываемых суждений, и афористичностью. Происходившее в стране в поздне-перестроечные и ранне-ельцинские годы Грушин обозначал терминами, которые и сегодня помнятся многими. Говоря о принципиальных, цивилизационных сдвигах, затрагивавших основы общества и природу сознания россиян, им использовалось понятие «социотрясение». На Радио «Свобода» Грушин вёл передачу, в которой рассматривались многие логически трудно объяснимые, он говорил — «шизофренические» — процессы, происходившие в России. Передача называлась «Общество имени Кафки Корчагина» [см.: 8–9].

Журналистика была для Грушина больше, чем одно из направлений его профессиональной деятельности. Он был журналистом по темпераменту, он был таковым в его стремлении довести результаты опросов до общества, населения. Осмысляя Грушина, мы должны будем понять, что видение им

социальных процессов было бифокальным: социологическим и журналистским.

Ещё один важнейший компонент творческой и гражданской деятельности Грушина — подготовка кадров. Среди его прямых учеников — множество ведущих российских философов, социологов, журналистов и политологов.

Перечисленное — лишь обозначение сделанного Грушиным. Это по-настоящему много. Действительно, практически все изучающие общественное мнение в России и в бывших советских странах являются прямыми или опосредованными учениками, последователями Грушина. Одни знают и ценят это обстоятельство; другие, видимо, и не подозревают. Одни читали и перечитывают книги Грушина и в своей деятельности стараются следовать его научным и этическим канонам; другие, стремясь подходить к делу профессионально, возможно не знают о том, что многое в российской культуре функционирования и изучения общественного мнения несёт в себе следы научной и общественной активности Грушина. Одни действуют в манере и стиле, с которыми бы согласился Грушин; другие подверглись бы его резкой критике. Такова объективность, и это следует принимать и учитывать.

Обозревая современную ему литературную среду, Ф. М. Достоевский писал: «Все мы вышли из “Шинели” Гоголя». Российское сообщество аналитиков общественного мнения вышло из «Грушинской шинели».

Я начал знакомиться с работами Грушина в конце 1960-х, вскоре после появления его книги «Мнения о мире и мир мнений» [см.: 10]. Тогда же от моих старших коллег А. Г. Здравомыслова, Б. М. Фирсова и В. А. Ядова я услышал много интересного о личных и гражданских качествах Грушина. Но наша личная встреча состоялась лишь в апреле 1985 года, за несколько дней до моей защиты докторской диссертации по методам измерения общественного мнения, на которой Грушин был оппонентом.

Через несколько лет, оставаясь сотрудником Института социально-экономических проблем АН СССР в Ленинграде, я стал работать в создававшемся тогда Всесоюзном центре изучения общественного мнения (ВЦИОМ), детище Грушина, где он был первым заместителем директора. Мои встречи с ним стали частыми, и наши отношения, минуя фазу «начальник — подчинённый», приобрели неформальный характер. В 1989 году Грушин ушёл из ВЦИОМа, но наше общение продолжалось. Оно сохранилось и после моего отъезда в Америку. Во всяком случае, когда в ранних «нулевых» годах нынешнего столетия я стал приезжать из Америки в Москву, я всегда заходил к Борису Андреевичу домой, старался узнать о его работе и поделиться своими планами. Так что мой рассказ о Грушине — исследователе и человеке — базируется не только на его работах и выступлениях в печати, но пронизан моим собственным отношением к нему.

Я всегда полагал, что биограф имеет право быть пристрастным при изучении жизни и творчества «портретируемого» человека. Более того, пристрастность, в моём понимании, — обязательна, она — залог объективности. Я не могу оставаться беспристрастным при рассмотрении жизненного пути Грушина, которого как учёного я признал задолго до нашего знакомства и личные контакты с которым позволили мне его лучше понять.

23 февраля 2001 года он подарил мне только что вышедшую первую книгу из сразу ставшей классикой серии «Четыре жизни России» с надписью: «БЗД от БАГ — со старинной дружбой и самыми наилучшими пожеланиями». А подаренная им 13 апреля 2004 года первая часть следующей книги («Эпоха Брежнева») во многом изменила мою жизнь [см.: 11].

К тому моменту я уже несколько лет исследовал биографию и творчество Джорджа Гэллапа и других американских создателей современной методологии изучения общественного мнения, однако ознакомление уже с двумя книгами задуманного Грушиным «четырёхкнижия» стало импульсом к анализу его биографии и его профессиональной деятельности. Так получилось, что именно в 2004 году Грушину исполнялось 75 лет, и, таким образом, подготовка статьи о его деятельности приобретала и «внешнее оправдание». Я позвонил Грушину из Америки и сказал, что буду писать о нём и обращусь к нему, если у меня возникнут вопросы. Работа оказалась очень трудной: мне впервые предстояло писать об активно действующем социологе, с которым меня к тому моменту связывали два десятилетия добрых профессиональных и человеческих отношений. К тому же, хотя поводом для написания статьи была «круглая» дата, материал не планировался как юбилейный, но как историко-наукоеведческое исследование. Да и Грушин был таким человеком, который ничего «юбилейного» о себе без сарказма никогда бы не принял.

В конце лета статья была опубликована в питерском социологическом журнале «Телескоп» [см.: 12]; получив свежий выпуск по почте, я перечитал текст и лишь тогда решился показать его Грушину. Я позвонил ему, чтобы узнать, как у него дела, и он сказал, что вскоре будет в Америке. Тогда мне захотелось сделать ему сюрприз, и я отправил журнал его дочери, американской писательнице Ольге Грушиной, живущей в Вашингтоне. Через какое-то время он мне позвонил, сказал, что прочёл статью, нашёл ряд неточностей, но в целом согласен с тем, что я написал о его жизни и работе. Услышав это, я вздохнул с облегчением... и разослал электронный вариант статьи социологам, лично знавшим Грушина на протяжении многих лет. Так начались мои исследования по истории советской/российской социологии [см.: 13].

Несколько позже указанная статья была доработана с учётом замечаний Грушина, дополнена новыми материалами и в качестве самостоятельной главы вошла в книгу с подзаголовком «От Гэллапа до Грушина» [см.: 14]. Таким образом, в основании настоящей книги лежит текст, прочитанный

и одобренный Грушиным, что представляется существенным для историко-биографического повествования.

Важнейшим информационным источником при работе над этой книгой стали книги и статьи Грушина, а также несколько интервью с ним, размещённые в Интернете. Считаю также крайне ценными материалы, представленные в сборниках трёх конференций «Открывая Грушина». Они подготовлены сотрудниками факультета журналистики МГУ, много лет работавшими с Грушиным и понимающими важность изучения его биографии и научного наследия. В них собраны труднодоступные публикации Грушина, воспоминания его друзей и коллег, работы с анализом его теоретических и эмпирических результатов.

И всё же, изучая написанное о Грушине при его жизни и после его смерти, перечитывая его книги, вспоминая его рассказ о задумывавшейся им оригинальной по строению книге мемуаров, зная о дневниках, записях личного характера, которые он вёл долгие годы, помня о его уникальном личном и научном архиве, можно сделать два вывода. Первый — мы мало знаем Грушина. И второй — прожитое и сделанное им заслуживает специального анализа. Мы стесняемся признавать наших современников выдающимися учёными, полагая это нескромным и считая, что только время покажет значение наследия того или иного исследователя. Мне это не кажется верным, более того, я вижу некую ущербность подобного подхода к оценке жизнедеятельности современных учёных. В нём есть что-то надуманное, проистекающее из недооценки роли личности в историческом процессе, есть признак недооценки способности самого научного сообщества определить своих лидеров.

Рывок в познании истории постхрущевской советской/российской социологии, сделанный во второй половине 1990-х годов, дал многое. Но накопленный потенциал движения в силу ряда обстоятельств быстро разрядился, и исследования в этой области почти остановились. Допускаю, что новый виток исторических поисков будет связан с активным изучением жизни и творчества социологов первого поколения, со стремлением понять действие тех социальных пружин, которые привели в буквальном смысле горстку молодых философов, историков, экономистов в не знакомую им социологию. Место и роль Грушина в российской социологии настолько значительны, что, анализируя его биографию и творчество, мы не только углубляемся в его личное, но лучше понимаем историю нашей науки.

НАСЛЕДИЕ Б. А. ГРУШИНА: ДЛЯ ВСЕХ И НАДОЛГО

Укажу тему, которой, скажем, десять лет назад, тем более — ранее, не было, но в последние годы она заявила о себе, и наше сообщество будет обсуждать

её всегда. Речь идёт об отношении живущих и действующих социологов к научному наследию наших учителей, старших коллег, друзей. Жизнь так устроена, что они слабеют, отходят от активной научной деятельности, уходят от нас навсегда... В ноябре 2006 года в своём кабинете умер Ю.А. Левада, через год скончался Б.А. Грушин, в следующие четыре года не стало А.Г. Здравомыслова, В.Н. Шубкина, И.С. Кона, в конце августа 2013 года — Т.И. Заславской. Но сделанное ими — наше общее богатство, и судьба их наследия определяется не только тем, что ими сделано, но и нашим отношением к тому, что нам досталось как обладателям этого наследия.

Не буду расширять этот мартиролог, итак ясно, что естественный ход развития российского социологического сообщества поставил перед ним новую задачу — изучение биографий и деятельности тех, кто стоял у истоков современной российской социологии. Без этого невозможно обеспечить неразрывность российской социологии, выработать и сохранить научные традиции. Имеются в виду освещение различных сторон жизни и работы этих людей, сбор воспоминаний о них, составление полных библиографий их публикаций, переиздание написанных ими книг и статей. Отмахнёмся от всего этого; сделаем вид, что всё начинается с нас? Или будем искать возможности для изучения жизни и творчества представителей старших поколений, постараемся не забыть их уроки, извлечь из их опыта определённые научные, гражданские, этические нормы и стандарты поведения? Пойдём по первому пути — рано или поздно осознаём его ущербность и постараемся исправить ситуацию, но многое будет потеряно. Изберём второй путь... поспотыкаемся, поплутаем, но относительно скоро осознаем его ценность.

Движение в этом, я полагаю, единственно верном направлении уже началось. Так, Т.В. Левадой издана серия книг, содержащих работы Ю.А. Левады и воспоминания о нём; выпущены материалы конференций памяти Г.С. Батыгина, В.Б. Голофаства, Т.М. Дридзе, Л.Н. Когана, А.Г. Харчева. Выше назывались материалы трёх Грушинских чтений на факультете журналистики МГУ под общим названием «Открывая Грушина». Здесь же следует указать на три международных конференции «Продолжая Грушина», проведённые Всероссийским центром изучения общественного мнения. На них обсуждается широкий спектр тем, в той или иной степени отвечающих проблематике, которую исследовал Грушин.

Отталкиваясь от собственного небольшого опыта, могу сказать, что анализ сделанного первопроходцами нашей науки — это крайне сложный тип исследований, проведение которых предполагает выработку синтетической методологии, создание и поддержание архивов биографической информации, уточнение нашим сообществом определённых нравственных критериев. Всё это произойдет лишь в том случае, если нами будет осознана потребность в осмыслении прошлого, если будет преодолено безразличие к нашему

недальнему и дальнему былому. Если мы задумаемся не только о том, что было сделано; но и о том, в каких обстоятельствах всё делалось; почему сделано так, а не иначе. Если мы признаем учёного главной фигурой в науке, производстве знаний и сочтём важным сохранить в истории его имя.

Согласно развиваемой мною системе, или лестнице, поколений российских социологов, в середине 1980-х наш профессиональный цех включал в себя три активно действовавшие исследовательские когорты и набирающую силу — четвёртую. На протяжении почти четверти века цементирующим составом сообщества была личная коммуникация. Все «ходили по одним коридорам»: встречались на службе и по работе, общались на конференциях и семинарах, читали друг друга в единственном социологическом журнале и малотиражных сборниках; выходили на праздничные демонстрации и выезжали на поля подшефных пригородных совхозов.

В настоящее время в российской социологии насчитывается уже семь действующих поколений исследователей, и в численном отношении социологов стало значительно больше, чем в доперестроечные времена. Подавляющая часть специалистов работает в университетах и независимых социологических образованиях, меньшая доля — в академических институтах. Принципиально расширилась география социологических организаций. Личная коммуникация уже не играет и не может играть той роли, которая принадлежала ей раньше; возникают и работают другие правила общения. В этих обстоятельствах действенным механизмом объединения нашего сообщества должны стать историко-научные исследования, изучение биографий представителей различных, прежде всего — старших, поколений.

Особое значение должно придаваться «суперзвездам» коммуникационных сетей; среди которых одна из самых ярких — Борис Андреевич Грушин. Он — знаковая фигура в академическом сообществе, признаваемая и уважаемая среди полстеров и широко известная вне профессионального круга. Грушин был и остаётся фигурой публичной.

Именно он сделал изучение общественного мнения не только предметом полстерского анализа, оперативного изучения и журналистского комментирования, но предметом академической науки. Грушин, возможно, единственный в мировой истории изучения общественного мнения философ и логик, обратившийся к исследованию этого феномена в опоре на результаты собственных опросов. Именно в силу серьёзной теоретической подготовленности он очень скоро в своей аналитической деятельности перешёл от описания статистики мнений, характерного для журналистики, к изучению природы общественного мнения, механизмов его возникновения и функционирования. При этом его деятельность приобрела социологическую направленность. Таким образом, опросы населения, сохранившие своё прикладное значение, одновременно превратились для него в лабораторию глубинного

теоретико-эмпирического исследования массового сознания. И потому творчество и результаты Грушина следует соотносить не только с тем, что делалось и сделано Джорджем Гэллапом, Элмо Роупером, Арчибальдом Кроссли, Хэдли Кэнтрилом и другими американскими полстерами «первого призыва», но и с наследием классиков социологии Пауля Лазарсфельда, Самуэля Стауффера, Ирвинга Креспи и Дэниэла Янkelовича, известных и своими исследованиями массовых установок.

Из сказанного вытекает множество принципиальных науковедческих следствий, в частности — вопрос о генезисе изучения Грушиным общественного мнения. Первые исследования отношения к труду рабочих, проводившиеся в Свердловске (М. Т. Иовчук, Л. Н. Коган), Ленинграде (А. Г. Здравомыслов, В. А. Ядов), Горьком (Г. В. Осипов), отталкивались от признания ведущей роли рабочего класса в социальной структуре советского общества и следовали положениям партийных документов о необходимости совершенствования организации труда на производстве. Изучение свободного времени (В. А. Артемов, Л. А. Гордон, Э. В. Клопов, В. Д. Патрушев, Г. А. Пруденский) можно рассматривать как продолжение исследований Г. Г. Струмилина и ранее — русских земских статистиков. Также в общий контекст актуальной общественно-политической и социально-экономической ситуации первой половины 1960-х вписываются исследования села, проводившиеся в Новосибирске под руководством Т. И. Заславской, и выпускников школ (В. Н. Шубкин). В той или иной мере сказанное распространяется и на социологические исследования, выполнявшиеся в те годы в разных городах СССР.

В дореволюционной России и в СССР в дооттепельный период были лишь ненаучные, самодеятельные, далёкие от репрезентативности опросы представителей некоторых производственных, учебных и территориальных общностей. Но их нельзя назвать опросами общественного мнения. Так что первые зондажи мнений советских людей Грушина не были (да они и не рассматриваются в этом ключе) продолжением, развитием теоретического или эмпирического опыта дореволюционных или ранних советских исследований общественного мнения. Беседы с ним позволяют мне говорить о том, что в начале 1960-х он не был знаком с научными технологиями изучения общественного мнения, которые использовались тогда в США и Европе. Отчасти это имело позитивные следствия. Принимая во внимание максимализм и «перфекционизм» Грушина, можно предположить, что его знакомство с особенностями современных для того времени методов изучения общественного мнения заставило бы его стремиться к их использованию. Такое решение отодвинуло бы начало проведения опросов на годы.

Отмечу ещё один момент, к которому привлекла моё внимание краткая дискуссия на 2-х чтениях «Открывая Грушина» между В. А. Ядовым

и Л. Д. Гудковым, представившимся оппонентом Грушина [см.: 6, с. 19–20]. Среди прочих была затронута тема знакомства Грушина с западной литературой. По мнению Гудкова, из советских социологов старшего поколения лишь Кон и Левада по-настоящему, систематически изучали её. Ядов не возражал против этого суждения, но заметил, что его собственный стиль работы ближе к Грушинскому, он заключается в погружении в собственные теоретические построения и собственный эмпирический материал.

Кон был теоретиком и историком социологии, и безусловно это предполагало глубокое знание достижений других исследователей; Левада — тоже всегда тяготел к анализу методологической проблематики, и в его долгий период вынужденного отхода от эмпирических исследований ему не оставалось ничего иного, как систематически читать новую западную литературу и обсуждать её на его известном семинаре. Ядов заметил: «Кон и Левада писали великолепные работы, это замечательные учёные. Им знание сильно помогало, а мне мешает...» [6, с. 27]. По-видимому, Грушину книжное знание, если не мешало, то явно и не помогало. Он работал как логик, выстраивал и перестраивал мысленные, идеальные конструкции, и в этом ему мало могли помочь выводы учёных, работавших в рамках других парадигм и стилей рассуждения.

Возможно, будет оправданным и допущение о том, что Грушин, который, уже получив философское образование, проучился несколько семестров на механико-математическом факультете МГУ, вообще рассматривал свои теоретические построения не как работу с общеполитическими категориями, а как своего рода геометрические построения. И скорее всего академик, геометр А. Д. Александров критиковал грушинскую концепцию массового сознания не потому, что его что-то не устраивало в трактовке Грушиным феноменологии этого явления, а потому, что он видел, как усилить «теоремы» Грушина [см.: 15]. И. С. Кон писал, что Грушин дал себе обет — 20 лет не смотреть текст Александрова, он сдержал своё слово [см.: 2, с. 433]. Может и зря? Их сотрудничество могло бы быть очень плодотворным.

Допускаю, что в чём-то характер размышлений Грушина был близок к тому, на что в моём интервью обратила внимание Т. И. Заславская, которая отлично училась на физическом факультете МГУ три года, но потом перешла на экономический факультет. Вот мой вопрос: «Физический факультет дал Вам не только прекрасное знание математики, которое впоследствии могло пригодиться, но он определённым образом настроил Вас по отношению к идеологии. Физики, математики всегда старались держаться в стороне от идеологии... то, что Вы начали там учиться, по-видимому, определило Вашу позицию во многих вопросах...». Ответ Заславской — очень развёрнутый, приведу лишь его отдельные фрагменты: «Никакого сомнения. Действительно, в течение трёх лет мне ставилось естественно-научное

мышление, согласно которому, например, законы природы потому и законы, что они всегда исполняются, в этом их смысл. <...> Самым замечательным был “закон непрерывного роста производительности труда”. Представляете себе: можно ничего не делать, лежать себе на печи, а закон, как сила тяжести, будет сам собою повышать производительность вашего труда. Мне это казалось диким. <...> По окончании университета меня, несмотря на отличный диплом, не рекомендовали в аспирантуру. Но гораздо сильнее поразили меня слова одной из близких подруг, что сделано это было правильно, потому что во мне “есть что-то не то, чуждость какая-то”. Наверное, этим “не тем” я во многом была обязана трём годам физфака. <...> Математические методы я применяла и в экономике, и в социологии, но это было второстепенным. Главным же достоянием, вынесенным мною с физфака, была математическая логика» [16, с. 144].

Анализ значительного числа биографий отечественных социологов, начинавших свои исследования в 1960-х годах, позволяет мне трактовать становление постхрущёвской социологии не как возрождение российской социологии, но как её второе рождение. Всё происходило почти с «нуля», в принципиально ином, чем в дореволюционной и ранне-советской России, социокультурном и политико-идеологическом пространстве и на основе новой интеллектуальной и идеологической программы. Путь, которым Грушин подошёл к проведению опросов, полностью отвечает именно концепции «второго рождения», и, более того, его путь — эталон, «чистая модель» того, что произошло. Талантливые молодые обществоведы обнаружили противоречие между тем, чему их учили, и тем, что открыла их взору «оттепель», и сами стали создавать науку и изобретать методы, которые позволили бы им описать наблюдавшиеся социальные отношения.

Не обнаруживается в дореволюционной российской, а затем в советской действительности и тех макрообстоятельств, которые побудили бы Грушина начать замеры общественного мнения, равно как не существовало в СССР измерительных методов, технологий, которые он мог бы использовать в своей работе. Россия, позже СССР в политическом, социально-экономическом, идеологическом и прочих отношениях развивались принципиально иначе, чем США, где уже в первой половине XIX века возникли простейшие, так называемые, народные «соломенные» опросы общественного мнения, а примерно через сто лет — произошло становление научной, или гэллаповской, технологии, позже — культуры изучения мнений населения. Поясню сказанное.

Первое: в США никогда не было монархии, дворянства, наследственной власти; в стране быстро сложились система президентской власти и многоуровневый (страна, штаты, «районы») механизм голосования. Отсюда желание избирателей, прессы и политиков как можно больше знать об электорате

с целью предсказания итогов голосований. Одновременно отмечу стремление издателей (исходно — партийной, позже — внепартийной) прессы играть активную роль в политической жизни страны.

Второе — это американская рыночная экономика, конкуренция и борьба за деньги потребителей. На рубеже XIX и XX веков в стране начали создаваться службы, анализирувавшие установки и поведение потребителей, и фирмы, специализировавшиеся на изучении эффективности рекламы. Постепенно складывалась практика проведения маркетинговых исследований, формировался арсенал методов анализа аудитории газет, потом журналов и ещё позже радио. Эти же каналы в периоды избирательных кампаний служили важнейшими средствами распространения политической и социальной информации.

Третье: в США непрерывно и поступательно происходило развитие системы наук о человеке. В данном случае я особенно выделяю такие направления психологии, как измерение способностей и конструирование тестов. Опыт университетских учёных быстро находил применение в прикладных разработках, поддерживавшихся бизнесом.

На протяжении всего этого длительного периода государство как социальное образование всегда находилось «далеко» от бизнеса, журналистики и — как следствие — от всего, что связано с изучением общественного мнения. Отцы-основатели Гэллуп, Роупер и Кроссли подошли к измерению политических установок, накопив большой опыт изучения потребительских предпочтений. А их деятельность финансировалась прогрессивными представителями журналистской элиты. Гэллупа многократно приглашали в Белый дом, но он всегда отказывался. Призывая население активно участвовать в выборах, он никогда не голосовал за президента (только на выборах локального уровня). С одной стороны, он не хотел высказывать своих политических пристрастий, с другой — не считал нужным что-либо придумывать в беседах с журналистами.

Ничего подобного для возникновения практики зондирования мнений населения СССР в 1960-е годы не существовало. Вместо выборов — голосование за одного кандидата, выдвигавшегося государством. Одна партия. Государственные средства массовой информации и идеологическая цензура. Плановая экономика, в которой не потребитель — король, но директивные органы. Психометрика, как и другие области психологии, была разгромлена в стране в 1930-е годы; социология объявлялась буржуазной наукой; никакой непрерывности в развитии наук о человеке, обществе не было. В статье памяти Грушина его ровесник А. Г. Здравомыслов, учившийся на философском факультете Ленинградского университета, писал, что во времена их студенчества понятие «социология» ещё не употреблялось, оно существовало только в сочетании с прилагательным «буржуазная» [см.: 17, с. 436].

В СССР политические и научные предпосылки для обсуждения общественного мнения как социального феномена возникли лишь после смерти Сталина и были порождены духом хрущёвской оттепели. Так, в начале 1960-х друг Грушина философ Э. Ю. Соловьев писал о первых грушинских опросах: он «занимался серьёзно вполне/общественным мнением в безгласной стране». Я помню, что десятью годами позже И. С. Кон говорил Б. М. Фирсову и мне: «Борисы, что вы изучаете? Общественного мнения нет».

В моём понимании, существует предбиография человека, биография и постбиография. Предбиография человека задаётся — прежде всего — семьёй, в которой он родился, и всеми макрообстоятельствами, обусловившими его рождение в той или иной пространственно-временной точке и его последующее движение в жизненном, деятельностном пространстве. Биография — это совокупность всего, что происходило — иногда, что могло произойти — с человеком в годы его жизни. Потом начинается постбиография, которая является продолжением биографии, но связана с нею весьма нетривиально. Постбиография может быть короткой или долгой, богатой или скудной, непрерывной или прерывистой, публичной или личностной; она может быть «естественным» с исторической точки зрения продолжением биографии, но может — и неожиданным.

Судьба в моём понимании — это комплекс всего, что предопределяет биографию человека, что ведёт его по жизни и что связано с ним после её завершения. У биографии есть начало и конец; судьба — теоретически бесконечна, точнее сказать — она обычно дольше, продолжительнее жизни, многомернее биографии. Лишь в исключительных случаях историки, биографы имеют дело с биографиями, как правило — с судьбами. И чем более продолжительный интервал времени разделяет биографа и биографируемого, тем тоньше оказывается биографический пласт и тем сложнее выделить его из судьбы. За несколько десятилетий, а часто и за более короткий срок, биография, т. е. то, что было, «пропитывается» судьбой. Это и есть мифологизация образа реального человека. Обычно, когда учёные, писатели берутся за изучение биографий своих героев, они уже давно пребывают в поле их судеб, «околдованы» ими. В противном случае нет повода всматриваться в их жизнь. Ведь нередко проходят десятилетия от момента первого знакомства будущего исследователя с именем, фрагментами жизни заинтересовавшего его исторического персонажа до принятия решения о направленном познании его жизни и создания его жизнеописания.

Биографии исторических личностей, написанные в разное время, даже если они базируются на одном и том же фактическом материале, различны в силу двух обстоятельств. Во-первых, автор, стремящийся написать новую биографию героя, находится в ином поле судьбы последнего, чем те, кто воспринимал его жизнь и дела десятилетиями, часто — столетиями рань-

ше. Во-вторых, данный автор и его герой будут находиться в совсем ином коммуникационном пространстве, у них будет иное общение, чем у тех, кто писал на эту же тему раньше. Так, к примеру, личное знакомство с биографируемым может способствовать анализу его жизни и творчества, но может, наоборот, связывать работу биографа.

В целом же соотношение биографии и судьбы оказывается непростым и многоаспектным. В истории цивилизации сохранилось множество имён людей, проживших тихо, незаметно, несчастливо, имевших внешне невыразительную биографию, но, благодаря сделанному ими, приобретших долгую и яркую судьбу. И существует, возможно, много большее число людей, чьи биографии выглядели или действительно были блестящими, счастливыми, но их судьбы оказались короткими.

Познание судьбы предполагает изучение предбиографии человека, его биографии и постбиографии. Исследование предбиографии как части судьбы — мало разработанная тема, хотя в жизни родителей и более далёких предков, а также в достаточно консервативном мире традиций и культуры, в который человек входит сразу после своего рождения (или даже раньше), может быть обнаружено многое для понимания его деятельности. Часто именно это прошлое, не осознаваемое человеком в детстве, но окутывающее его, может оказаться доминирующим фактором первичной социализации.

Достаточно мысленно обратиться даже к ближайшей истории СССР/России, чтобы понять, что судьба — это производная деятельности самого человека и отношения общества или некоторой части общества к нему. Примеров масса: это политики, люди искусства, спорта, писатели и другие публичные фигуры. Наука всегда была и будет менее публичной общественной сферой, здесь судьба учёного и результатов его творчества в первую очередь зависит от профессионального сообщества, к которому принадлежит исследователь. **Временные** и пространственные параметры этого сообщества определяются многими обстоятельствами, но прежде всего — характером проблем, которыми занимался учёный, и значимостью для науки (в редких случаях — для общества) полученных им результатов.

Отношение общества, профессионального сообщества к наследию, оставленному творцом, составляет суть, ядро судьбы. Во-первых, послежизненная фаза судьбы может быть много продолжительнее собственно жизненного пути человека. Во-вторых, как предбиография и биография, так и постбиография — это части культуры своего времени. Именно столкновение этих культур во многом объясняет парадоксы судьбы исторических личностей. Подобных примеров масса: в науке, в изобразительном искусстве и музыке, в литературе. Объясняется всё просто. Человек, личность, творец опередил время. В период его жизни сделанное им представлялось ненужным, даже чуждым обществу, отторгалось или замалчивалось. Но результат его труда

оказался созвучен требованиям нового времени, ожиданиям, запросам новых поколений; и при неизменности биографии этого человека его судьба круто меняется.

Смерть Грушина позволяет подойти к анализу его судьбы: творческой, а значит — и личной. В историко-научно-исследовательских отечественных работах о становлении современного этапа советской/российской социологии сюжеты такого рода лишь начинают рассматриваться. Прежде всего, это может быть объяснено дальновзоркостью истории: необходимо время, чтобы понять и оценить истинные масштабы сделанного тем или иным социологом. Второе: явно существуют методологические сложности в исследовании этой проблемы, и они просматриваются уже на стадии очерчивания того, что такое судьба и как она может анализироваться. И третье: задумываясь, тем более — пытаясь заглянуть в судьбу человека, испытываешь некий душевный дискомфорт, ведь определение судьбы — это, если отвлечься от деталей, формулирование своего рода приговора. К счастью, сама история, будущее наделены правом его отмены, пересмотра.

ПЯТЬ ПЕРИОДОВ ИЗУЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ В СССР/РОССИИ

Рассказ о творчестве учёного, заметным образом повлиявшего на становление того или иного научного направления, логично вписать в изложение процесса зарождения и развития данного научного направления. Ибо, видя, каким образом исследования проводились до начала деятельности этого учёного и как они модифицировались благодаря его открытиям, изобретениям, становится понятнее его личный вклад в науку. Сказанное выше о месте Б. А. Грушина в российской социологии и его роли в возникновении в стране практики теоретического и эмпирического изучения общественного мнения в полной мере оправдывает переход к изложению длительного периода разработки учёными многих поколений феноменологии и технологии изучения общественного мнения, а также анализа установок, суждений, мнений людей о различных сторонах жизни российского общества.

Традиционно, рассматривая достаточно протяжённый во времени процесс, стараются выделить внутри него этапы и показать их специфику. Подобная методология базируется на справедливом во многих случаях допущении о том, что в недрах одного этапа завязывается, зарождается то, что затем определит суть, лицо следующего этапа, т. е. развитие в целом осуществляется непрерывно. Применительно к изучению общественного мнения в России/СССР/России подобное допущение было бы неверным, ибо процесс познания общественного мнения населения страны неоднократно

и надолго прерывался. Поэтому разговор будет идти не о последовательности этапов, а о ряде хронологически упорядоченных периодов.

История теоретических и прикладных исследований общественного мнения в России изучена крайне поверхностно, однако наиболее полно она изложена почти два десятилетия назад В. А. Мансуровым и Е. С. Петренко в фундаментальной книге по истории российской социологии, вышедшей под редакцией В. А. Ядова.

Своё изложение прошлого Мансуров и Петренко открывают словами: «Начиная с 30-х гг. проблематика обследований с помощью опросов резко сужается (в основном она затрагивает проблемы быта рабочих, частично крестьян и студентов), а к середине 30-х опросы вовсе прекращаются» [18, с. 572]. С этим утверждением нельзя не согласиться, и мы вернёмся к нему, но допускаю оправданным отнести начало исследований общественного мнения в нашей стране по крайней мере на полвека раньше.

Период первый: XIX — предреволюционные годы

Если мы действительно стремимся к познанию истории изучения общественного мнения в России, нам не уйти от серьёзного анализа политической, социально-экономической, нравственной, культурной атмосферы российского общества на рубеже XIX–XX веков, так же как невозможно не попытаться узнать, кто конкретно, какие учёные, журналисты, общественные деятели были причастны к освоению нового для того времени феномена — общественное мнение.

Здесь же отмечу, что понятие, термин «общественное мнение» существовали в русском языке и раньше. Так, при анализе политического мировоззрения А. С. Пушкина русский философ С. Л. Франк цитирует пушкинское письмо к П. Я. Чаадаеву от октября 1836 года, в котором Пушкин писал, что в современном ему обществе «отсутствует общественное мнение, и господствует равнодушие к долгу, справедливости, праву, истине...» [19]. Отмечается, что эти мысли Пушкина были отражением его размышлений по поводу книги Алексиса де Токвиля об американской демократии и роли общественного мнения в государственном устройстве.

Русские учёные давно стали присматриваться к тому, что делалось в Европе и США в этой области обществоведения. И это были не сугубо академические соображения, они думали об обосновании (будущих) либеральных политических, социально-экономических преобразований в стране. Они ездили за границу, учились там, работали в университетских центрах, переводили на русский язык наиболее серьёзные книги зарубежных учёных.

В историко-научных исследованиях рискованно называть что-либо или кого-либо «первым». Но похоже, что книга немецкого криминолога Франца фон Гольцендорфа “Wesen und Werk der oeffentlichen Meinung”, опубликованная в Германии в 1880 году и уже через год вышедшая в России под названием «Роль общественного мнения в государственной жизни» [см.: 20], является одной из самых ранних работ, целенаправленно знакомявших русского читателя с современным взглядом на общественное мнение. Ссылка на эту книгу встречается в некоторых списках литературы для студентов, изучающих общественное мнение, однако трудно представить, чтобы до недавнего времени её активно читали; с содержанием работы можно было ознакомиться лишь в крупных книгохранилищах. Но в начале 2013 года она была выложена в Интернете¹.

Франц фон Гольцендорф (Joachim Wilhelm Franz Philipp von Holtzendorff, 1829–1889) принадлежал к старому дворянскому роду, получил образование в университетах Бонна, Гейдельберга и Берлина. В нём всегда сохранялся дух Революции 1848 года, и на протяжении всей жизни он оставался активным сторонником политического либерализма. Последние 19 лет жизни он был профессором Мюнхенского университета, читал различные курсы, но наибольшую известность имел как криминолог и специалист по международному праву.

По крайней мере два обстоятельства позволяют назвать книгу Гольцендорфа со 130-летней историей современной.

Первое, это её содержание. В ней рассмотрены темы, остающиеся актуальными и в наше время: природа общественного мнения, формы его функционирования в различных общественных формациях, механизмы образования общественного мнения, влияние на него прессы и место общественного мнения в политике государства. Замечу, что трактовка обсуждаемых вопросов во многих случаях не вызвала бы серьёзного возражения со стороны современных исследователей общественного мнения. Второе, сочетание научности и общественной страстности в толковании общественного мнения. Следует помнить, что работа писалась во времена иного, чем сейчас, представления о строгости анализа мира социальных отношений и в условиях не современной западно-европейской демократии, а в период Германской империи.

Переводчиком книги и автором «Предуведомления» является Николай Фёдорович Анненский (1843–1912), оставивший заметный след в российской истории как учёный и литератор. Известен он также своими прикладными статистическими исследованиями и признаётся создателем школы

---

¹ Благодарю Ф.Э. Шереги, руководителя Центра социального прогнозирования и маркетинга, при активном содействии которого это было сделано.

нижегородской земской статистики. На протяжении многих лет Анненский активно участвовал в народническом движении, был членом многих оппозиционных организаций и обществ, входил в совет Вольно-экономического общества. В своём предисловии Анненский объясняет, что книга была предложена русской публике, поскольку Гольцендорф пользуется заслуженным авторитетом в области государственоведения, и его книга имеет «несомненный и жизненный интерес». Кроме того, Анненский сообщает, что в переводе есть некоторые сокращения. Имея в виду деятельность русской прессы в условиях жёсткой цензуры того времени, он писал: «Жалобы на опасности от “чрезмерного влияния” ежедневной прессы на государственную жизнь в книге, адресованной к русской публике, были бы уже слишком похожи на иронию» [20, с. 2].

О несомненном интересе к проблематике общественного мнения в либеральных кругах российского общества свидетельствует не только факт быстрого перевода и публикации книги Гольцендорфа, но и то, что в 1895 году эта книга под названием «Общественное мнение» [см.: 21] вышла в новом переводе, более того, в таком виде она переиздавалась ещё дважды, в 1896 и 1899 годах. Перевод был выполнен Николаем Осиповичем Бером (1866-?), имевшим юридическое образование и специализировавшимся в переводе книг по истории и праву.

К сожалению, в книге 1895 года нет введения или предисловия, объясняющих причины, в силу которых было решено опубликовать книгу Гольцендорфа в новом переводе. Я связываю это с тем, что в новых социально-политических условиях оказалось возможным издать книгу без купюр. Сопоставление «старого» и «нового» переводов показывает, что сокращения — конечно же, вынужденные, — осуществлённые Анненским, сделали издание 1881 года заметно отличным от оригинала. Похоже, что над книгой Гольцендорфа Анненский работал в Тобольской губернии, куда в мае 1880 года он был препровождён по этапу в силу его политической неблагонадёжности. Он находился там до конца февраля 1881 года. А на обороте титульного листа переведённой книги указано: «Дозволено ценз. СПб. 13 февраля 1881 г.».

В российских исследованиях общественного мнения мог присутствовать не только яркий «немецкий след», но и англо-американский. Более того, существовали предпосылки к тому, чтобы не только опросы Джорджа Гэллапа [см.: 14, с. 46–50], но и российские опросы общественного мнения в той или иной степени базировались на теоретических выводах английского историка и политолога лорда Джеймса Брайса. Траектории развития науки дают нам много интересного для исторических исследований, для понимания внутри- и междисциплинарных миграций различных идей и методов. В частности, важно понять, какие события, обстоятельства привели к тому,

что в 1889 году, то есть через год после своего рождения, в России вышел перевод первого тома книги Брайса «Американская республика», а ещё через год издание было завершено полностью [см.: 22]. Каким образом эта фундаментальная историко-политологическая работа была отобрана для перевода, сегодня не известно.

Вполне естественно предположить, что инициатором перевода книги Брайса был её переводчик Василий Николаевич Неведомский (1828–1899). Он происходил из литературной семьи, служил чиновником особых поручений при московском генерал-губернаторе, обер-секретарем в Сенате, Департаменте государственных имуществ, в 1872 году он стал сотрудником «Русских ведомостей», а последние двадцать лет жизни занимался исключительно переводами английских и немецких историков. Знакомство В. Н. Неведомского с либеральными социальными учёными и их идеями легко объясняется характером, направленностью «Русских ведомостей» — иногда это издание иронично называли «профессорской» газетой из-за большого количества учёных, печатавшихся на её страницах. Поскольку во второй половине 1880-х годов Неведомский перевёл на русский язык ряд солидных исторических исследований, и в частности, несколько томов Теодора Моммзена по римской истории, он не мог не знать историко-политологических работ Брайса. Ведь среди них важное место занимал его труд по истории Римской империи [см.: 23].

О слабой изученности рассматриваемого периода исследования общественного мнения в России свидетельствует и такой курьёз. Лишь в конце 1970-х годов В. С. Коробейников обнаружил изданную в 1906 году книгу профессора права МГУ Вениамина Михайловича Хвостова (1868–1920) по общественному мнению [см.: 24]. Причём в библиотеке Института научной информации АН СССР ему выдали эту книгу с не разрезанными листами, то есть он был её первым читателем [см.: 25, с. 43].

Любой историк науки скажет, что наличие некоторого числа выявленных книг по той или иной тематике автоматически означает существование и неизвестных книг, и — тем более — статей. Надо продолжить поиски.

Период второй: революционные годы, включая Гражданскую войну, — середина 1930-х годов

К концу 1920-х годов многие философы, психологи, юристы, статистики, начинавшие свои исследования в дореволюционное время, в силу разных причин отошли от активной научной деятельности, были лишены возможности преподавать. Но всё же какая-то преемственность между старыми и новыми поколениями учёных сохранялась. Может быть, именно это помог-

ло недавнему выпускнику Коммунистического института журналистики в Москве Владимиру Александровичу Кузьмичёву (1903–1994) написать и издать в 1929 году книгу по теории общественного мнения [см.: 26]. Она заслуженно признаётся одной из первых советских монографий по рассматриваемому предмету и часто цитируется в историко-социологических исследованиях². Но с точки зрения истории науки представляется интересным изучить, была ли известна Кузьмичёву книга Гольцендорфа, и если он знал её, то в какой мере она повлияла на его собственные теоретические поиски.

Вернёмся к цитированному фрагменту статьи Мансурова и Петренко и заметим, что в нём говорится не об изучении общественного мнения, а лишь об опросах. Однако опрос как метод социологии, социальной психологии, статистики и т. д. далеко не обязательно служил для выяснения установок населения (или его отдельных групп) относительно актуальных, вызывающих общественную дискуссию социальных процессов. К примеру, в обстоятельном исследовании Ф. Э. Шереги о прикладной социологии 1920-х годов указываются многие опросные технологии, которые использовались при анализе отношения кинозрителей к различного рода кинопродукции, при изучении бюджета времени школьников, быта рабочих, уклада крестьянского хозяйства, читателей прессы и книг и т. д. [см.: 27]. В составленном им же кратком списке монографий по социологии, опубликованных в 1923–1933 годах, отражено около 80 работ. В большинстве из них рассматриваются результаты опросов, но лишь специальный анализ должен определить, какие из них могут классифицироваться как исследования в области общественного мнения [см.: 28].

Можно допустить, что в настоящее время мы не просто поверхностно знаем сделанное исследователями того времени, но нами слабо очерчено само пространство поисков. Так, в ноябре 2012 года я провёл большое интервью по истории советской/российской социологии с одним из её создателей Г. В. Осиповым. Рассказывая о теоретико-эмпирическом социологическом исследовании в Горьком, которое под его руководством было осуществлено в первой половине 1960-х гг., он сказал: «Период нашей дореволюционной социологии очень плохо описан, мы говорим только об основных фигурах: М. М. Ковалевский, Н. Я. Данилевский, Н. К. Михайловский, но тут в Горьком встречаю профессора старой русской школы — Василейского». И после моей реплики «Никогда не слышал...» Осипов продолжил: «...А таких много было... мы с ним беседуем, он работал дворником... к удивлению я вижу у него

---

² Личный фонд В. А. Кузьмичёва хранится в Центре документации новейшей истории Томской области. Я благодарен тюменскому социологу, доценту Шамилю Фарахутдинову за помощь в получении базовой информации о содержании этого фонда.

методики социологические, которые ничем не отличаются от западных... мы с ним проводим беседы, замечательный человек был. Он говорит: “Нас много было, но мы разбрелись по России, потому что это всё было запрещено, нас преследовали. Не знаю, каким образом я уцелел”³. При работе с этим интервью мне посчастливилось найти в Нижнем Новгороде историка психологии Н. Ю. Стоюхину, которая несколько лет назад в соавторстве с белорусским коллегой Л. А. Кандыбовичем опубликовала книгу о С. М. Василейском [см.: 29]. Это рассказ не только о тяжёлой судьбе Василейского, но и о драматической участи учёных его поколения.

Обстоятельная беседа со Стоюхиной показала, что Василейский и его коллеги- психологи использовали опросные методы и изучали разные фракции массового сознания, в том числе — массовые установки [см.: 30]. Это лишний раз доказывает, что, проводя исторические поиски, следует исходить из двух обстоятельств: во-первых, на рубеже 1920-х — 1930-х годов занятие социологией в СССР было рискованным, и, во-вторых, трактовка социологии как науки отличалась от современной. Таким образом, поиск работ, которые сегодня могли бы классифицироваться как социологические, следует вести в области соприкосновения ряда обществоведческих наук, то есть в парадигматике междисциплинарного подхода.

Период третий: вторая половина 1930-х — рубеж 1950-х — 1960-х годов

По оценкам Мансурова и Петренко, «...к середине 30-х опросы вовсе прекращаются. Они прекращаются в том смысле, что полностью исчезают со страниц печати, но, напротив, интенсифицируются и расширяются как источник закрытой партийной (и государственной) информации. При партийных комитетах всех уровней решением ЦК ВКП(б) создаются отделы партийной информации. Используя самые разные источники (сообщения информаторов-активистов, сбор сведений собственными силами и с помощью НКВД-КГБ), эти отделы регулярно готовили обобщающие записки о настроениях в среде рабочих, на селе, в среде студенчества, молодёжи вообще (этим занимались аппаратчики службы комсомольских комитетов), интеллигенции, в армии, в партийных ячейках и в самих органах НКВД-КГБ. Более изощёрённой системы изучения мнений и настроений населения, чем та, что была создана большевиками как единственной правящей парти-

---

³ Полностью интервью с Г. В. Осиповым ещё не опубликовано, но его разрешение на публикацию мною получено.

ей, сросшейся с государством, не было ни в одной западной демократии» [18, с. 572].

И далее они отмечают, что по мере ужесточения политико-идеологического режима службы информации, по существу, смыкались по своим функциям с аналогичными службами органов НКВД и ГБ, то есть превращались в органы своего рода «партийной разведки» и политического сыска. Главным в их деятельности было доносительство об антипартийных и антисоветских настроениях и создание в стране ощущения активной поддержки широкими массами очередных партийных решений.

В целом, всё сказанное даёт верную оценку прошлого. Мансуров и Петренко характеризуют описанное как действия партийно-советской системы изучения настроений трудящихся. Мне же представляется, что в рамках исторического анализа будет справедливым признать: в рассматриваемом 25-летию собственно изучения общественного мнения в СССР не было. Можно согласиться с М. К. Горшковым, в первые перестроечные годы писавшим, что «на протяжении длительно времени общественное мнение, став, по существу, одной из жертв периода культа личности, оказалось вне поля зрения общественной науки» [31, с. 9].

Правда, и самого общественного мнения не было. То было время борьбы с «врагами народа», тяжелейшей войны, в том числе и на огромной части территории страны, восстановления народного хозяйства, колоссальных подвижек в структуре населения, вызванных войной и террором в отношении советских людей, тотальной цензуры, сильнейшего государственно-идеологического воздействия на сознание масс, страха людей, «железного занавеса». Конечно, страна не была безмолвной, существовало разномыслие [см.: 32], но общественного мнения как продукта достаточно свободного обсуждения в обществе волнующих его проблем, имеющего легальные формы изъяснения, рассчитывающего на учёт его позиции в практике управления, не было.

Таким образом, до начала 1960-х годов процесс теоретического и эмпирического (прикладного) исследования общественного мнения в СССР не был гладким. При переходе от первого периода ко второму многое из прошлого людям пришлось либо забыть, либо уничтожить, либо стараться не узнавать.

В одном из моих телефонных разговоров с И. С. Коном, состоявшемся в начале 2010 года, он вспомнил, что спрашивал Б. А. Чагина, который изучал в первой половине 1920-х годов общественные науки и тогда же начинал свою профессиональную деятельность, нет ли в его личной библиотеке выпусков журнала «Логос». Тот ответил, что были, но в ожидании ареста он всё уничтожил. «Логос» — международный ежегодник по философии культуры, издававшийся в Москве и Праге (1910–1914, 1925). В нём публиковались

А. С. Лаппо-Данилевский, Н. О. Лосский, С. Л. Франк и другие социальные философы.

Наверное, этот разговор Кона с Чагиным состоялся в 1960-х — 1970-х годах, но вот пример из нашего времени. В указанной выше моей беседе со Стоюхиной она вспомнила, как втянулась в изучение прошлого: «Как-то, в начале 2000-х, мне довелось работать со старшей коллегой, окончившей Горьковский педагогический институт в 1950-х гг. Она часто вспоминала своих преподавателей, и я спросила её: “Я знаю всех старших и уважаемых коллег (слава Богу, живущих), они нас учили и учат, а кто учил их? С кого началась психология в нашем городе?” Профессор шёпотом назвала мне фамилию Василейского, а на мои вопросы — кто это? почему шёпотом? — она, также понизив голос, произнесла: “Ну, он был известный психотехник и педолог”. Тогда у меня интерес к истории психологии был не велик, но слова “психотехник” и “педолог” заинтриговали, тем более — в сочетании с таинственным шёпотом» [30, с. 9–10].

Период четвёртый: начало 1960-х — конец 1980-х годов

Границы этого периода фактически совпадают со временем первого опроса Грушина и созданием ВЦИОМ, в определяющей степени — его детища. В социально-политическом отношении начало этого периода приходится на хрущёвскую «оттепель», его большая часть протекала в эпоху застоя и около пяти лет — в наиболее яркие годы перестройки. В историко-научном плане этот временной интервал исследований общественного мнения справедливо называть *грушинским*.

Могу допустить, что для историков советской/российской социологии, в частности — исследований общественного мнения, этот период является и долго будет оставаться наиболее интересным. Его уникальность, думается, даже если рассматривать в масштабах развития глобальной системы изучения общественного мнения, заключается в существовании некоего весьма неустойчивого баланса политических и научных сил, заинтересованных в научном познании массового сознания, и сил, препятствовавших развитию этого процесса. Причём, здесь не следует считать, что конфликт всегда разворачивался между политиками (партийными функционерами, другими представителями власти) и социологами. Всё было сложнее. В системе партийной иерархии были достаточно высокого уровня функционеры, в целом поддерживавшие проведение опросов на руководимых ими территориях; были директора крупных предприятий, которые активно содействовали социологам в изучении мнений в возглавляемых ими многотысячных трудовых коллективах. Но были и те, кто даже и слышать не хотел о допуске иссле-

дователей в «их» регионы и на «их» предприятия. Аналогичное положение существовало и в сфере науки: одни социологи считали необходимым изучение общественного мнения, другие — видели в опросах лишь стремление сторонников их проведения к «заигрыванию» с Западом и к использованию «под зонтиком партии» буржуазных методов.

Не может не вызывать интереса историков к рассматриваемому периоду изучения общественного мнения и тот факт, что в эти годы было сделано — при поддержке партийных структур и вопреки им — очень много.

Во-первых, были осуществлены широкие *теоретико-методологические* изыскания. Помимо апологетических построений о природе так называемого «социалистического общественного мнения» с присущим ему «социалистическим монизмом» [см.: 33], были и серьёзные попытки разобраться с общими критериями феноменологии общественного мнения и особенностями, обусловленными спецификой развития (позже — «развитого») социализма и деятельностью советских средств массовой информации. Нет возможности даже для краткого рассмотрения подходов разных исследователей к интерпретации понятия общественного мнения, но назову имена основных участников этой открытой и скрытой дискуссии: Б. А. Грушин, М. К. Горшков, Б. А. Ерунов, М. Х. Игитханян, М. Я. Ковальзон, В. С. Коробейников, Р. А. Сафаров, А. И. Пригожин, Ж. Т. Тощенко, А. К. Уледов.

Во-вторых, одновременно с изучением «субстанции» общественного мнения советскими социологами активно разрабатывались проблемы *методики и техники* измерения это сложного образования. Невозможно перечислить имена всех, кто исследовал соответствующий круг вопросов, но перечислю авторов наиболее цитировавшихся работ: А. А. Алексеев, А. Г. Андреев, Б. А. Грушин, А. А. Возьмитель, В. Д. Войнова, Б. З. Докторов, Т. М. Дридзе, А. С. Кулагин, Е. С. Петренко, Э. П. Петров, Г. Д. Токаровский, Б. М. Фирсов, С. В. Чесноков, Ф. Э. Шереги, В. Э. Шляпентох. В этих исследованиях рассматриваются правила формирования и реализации территориальных и производственных выборок; разные аспекты методов анкетирования, изучения документов и прессы, приёмов наблюдения; способы организации полевых работ, математической обработки больших массивов данных.

Александр Константинович Уледов (1920–1999), один из первых советских обществоведов, изучавших проблемы общественного мнения, считал оправданным противопоставлять роль, значение этих двух направлений. В 1959 году он писал: «Конечно, изучение методов получения материала, необходимого для анализа общественного мнения, является одной из задач социологии, но оно не представляет единственной и тем более главной задачи социологии в области исследований мнений» [34, с. 44]. С его точки зрения, главными были определение природы общественного мнения, изучение механизмов его формирования и его места в жизни общества.

По-сути, теоретические задачи отрывались от инструментальных, и, таким образом, если продолжать, углублять этот подход, познание общественного мнения сводилось к построению неких абстрактных моделей. С позицией Уледова категорически не соглашался Грушин, он считал теорию и методологию, то есть систему правил и приёмов измерения мнений, двумя сторонами одной медали и отказывался говорить здесь о первом и втором. Можно допустить, что убеждённость Грушина в справедливости двуединства теоретического и методологического была основой его концептуалистики и практической деятельности, включавшей в себя и проведение опросов, и многолетнюю борьбу за создание в СССР организации (организаций), изучающих установки людей.

Позиции, которые занимали Грушин и Уледов по главным вопросам феноменологии общественного мнения в 1960-х — 1970-х годах, были генетически полярны. Грушин (смотри ниже), в студенческие и аспирантские годы изучавший марксизм лишь как метод логического анализа устройства естественного мира и общества, стремился к построению общенаучного, внеидеологического понятийного каркаса общественного мнения. Уледов, многие годы работавший в Академии общественных наук при ЦК КПСС, обосновывал априори пронизанную идеологией концепцию социалистического общественного мнения [см.: 35]. Наиболее ярко различие в теоретических позициях двух этих исследователей обнаруживается в трактовке вопроса о монизме или плюрализме общественного мнения.

Уледов считал, что при социализме общественное мнение монистично, и это его свойство определяется социальной и идеологической структурой общества, а именно — отсутствием антагонизма в отношениях между классами и важнейшими слоями общества. Он полагал, что единое мнение достигается в процессе борьбы, столкновения разных точек зрения благодаря тому, что все члены общества разделяют общую идеологию и признают ведущую роль КПСС в стране. Конечно, Уледов фиксировал разницу «между уровнем сознания широких масс и авангарда — Коммунистической партии» [35, с. 32–33], но чтобы это обстоятельство не противоречило тезису о монизме общественного мнения при социализме, им были введены понятия формирующегося, складывающегося общественного мнения и сложившегося. Он писал: «Когда формируется общественное мнение, то неизбежна борьба противоречивых суждений. Такая борьба имеет место и в социалистическом обществе. <...> Другое дело, когда мы сталкиваемся уже со сложившимся мнением» [35, с. 88–89].

Грушин относил плюрализм к сущностным, критериальным атрибутам общественного мнения и потому считал его свойством, присущим и социалистическому общественному мнению. Прежде всего он отмечал, что тезис Уледова о делении общественного мнения по отношению «партия — широ-

кая масса» абсолютно не соответствует фактам: в проведённых Грушиным исследованиях не было ни одного случая, когда бы «при обсуждении того или иного вопроса все говорящие разделились на две группы: коммунистов и беспартийную массу. Коммунистическая партия — наиболее сознательная часть народа. Это так. Но как можно утверждать, что буквально каждый член партии превосходит по уровню своих знаний и своей сознательности всех беспартийных членов общества?!» [10, с. 180]. По Грушину, суть плюрализма мнений заключалась в разнообразии (плюрализме) материальных условий существования людей, он связывал эту множественность со строением социалистического общества. Принципиальное отличие функционирования общественного мнения в социалистическом и буржуазном обществах он видел не в том, что при социализме «постоянно царит единодушие и невозможен плюрализм мнений, а в том, что существование и возможности такого плюрализма здесь *принципиально* ограничены — ограничены, в частности, *отсутствием оппозиции*» [10, с. 186]. Грушин обстоятельно объяснял своё понимание плюрализма социалистического общественного мнения и природу границ плюрализма мнений при социализме, но само обсуждение этих проблем за два десятилетия до начала перестройки и объявления политики гласности, выглядело вызывающим, еретическим.

Третье важнейшее направление деятельности исследователей общественного мнения — выявление и изучение суждений, оценок, установок советских людей. Масштабы, многообразие, географию опросов, проведённых в те годы, ещё предстоит оценить; безусловно, это — тысячи полевых исследований. Если говорить о руководителях наиболее крупных, многоцелевых теоретико-прикладных проектов, то следует отметить Е. И. Башкирову, М. К. Горшкова, Б. А. Грушина, Я. С. Капелюша, В. С. Коробейникову, В. Н. Иванова, И. Т. Левыкина, В. А. Мансурова, Ж. Т. Тощенко, Б. М. Фирсова, Ф. Э. Шереги, В. Э. Шляпентоха. В Институте комплексных социальных исследований АН СССР (теперь — Институт социологии РАН) в 1973–1984 годах все опросы общественного мнения — 10–12 в год — были сосредоточены в отделе прикладных социальных исследований и проводились только по прямому указанию отделов ЦК КПСС. Данные опросов публиковались крайне ограниченно, в основном они использовались заказчиком.

Опросы общественного мнения, прежде всего, работающей части населения и студенчества выполнялись во всех регионах, но результаты этих исследований либо вообще не публиковались, так как действовали очень суровые ограничения на распространение этого рода информации, либо кратко освещались в местных малотиражных сборниках. Общую картину сделанного по этому направлению дать крайне сложно, но, может быть, кое-что ещё восстановимо.

Период пятый: конец 1980-х гг. — настоящее время

Два общего плана обстоятельства характеризуют последние 20–25 лет изучения общественного мнения в России. Во-первых, рассматриваемый период стал развитием предыдущего, прежде всего, в нём видна кадровая преемственность. Во-вторых, новый период, возникавший в условиях гласности и становления свободного рынка, исторически, генетически был «обречён» на то, чтобы качественно отличаться от предыдущего.

Прежде всего, в 1987–1988 годах был создан ВЦИОМ с сильной региональной сетью по сбору информации; подробнее об этом будет рассказано ниже. Организацию возглавили Т. И. Заславская и Б. А. Грушин, вскоре они пригласили Ю. А. Леваду с сильной группой аналитиков. Всё это интерпретировалось в стране и на Западе как знак заинтересованности М. С. Горбачева в регулярной информации об отношении населения к проходившим в СССР политическим и экономическим реформам. ВЦИОМ сыграл роль «материнского роя». В начале 1990-х годов большинство его региональных отделений оформились как самостоятельные организации. Из ВЦИОМ вышли и стали успешно функционировать Фонд «Общественное мнение», КОМКОН, структура, называемая в настоящее время группой компаний «TNS Россия». В 2003 году во ВЦИОМ пришла новая команда, а старый коллектив в полном составе создал «Левада-Центр».

На рубеже 1980-х — 1990-х годов в Москве, Петербурге, во многих областях страны стали возникать *независимые* организации, которые по заказам политических структур, прессы, предпринимателей, зарубежных фондов начали зондировать общественное мнение, потребительские установки, отношение к рекламе и так далее.

Несмотря на недостаточно разработанную законодательную базу функционирования негосударственных предприятий, слабость банковской системы, наличие трудностей с приобретением и освоением вычислительной техники, острую нехватку кадров и прочее, находились социологи, устремившиеся в эту новую область исследовательской и аналитико-информационной деятельности. Среди основателей независимых социологических организаций были энергичные, 40–45-летние учёные, со значительным опытом прикладных исследований. Как личности они формировались в эпоху отступления хрущёвской «оттепели» и пришли в науку, когда возможности для профессионального и карьерного роста оказались крайне урезанными. Несколько позже эту новую для российской социологии нишу начали осваивать более молодые специалисты. В целом все, кто открывал «своё дело», ощущали дух, требования менявшейся в стране политической и экономической обстановки и видели в собственном бизнесе перспективы для личностной и профессиональной самореализации.

К настоящему времени мною собраны, проанализированы и в значительной мере опубликованы биографические материалы о большой группе социологов, в разные годы занимавшихся проработкой теоретико-методологических проблем изучения общественного мнения и проведением опросов. Назову всех их, ибо опыт каждого уникален и в высшей степени ценен для понимания прошлого и восприятия настоящего: Е. И. Башкирова, М. К. Горшков, Б. А. Грушин, Т. И. Заславская, М. Е. Илле, В. И. Ильин, Я. С. Капелюш, Л. Е. Кесельман, Ю. А. Левада, В. В. Локосов, Р. С. Могилевский, А. Ю. Мягков, А. А. Ослон, Е. С. Петренко, Т. З. Протасенко, Г. А. Сатаров, М. А. Тарусин, Ж. Т. Тощенко, Б. М. Фирсов, Ф. Э. Шереги, В. Э. Шляпентох, Н. В. Ядов.

Обращение к этим материалам обещает дать объёмную картину того, как представители разных поколений входили в проблематику исследований общественного мнения, как преодолевались многие методические и организационные трудности. Начало изучения собранного массива данных отражено в недавно вышедшей моей книге по современной истории советской/российской социологии [см.: 13]. Несколько сюжетов, рассмотренных там, иллюстрируют, как в последние годы СССР и в период возникновения постсоветской России происходило формирование системы независимых организаций, самостоятельно осваивавших изучение установок населения к проходившим в стране кардинальным политико-идеологическим и социально-экономическим реформам.

Создателем одной из первых в СССР частных исследовательских организаций является Е. И. Башкирова, которая до того многие годы проработала в Институте социологии АН. Свои знания и навыки в области изучения общественного мнения она приобрела в процессе сотрудничества с Мичиганским университетом в США, в частности с Центром социальных исследований, в котором работали Бил Зиммерман, Лэсли Киш (эксперт мирового уровня по выборкам, автор таблиц для случайного отбора респондентов), Говард Шуман и многие другие. Работала она также с Рональдом Инглхартом (США) над проектом «Мировые ценности»; с Люком Хальманом (Нидерланды) и Ж.-Ф. Черния (Франция) над «Европейскими ценностями»; с исследователями Европейской комиссии, отвечавшей за «Евробарометр»; и многими другими. Из материалов нашего интервью я приведу лишь ту часть, в которой рассказывается о создании ею организации РОМИР (Российское Общественное Мнение и Рынок). Вот фрагмент воспоминаний Башкировой:

Решение о создании РОМИРа я приняла в 1989 году. Тогда я ещё работала в Институте социологии, и тот первый РОМИР был создан по согласованию с руководством института. Деньги, которые мы там зарабатывали, шли Институту, хотя договора заключались

со мной. Надо сказать, что в тот момент РОМИР очень сильно помог Институту социологии, ведь государственное финансирование было мизерным. Потом возникла довольно странная ситуация: заместитель директора института В. А. Мансуров высказался в том духе, что все клиенты РОМИРа — это клиенты именно Института социологии, и тогда возник некий конфликт интересов. Впрочем, когда из института ушла я, за мной потянулись клиенты, продолжив наше сотрудничество в рамках уже другой структуры.

Уходила я из института вскоре после того, как там прошла аттестация и мне назначили высшую категорию по её итогам. Я и мой сектор вели много актуальных проектов по самым разным проблемам, включая большое количество международных проектов [13, с. 473].

И всё же её сектор сравнительных международных исследований был сокращён. Ей предложили либо остаться работать в Институте социологии, но без её сектора, либо возглавить исследовательский центр конфликтологии при Отделении государства и права Академии наук СССР. Но в Институте ей оставаться не хотелось, а тема конфликтов и конфликтологии была для неё чужой. Поэтому она и её коллеги по сектору и первому РОМИРу зарегистрировали новый РОМИР, арендовали помещение и стали успешно работать. Это был 1992 год.

К началу перестройки Ф. Э. Шереги уже многие годы работал в Научно-исследовательском центре Высшей комсомольской школы при ЦК ВЛКСМ, руководил Отделом социологии, и на его счету было множество исследований по заказам высокого уровня партийных и комсомольских структур. Однако наступили новые времена. В ходе интервью я спросил у него: «Как ты реагировал на весь комплекс событий конца 1980-х?». Вот основные положения его ответа:

Кризис в государстве достиг высокого уровня, и для меня вновь стал актуальным вопрос — как выживать? Я начал искать коммерческие возможности реализации своих социологических навыков и в итоге нашёл «хозрасчётные» работы в Министерстве иностранных дел, Союзе советских писателей, комсомольских организациях, на ряде предприятий. Так в 1988 году началась моя карьера предпринимателя. Благо, для меня эти отношения не были новшеством — с детства формировался в подобной среде. Осенью 1990 года зарегистрировал свою частную социологическую фирму, которая успешно функционирует и по сей день под названием «Центр социального прогнозирования». Пока это «всеядная» организация, так как в России нет необходимой рыночной конъюнктуры

для специализации в области информационных услуг, во всяком случае — для прикладной социологии. Она задумывалась как организация по производству информации по экономическому и политическому маркетингу. Однако выжить только за счёт таких исследований в России трудно, поэтому пришлось вернуться к прикладной социологии и выполнять социальные исследования более сложного с точки зрения тематики характера. Это в основном прикладные социальные исследования для министерств и ведомств. С фондами я работаю очень редко. С 1990 по 2006 год под моим руководством Центр социального прогнозирования выполнил не менее 400 различных проектов [13, с. 472].

Многие годы работы в негосударственной организации заставляют серьёзно относиться к оценкам Шереги общей атмосферы в стране и возможности ведения бизнеса в информационно-аналитической сфере. Наше интервью завершилось в 2007 году, на тот момент он считал, что бизнес, особенно малый и средний, был серьёзно «задавлен», работалось очень трудно. По его мнению, интеллектуальной части общества предстояло долго ждать, пока «тылы» подтянутся к рынку из состояния иждивенчества.

В начале 1988 года А. А. Ослон, математик, софтвер которого использовали для анализа социологической информации, по приглашению Т. И. Заславской начал работать в только что созданном ВЦИОМе. Довольно скоро он стал заместителем Заславской и окунулся в массу проблем обеспечения жизнедеятельности Центра.

По его воспоминаниям, в конце 1990 года стали появляться сведения о новых формах организаций, и как-то при выходе со станции метро «Площадь Революции» он в киоске купил примерный проект устава «товарищества с ограниченной ответственностью»; это словосочетание его поразило. По пути на работу он успел прочитать брошюру из нескольких страниц и понять, какой должна быть организация ВЦИОМ. Подобные идеи тогда витали в воздухе, однако никто не знал, как это сделать. Ослон неоднократно обсуждал идею изменения организации ВЦИОМ с Заславской, и когда казалось, что всё ясно, она спросила его: «А у нас начальства вообще что ли не будет?» К этой инновации необходимо было привыкнуть. Вскоре Ослоном был создан Фонд «Общественное мнение», исходно это был своего рода кооператив при ВЦИОМе. Летом 1991 года вышел закон, потребовавший перерегистрации ФОМ, но он по-прежнему оставался вциомовским. Однако через год Ослон с небольшой группой сотрудников ФОМ ушел из ВЦИОМа. Он замечает: «Я уходил не математиком, не хозяйственником, не аналитиком данных, я уходил рыночником, то есть как бы доминантой было позиционироваться, найти своё место и добиться успеха в новой рыночной среде» [13, с. 339].

В течение следующих нескольких лет ФОМ проводил различные опросы политической, социальной, маркетинговой направленности, оттачивал методику, накапливал собственный опыт. Но качественные изменения в его жизнь и деятельность внёс 1996 год, когда Фонд стал частью команды, борющейся за переизбрание Ельцина на пост президента [см.: 13, с. 339].

В период 1960-х — 1980-х годов опросы проводились преимущественно с привлечением анкетёров, реже — интервьюеров, на общественных началах, и сбор данных обычно проходил по месту работы или учёбы, территориальные выборки использовались в исключительных случаях. К началу 1990-х годов подобная практика перестала существовать, опрос респондентов происходил дома и осуществлялся оплачиваемыми и прошедшими специальный инструктаж интервьюерами.

Принципиально то, что результаты многих опросов стали открытыми, они появились на страницах прессы, комментировались по радио, на телевидении. Исследователь общественного мнения впервые стал публичной фигурой.

Значительная группа опытных исследователей и многие молодые социологи прошли обучение в американских и европейских полстерских и маркетинговых организациях или на курсах, проводившихся в России иностранными специалистами. К концу века российские исследовательские компании освоили западные технологии по сбору и анализу данных и были приняты в международные ассоциации, общества, союзы аналитиков общественного мнения и рынка.

Кроме перечисленных выше организаций, проводящих общенациональные опросы общественного мнения, назову также: «Башкирова и партнеры», «Институт социального маркетинга» (ИНСОМАР), «Институт сравнительных социальных исследований» (CESSI), Международный институт маркетинговых и социальных исследований «ГФК Русь» (GfK RUS), «РОМИР», «Центр социального прогнозирования и маркетинга», «Циркон» и ряд других организаций.

В апреле 2001 года была образована и успешно действует Ассоциация региональных социологических центров «Группа 7/89», она объединяет около 120 исследовательских компаний, работающих в Москве, Петербурге и почти в 30 регионах России.

«...ИЗ ОБЫКНОВЕННОГО, БАНАЛЬНОГО КОМСОМОЛЬСКОГО АКТИВИСТА...»

Борис Андреевич Грушин родился в Москве в 1929 году.

В одном из интервью Грушин сказал: «Я москвич в третьем поколении. Мама служила по бухгалтерской части. Дед был пекарем, отец тоже. У отца (мы с ним очень дружили) было 4 класса образования, но человек это был

совершенно особого склада ума и характера. Член партии с 1924 года. Фронтовик — ушёл добровольцем в первые же дни, хотя у него тогда уже не было одной почки. Был тяжело ранен. Карьеру свою он закончил в Минфине, в аппарате министра финансов А. Г. Зверева. Мне с генами передались от него два качества: честность в делах (до глупости) и аккуратность. У меня они выродились в этакий “перфекционизм”, я — “отличник по определению”. Отец оказал на меня огромное влияние» [7]. В личном письме Грушин, кроме того, сообщил мне, что его отец, будучи комсомольским и партийным активистом, быстро продвигался по службе и, став директором пекарни, был избран в Московский совет депутатов. Хотя у него не было особого образования, в середине 1930-х Моссовет направил его в Московский репертуарный комитет, утверждавший спектакли всех московских театров.

В воспоминаниях архитектора Андрея Станиславовича Косинского, одноклассника и друга Грушина, есть описание школы, в которой они по возвращении из эвакуации начали учиться первого сентября 1943 года в седьмом классе. За одной партой они просидели четыре года, а их дружба сохранилась навсегда. «Школа эта находилась в рабочем районе на улице Щипок недалеко от Павелецкого вокзала. Она была уникальна. Директор ходил в кирзовых сапогах, в стёганом ватнике, в шапке-ушанке, с болтающимися ушами, почему-то всегда с топором за поясом и не брезговал прибегать к “спектр-минологии”, отчитывая провинившихся. Учителя накануне урока прочитывали в учебниках нужный материал и на другой день, запинаясь, произносили его перед нами. Помню, каких мучений доставляло нашей “историчке” имя “Навуходоносор”. И ученическая масса, за редчайшим исключением, была отменная шпана с воровством, драками, со своими главарями...» [36, с. 27].

Уже в первые дни знакомства ребят выяснилось, что оба они любят музыку, особенно оперу. Большой театр и консерватория тогда не работали, но в Колонном зале проходили прекрасные симфонические концерты и оперы в концертном исполнении. Тогда они окунулись в музыку Бетховена, Шопена, Чайковского, Бородина, там слушали «Самсона и Далилу», «Садко», «Царскую невесту», знакомились с творчеством великих певцов.

Через два года они и ещё несколько их одноклассников были переведены в другую школу. Здесь всё было иначе: иной район, иной коллектив соучеников и преподавателей. Там они испросили разрешения написать одно общее сочинение о Большом театре. Усердно работали два месяца, собирали материал, в том числе — в архивах Бахрушинского музея. Сдали сочинение, получили по пятерке и забыли. Но незадолго до выпускных экзаменов в школу пришла весть. Оказалось, что среди школьников страны был проведён всесоюзный конкурс, посвящённый 800-летию Москвы, на который было представлено около сорока тысяч сочинений. Их сочинение получило первую премию.

Сказанное выше приобретает объёмность благодаря информации, присланной мне Наталией Георгиевной Карцевой, вдовой Бориса Андреевича:

Борины родители были замечательные люди — добрые, порядочные, заботливые. Отец, сам не большой книголюб, оставил двум своим сыновьям огромную библиотеку классической литературы — русской и мировой. В своём министерстве финансов он отвечал за подписку на книги, и сам ничего из выходящего не пропускал. А Боря к тому же получил после его смерти сотни пластинок, которые отец собирал всю жизнь. Сейчас это просто бесценные музейные экспонаты.

И ещё очень характерная для семьи история: малым детям (брат моложе Бори на восемь лет) нашли няню, шестнадцатилетнюю девочку из деревни. Когда дети подросли, и она уже была им не нужна, её оставили жить с семьей в крошечной коммунальной квартире и более того отправили учиться на повара. Когда я с ней познакомилась, она работала в арбатском магазине «Диета» — все старые москвичи его хорошо знают — начальником кондитерского цеха и, уже имея свою семью, оставалась и членом грушинской.

О музыке. Кто из мальчишек мечтает стать философом? Боря мечтал стать дирижёром. У него был абсолютный слух, и до войны он учился играть на скрипке. Война спутала карты, и когда семья вернулась в Москву из эвакуации, возможность серьёзно заниматься музыкой была упущена — тут, как и в балете, надо начинать гораздо раньше. Но безумную любовь к музыке он сохранил на всю жизнь. В основном он работал дома и всегда отгораживался от всей домашней суеты стеной из музыки. И с этим у нас связана одна забавная история. Когда Оля была маленькой, мы нашли няню — немолодую глуховатую женщину. Она целый день слышала за дверью кабинета музыку, но не слышала пишущей машинки, поэтому когда я возвращалась вечером с работы, она очень мне сочувствовала — раздевайтесь скорее, говорила, я пока не ушла, принесу вам чай, а этот — свирепый взгляд в сторону Бори, — пусть идёт гулять с ребёнком⁴.

В 9 классе в школе был создан комсомольский клуб. Сочиняли и ставили спектакли, устраивали концерты, приглашали гостей. Образовалась небольшая группа, началась новая жизнь, и тут Грушин выдвинул идею: окончим школу и будем жить вместе «коммуной». Правила строгие: деньги общие, вклю-

⁴ Электронное письмо Н. Карцевой Б. Докторову от 20 ноября 2013 года.

бляться нельзя ни внутри, ни вне, — будет нарушено равноправие, никаких тайн друг от друга и т. д. Эта неосуществимая идея просуществовала до конца школы и тихо заглохла.

По мнению Косинского, семьи Грушина «не коснулись репрессии 30-х годов, и он по убеждениям был абсолютным большевиком. Свято верил в наступление коммунизма в ближайшее время. “Ты только посмотри, — кричал он мне, — Бошнян утверждает, что коммунизм наступит через 5 лет! Лепешинская в пробирке уже выращивает нового человека! А какие перспективы открывает Лысенко!”. Все мои сомнения по этому поводу отвергались в самой категорической форме» [36, с. 30].

Начало учёбы Грушина в МГУ ярко описал М. С. Хромченко: «Золотой медалист, ещё в школе начитавшись Гегеля и Фейербаха, легко преодолев собеседование, поступает на философский факультет университета с целью заниматься этикой и эстетикой по Чернышевскому. Оказывается, идейного комсомольца в кожанке, хотя и без маузера, его выражение, не устраивало не только раздельное обучение, против которого он выступал ещё в школе, но и некоторые отклонения в поведении советских людей в кавычках. Полагая, что для их исправления надо усилить коммунистическое воспитание, он хотел за годы обучения пополнить свой теоретический багаж. Окончательно переосмыслить систему идеологических координат ему пришлось, однако, в страшные годы борьбы с безродными космополитами, детей которых, тех, кто учился на его курсе, он чуть ли не в одиночку защищал» [37, с. 32–33]. Возможно, что со временем Грушин стал бы «нормальным» философом, разрабатывал бы проблемы морали, но в год его поступления в университет произошло непредвиденное.

По воспоминаниям И. С. Ладенко, автора множества работ по философии познания, формировавшегося в московской школе методологов, однажды в кабинет Генералиссимуса, работавшего по ночам, были «доставлены» оставшиеся в живых отечественные логики, в том числе В. Асмус, М. Строгович и П. Попов. ...Вождь предъявил им «Учебник логики» для гимназий Г. Челпанова, произнес речь о пользе логики и необходимости изучения её советскими специалистами, руководящими работниками и студентами, а затем дал задание — обеспечить подготовку преподавательских кадров и развернуть образовательный процесс в учебных заведениях [см.: 38]. После этой встречи на философском факультете МГУ была открыта кафедра логики, и Грушин тут же, по его словам, «откликнулся на призыв партии и правительства» [39, с. 205].

Через много лет, в 2000 году, Грушин так вспоминал период студенчества: «Кстати, это время, 1947–1952 годы — время при жизни Сталина, было временем гигантских, трагических событий. Один 1949 год чего стоил — когда в течение года была и кровавая, и бескровная, но острейшая, напряжённей-

шая борьба с так называемыми космополитами. Потом знаменитый процесс 1951 года, связанный с врачами. То есть ситуация была до предела накалена в политическом и идеологическом смысле» [40, с. 12]. Он писал, что ситуация на факультете была достаточно напряжённой, однако там чувствовалось очень серьёзное брожение в умах. В частности, он связывал это с тем, что вернулись с фронта с новыми идеями совершенно светлые умы, люди типа Э. В. Ильенкова, В. Ж. Келле, А. А. Зиновьева. Они видели мир, они первыми прорвались за «железный занавес», и вернулись, увидев совершенно иные образцы, иные формы жизни, нежели те, которые были присущи тоталитарному сталинскому обществу.

Университетские годы Грушина прошли в напряжённых философских дискуссиях внутри неформального дружеского объединения, известного сегодня как «Московский методологический кружок» (ММК). Кружок возник в начале 1950-х годов и окончательно оформился в 1954 году. Основателями, ядром ММК были четыре человека, каждый из которых внёс значительный вклад в науку, философскую культуру и нравственный климат советского общества.

Старшим в этом объединении был Александр Александрович Зиновьев (1922–2006), которого, вспоминая в одном из интервью Грушин, за глаза называли Учителем. Ко времени возникновения кружка Зиновьев имел богатую событиями биографию. До войны он учился в Институте истории, философии и литературы (ИФЛИ), был арестован по обвинению в подготовке убийства Сталина, бежал из-под следствия, в годы войны воевал сначала в танковом полку, а затем в штурмовой авиации. Одновременно с обучением на философском факультете он учился на механико-математическом. Зиновьевым получены принципиальные результаты в области логики и методологии науки, и он широко известен как автор ряда социологических исследований о природе коммунистического общества. После публикации книги «Зияющие высоты» в 1979 году Зиновьев был выслан из СССР; в Россию он вернулся в июне 1999 года.

Ровесником Грушина был Георгий Петрович Щедровицкий (1929–1994). Проучившись три года на физическом факультете МГУ, он отказался заниматься атомной тематикой и в 1949 году перевелся на философский факультет, который с отличием окончил в 1953 году. В течение многих лет круг его научных интересов включал структурно-системный анализ знаний и мыслительной деятельности, определение места и границ логических и нормативных методов анализа мышления. В 1968 году Щедровицкий подписал коллективное письмо руководителям КПСС и правительству в поддержку правозащитников Александра Гинзбурга и Юрия Галанскова. Сразу последовали: исключение из партии, увольнение с работы, потеря возможности публиковаться. Через несколько месяцев он нашёл новую работу и скон-

центрировался на проблемах семиотики и теории понимания, особенностях проектного, планирующего и программирующего мышления, перспективах развития соответствующей методологии. Позже им была разработана новая форма организации коллективного мышления и деятельности, получившая название «организационно-деятельностные игры».

Младшим в этой четвёрке и позже всех примкнувшим к ней был Мераб Константинович Мамардашвили (1930–1990), один из крупнейших философов второй половины XX века. Он был прирождённым мыслителем. В личном письме сестре Мамардашвили Грушин писал: «Для меня самым главным в нём было то, что этот человек был как бы задан один раз и навсегда в готовом виде. Это меня потрясло больше всего... Если я когда-либо встречал так называемого нонконформиста, то это был прежде всего Мераб. Я встретил его в первый или во второй день появления на философском факультете в 1949 году... когда у нас начала складываться... группа людей, которая чувствовала всю несуразность того, что происходит в философии, в образовании философском. Я был тогда студентом третьего курса, когда появился Мераб. Он не сразу примкнул к нам, и не примкнул именно потому, что резко отличался по складу своего мышления, по взглядам на жизнь вокруг нас. Но он сразу внёс какую-то абсолютно новую линию, новую ноту. Он уже тогда утверждал то видение мира, до которого мы добрались коллективными усилиями только в 1990-м» [41].

За несколько лет до смерти Грушин вспоминал: «Действительно, наша четвёрка являла собой беспримерный образец мужской дружбы. Это было что-то совершенно невероятное: у нас у всех были семьи, но эти семьи были далеко-далеко на заднем плане. Мы принадлежали друг другу, встречались каждый день и действительно могли претендовать на роль Диоскуров» [42]. Примерно то же незадолго до смерти сказал Мамардашвили: «...Это было завязкой дружеских связей, связей заговорщиков личностного бытия интеллектуальной, идеально-содержательной дружбы, то есть явления, которое исключалось существующим обществом. Если дружба случалась, то уже сама по себе она становилась разрушительной оппозицией по отношению к тогдашнему обществу» [43].

Участники ММК называли себя диалектическими станковистами, или «диастанкурами». Мамардашвили объяснял происхождение этого названия так: «Издеваясь над приспособленческим искусством — “реалистическим”... где фактом нового искусства считалось само изображение новых людей, то есть партийных руководителей района и всей страны, когда портреты выполнялись в гайках, сеном... есть смешная картинка такого наблюдения у Ильфа и Петрова. Они называли подобных “художников” диалектическими станковистами — диастанкурами! Вот в этом смысле, плюс внутренняя аллитерация, мы и были четырьмя диастанкурами... скажем так» [43]. Грушин

вспоминает: «...Поначалу мы назывались просто диалектические станковисты, а я, как любитель древнегреческого эпоса, знал о двух выдающихся братьях-близнецах Диоскурах, Касторе и Полидевке, которые не расставались никогда друг с другом. И потому, желая подчеркнуть особый тип наших отношений, предложил называться “диастанкурами”. Вот как это всё выглядело на самом деле».

В одном из своих интервью Грушин кратко охарактеризовал поиски диастанкурами своего видения мира и философии. «До появления “диалектических станковистов”, — сказал он, — логика делилась на диалектическую и формальную. Диалектическая была просто болтовнёй, потому что формулы “отрицание отрицания”, “единство и борьба противоположностей” к науке, с нашей точки зрения, не имели никакого отношения. И в том числе к Гегелю, у которого данная терминология во многом была почерпнута. Речь (у нас. — Б. Д.)... шла о том, чтобы понять, как происходит процесс мышления в раскрытии предмета, в добывании истины. Формальная логика занималась исчислением высказываний в лучшем случае... Мы же стремились раскрыть приёмы и процессы самого мышления, познания и расчленения вещи. ...Мы назвали эту логику генетически-содержательной — содержательной в том смысле, что мы пытались раскрыть содержательные процессы познания, а не формальные» [42].

Образование Московского логического кружка — это из разряда флуктуаций. Прежде всего появление диастанкуров надо рассматривать как возникновение, проявление одной из маловероятных — почти невероятных — редких форм (мутаций) социокультурной рефлексии событий, происходивших в СССР в первые послевоенные годы, и уже затем как прямое следствие начинавшегося изменения в подготовке советских философов. Другими словами, историчность появления диастанкуров — что стало первым шагом на пути к возникновению опросов в СССР в 1960-е годы — видится нам в случайности, которая могла проявиться на рубеже 1940-х — 1950-х и которая реализовалась.

Конечно, приведённое объяснение парадоксально, но эта алогичность созидательна, и потому в принципе объяснение такого рода не является уникальным в истории науки, более широко — в истории изобретений. Мы же приводим такое объяснение ещё и потому, что оно содержится в воспоминаниях Мамардашвили о возникновении Московского логического кружка. Отправным для Мамардашвили (он говорил это в 1990 году) было признание существования пропасти в развитии культуры страны, имелись в виду «1917 год и всё, что за ним последовало». Признавая отсутствие прошлого, он одновременно отмечал бессмысленность ностальгирования и попыток восстановить прошлое: «Ну, нет его и быть не может, это всё исчезло физически». И далее, он говорил, что новое может возникнуть, произрасти лишь

в «человеческом материале, какой есть». Так, по мнению Мамардашвили, и появились диастанкуры: «Что, Зиновьев из Бердяева что ли вырос? Да ничего подобного — из полупьяного лейтенанта Советской Армии. И Грушин... из обыкновенного, банального комсомольского активиста...».

Мамардашвили отмечал, что их поколение было лишено информации, лишено связей, но диастанкурам удалось найти в логике «Капитала» материал для анализа, который рассматривался ими как образец интеллектуальной работы. «Это не марксизм, — говорил Мамардашвили, — это текст личной мысли Маркса, текст мыслителя по имени Маркс» [43].

При анализе биографий американских исследователей общественного мнения не раз отмечалось влияние, которое оказали на их творческую судьбу университетские преподаватели. По воспоминаниям Грушина, он и его друзья оказались в иной ситуации: «...Мы понимали, что предлагаем нечто принципиально новое, которое нельзя наряжать в старые одёжки, из этого и возник наш станковизм. Но, выступая не только против... монстров от науки, объявляя другую точку зрения, мы должны были не менее резко дистанцироваться и от их оппонентов, а это означало выступать и против Павла Сергеевича Попова, и обожаемого нами Александра Сергеевича Ахманова, и Валентина Фердинандовича Асмуса, в домашней библиотеке которого я чувствовал себя как дома» [37, с. 51–53].

Кружковцы понимали, что выбор любой тематики из области исторического материализма означал превращение сделавшего этот выбор в своеобразного пономаря, обслуживавшего идеологические шестерёнки. Они отыскивали свою тематику на пересечении содержательной и диалектической логики, но старательно избегали говорить о диалектической логике, чтобы подчеркнуть своё отличие от идеологизированных трактовок Марксовой диалектики.

С темой собственных исследований Грушин определился рано: это было изучение логики «Капитала». В 1952 году он окончил МГУ, с дипломной работой «Проблема логического и исторического в “Капитале” Маркса».

Кандидатская диссертация Грушина называлась «Приёмы и способы воспроизведения в мышлении исторических процессов развития». В ней было показано, что развитие возможно лишь в том случае, если соответствующие объекты, процессы обладают системным характером. Системность объявлялась базой, основой развития, и в нём вычленялись определённые универсальные этапы. Для доказательства справедливости своей точки зрения Грушин обращался к историческому и естественнонаучному материалу.

В своих заметках И. Ладенко писал о диссертации Грушина: «...Его интересы не ограничивались анализом “Капитала”; он привлекал научные сочинения разных авторов, стремясь путем сопоставления и сравнения найти общие для них приёмы и способы мышления. Это были исторические иссле-

дования, притом не только истории обществ, но также истории природных явлений. Обращаясь к вопросу о соотношении исторического и логического, Б. Грушин выходил за границы того, что было в “Капитале”, и обсуждал этот вопрос для других случаев построения теоретического знания о сложных развивающихся объектах. Он ввёл представления о структурно-исторических и историко-структурных исследованиях, а также об особенностях применяемых в них приёмов и способов мышления» [38].

Грушинская трактовка соотношения логического и исторического не нашла поддержки у Учёного совета, и в 1955 году диссертанта провалили на защите. Много позже Грушин так описывал сложившуюся ситуацию: «Мне не просто провалили диссертацию, а дали “волчий” билет, я никуда не мог устроиться на работу. Куда я ни приходил — меня не брали! Ни в один институт. Конечно, у меня была возможность устроиться в школу, но мне такая работа очень не нравилась. У меня родился ребёнок, нужно было зарабатывать деньги для семьи. А я не умел ничего! Кто-то подрабатывал грузчиком, но я с этой точки зрения никуда не годился».

Наталия Георгиевна Карцева, более сорока лет прожившая вместе с Грушиным, замечает о своём муже: «Борис был очень аккуратен по отношению к своим бумагам, но... Он никогда и ничего не выбрасывал. <...> Казалось бы, кому нужны документы со всех промежуточных этапов работы? Зачем после сражения генералу перетряхивать все солдатские портянки? Борис знал зачем. Он начал собирать информацию, имеющую отношение к его жизни, по-моему, едва научившись писать. Во всяком случае дневник он вёл с восьмого класса, а последнюю, отчаянную запись сделал накануне отъезда в больницу, из которой уже не вышел» [44, с. 369].

В цитированных выше воспоминаниях Косинского отмечено: «Уже в свои 14 лет Борис Андреевич был (в отличие от меня) крайне организованным человеком. Каждый день его был расписан до мелочей. Он ничего не забывал и не пропускал» [36, с. 29]. С этим же мы встречаемся в описании Грушиным процесса поиска им работы: «...Я прошёл 21 адрес. Я был жутким педантом, как и Щедровицкий. У меня на стене висел плакат, где я отмечал у каждого адреса — придите завтра, придите послезавтра. Причём в ход пошли самые нелепые адреса: с помощью тестя я пытался попасть секретарем к Главнокомандующему танковыми войсками! А философские институты были для меня закрыты, так как они находились под пятой академиков» [42].

В 1957 году Грушин защищал работу второй раз; обсуждение длилось пять с половиной часов, и выступили 13 человек. Итог защиты был успешным: 15 «за» и 3 «против», но эти трое написали в ВАК о том, что факультет совершил грубую идеологическую ошибку и пропустил антимарксистскую работу. Грушину пришлось защищаться третий раз, теперь — в ВАКе. Всё завершилось только в 1958 году. Но всё равно на партийных собраниях философ-

ского факультета постоянно вспоминали о ревизионистах, антимарксистах, формалистах, позитивистах Зиновьеве, Щедровицком и Грушине. И лишь в 1959 году декан предложил: «Давайте Грушина оставим в покое! Всё-таки он — редактор отдела пропаганды в “Комсомольской правде”, в центральной газете»!

В 1961 году кандидатская диссертация Грушина была опубликована в виде монографии [см.: 45].

ЧЕЛОВЕК ИДЕАЛОВ И ИДЕЙ

Сын Джорджа Гэллапа, Джордж Гэллап-младший сказал о своём отце: «Он был человеком идей и идеалов» [46]. Эту характеристику в различной мере можно распространить на советских социологов-шестидесятников, начинавших свои исследования на рубеже 1950–1960-х годов, но в первую очередь, она относится к Грушину. Слова сына Джорджа Гэллапа были спонтанной реакцией на вопрос интервью, в равной мере он мог бы сказать и иначе: «человек идеалов и идей»; подобное изменение порядка слов было бы оправданным. Многие называли Гэллапа-старшего романтиком, считали, что он переоценивал способность населения адекватно понимать происходящее и разумно судить о политике. Но он, будучи представителем десятого поколения американцев, ощущал своё предназначение, слышал зов судьбы и вызовы времени и называл себя апостолом демократии.

При последней моей встрече с Грушиным, у него дома в феврале 2007 года, я рассказал о соотношении идей и идеалов в творчестве Гэллапа и отметил, что собираюсь продолжить изучение жизни и дела Грушина в рамках этих понятий. И добавил, что применительно к нему буду говорить прежде об идеалах и затем — об идеях. В моём понимании лишь идеалист, мечтатель был способен начать опросы общественного мнения в СССР в 1960-х годах, бороться за их проведение, рисковать и жертвовать многим, носиться, как говорили о Грушине его друзья, с такой «идеей-фикусом».

Поскольку в те годы, по большому счёту, было много и много спокойнее, возможно и «хлебнее», не заниматься социологическими исследованиями, чем пробивать их, то думается, что подобное соотношение идеалов и идей достаточно характерно для ряда пионеров советской/российской социологии. С одной стороны, представления о возможности улучшения, трансформации общества на базе научных построений о нём было стимулом и двигателем их деятельности в 1960-е — первую половину 1970-х годов. Потом социология стала профессией, и уже не требовалось мощных дополнительных стимулов — внешних или внутренних — для продолжения исследовательской работы. С другой стороны, масса обстоятельств, принципиально ограничивавших пла-

нирование научных поисков и повседневную исследовательскую практику, не могли не сдерживать креативность советских социологов. Система организации и функционирования социологии как науки, идеологические барьеры, самоцензура, урезанные, перекошенные контакты с западной социологией не позволяли учёным в полной мере проявить свои возможности в области теоретических построений и методических решений. У многих ведущих социологов страны были проблемы с получением одобрения соответствующими инстанциями тем, которые считали важными для углублённого анализа, с созданием измерительного инструментария, со сбором и обработкой первичной информации, с публикацией полученных результатов.

На мой взгляд, Грушин не был ни «красным», ни «белым»; ни левым, ни правым; ни либералом, ни консерватором; ни русофилом, ни западником; ни пессимистом, ни оптимистом. Он старался быть совершенно свободным, у него была своя цель в жизни и своя дорога. Его студенческому другу Мерабу Мамардашвили принадлежат слова: «Мы не участвовали в чужих войнах, мы вели свои». И Грушин говорил: «Мы действительно никогда не включались ни в какие политические сюжеты — даже если речь шла о Сахарове или об “уходе в диссиденты”». Когда ему предлагали это, он отвечал, что у него «есть работа на собственном поле».

Это не означает, что Грушин не имел своей позиции по острейшим политическим событиям и был безразличен к тому, что происходило внутри социологического сообщества. Легендарным, обросшим многими мифами стало его участие в конце 1960-х годов в совещании в Академии общественных наук при ЦК КПСС, на котором резкой критике, проще — разносу, была подвергнута книга Левады по методологии социологических исследований. Обвинения носили идеологический характер. На обсуждении выступил Грушин, он поддержал Леваду и сказал: «Время покажет, кто стоял на пути развития социальной науки, а кто лежал, причём не вдоль, а поперек». И добавил в адрес сидевших в президиуме: «Мёртвые хватают живых» [39, с. 214]. Вскоре появилось мнение: «Грушин хуже Левады»; эти слова принадлежат Ф. В. Константинову, философу-академику и крупному партийному функционеру [см.: 39, с. 214].

В одном из своих интервью Грушин сказал: «Я снял с себя кожаную куртку и маузер Корчагина в 49-м году, в пору борьбы компартии с космополитизмом» [9, с. 133]. Это верно; однако, думается мне, дух оруджавских комиссаров «в пыльных шлемах» и светловская «испанская грусть» оставались в нём. Как и всегда было в нём «настоящее буйство», о котором писал Владимир Высоцкий, и неистовство, которое присутствовало в образах коммуниста в известном фильме с Евгением Урбанским и комиссара, сыгранного Нонной Мордюковой. Иначе невозможно объяснить, почему, живя в обществе, в котором всё подчинялось государству, он считал, что общественное мнение

имеет право на существование и должно быть услышанным. Начиная опросы, Грушин не мог предполагать, что не только нашёл тему исследований, но и определил главную линию своей жизни. Однако он быстро распознал в них свою судьбу и занимался ими, по его словам, «нещадно и вопреки всему» [43].

Выше отмечалось, что в США имелись весомые социальные предпосылки для возникновения в стране в первой половине XIX века простейших опросов общественного мнения, а примерно через сто лет — научной, или гэллаповской, технологии изучения мнений населения.

Рассматривая творчество и траекторию жизни Грушина, приходишь к выводу о том, что важнейшим стимулом, движителем его деятельности были его идеалы свободы, уверенность в том, что власти обязаны слушать и слышать мнения людей. Потому так важно понять, откуда всё это возникло в человеке, родившемся через 12 лет после Октябрьской революции и воспитывавшемся в годы почти тотального подавления личности.

Могли ли абстрактные философские исследования Грушина позже подвести его к социологическим исследованиям массового сознания? Думается, что да; просматривается достаточно простая логическая цепочка: разрешая себе быть свободным в своих теоретических суждениях, Грушин не мог не подойти и к признанию свободы для людей с улицы воспринимать мир и высказывать свои суждения о нём. Настоящая философия — социальна и моральна, и Грушин воспринял её ядро. Будучи диастанкурором, он не мог не разделять одного из важнейших политико-нравственных положений философии Мамардашвили, видевшего назначение человека в том, чтобы стать свободным.

Но сама по себе жизнь в атмосфере политической «оттепели», его работа в редакции «Комсомольской правды» не объясняет грушинского «куража», его многолетней заряженности на изучение мнений населения. Значительные группы молодой городской интеллигенции того времени читали «Новый мир» и «деревенскую» и «окопную» прозу, слушали и пели песни А. Галича и Б. Окуджавы, смотрели «Заставу Ильича» и ломались на спектакли театра «Современник». Однако для биографического анализа необходимо более личностное, весьма специфическое. По большому счёту, этой «уникальностью» была работа Грушина в газете «Комсомольская правда» и его знакомство с огромной почтой, приходившей в это издание. Но нужна была некая априорная установка, позволившая бы ему в письмах читателей увидеть «знак судьбы» — заказ на изучение общественного мнения.

Приступив к опросам, Грушин «поменял» предмет исследования: от изучения научного мышления он перешёл к массовому, и опросы стали его естественным инструментом. Не зная опыта Гэллапа, находясь в принципиально иной политико-экономической и социально-нравственной среде, чем

американские отцы-основатели опросов, и оставаясь при этом философом, развивавшим теорию познания, Грушин пришёл к тому же эмпирическому методу познания установок, что и они. Здесь мы имеем очень интересный науковедческий инвариант.

Утверждение о том, что постхрущевская социология является продуктом, продолжением, рефлексией «оттепели», верно, но подобная формулировка имеет слишком общий характер и соответствует институциональной трактовке истории советской/российской социологии. При стремлении к познанию прошлого отечественной социологии через биографии её активных создателей необходим более тонкий индивидуально-личностный анализ. Важно найти в жизни конкретных социологов те события, обстоятельства, которые свидетельствовали бы о специфике, особенностях их погружённости в культуру той эпохи. Обнаружение подобных знаков позволит увидеть обусловленность творчества социолога влиянием атмосферы «оттепели».

Если говорить о Грушине, то прежде всего следует отметить, что появление группы диастанкуров — следствие начинавшегося потепления политического климата в стране. Существенно замечание Мамардашвили: «Наша общность возникла по гусарским... каналам. Какая-то струйка свободы продолжалась, её нельзя было до конца истребить, так же как нельзя до конца истребить жизнь. И существование этой внутренней независимости выражалось, в частности, походами — не попойками, ... по Москве большими компаниями молодёжи, она липла к нам, и это было спонтанным возобновлением прежних студенческих вольных форм общения» [43]. В середине 1990-х Грушин отметит, что такие прогулки и беседы не были безопасны, и вспомнит слова Мамардашвили: «...Мы все ходили по краю бездны» [39, с. 207].

Здесь мне представляется важным указать тему, которая ещё не обсуждалась в работах по истории послевоенной российской социологии, но развитие которой может серьёзно углубить понимание генезиса нашей науки, особенностей её развития и характера деятельности ряда социологов. Речь идёт о поиске механизмов и определении масштабов влияния на становление социологии элементов неофициальной, самиздатовской, андеграундной, смеховой культуры 1950–1970-х годов. Эта тема периферийна, если вообще может быть прописана в рамках институционального изучения истории отечественной социологии, тем не менее она становится значимой, если входить в историю через биографии социологов. Безусловно, человек на протяжении всей его жизни в том или ином виде всегда соприкасается с различными формами неофициальной культуры. Но не требует доказательства утверждение, что для становления его как личности особое значение имеют его контакты с нею в ранней молодости.

В биографиях социологов, публиковавшихся в последние годы в «Телескопе», присутствует множество сюжетов, подчёркивающих роль,

которую сыграли в становлении этих людей их, пусть даже временная, погружённость в мир неформальной культуры. До начала 1970-х в СССР, говоря о направлениях развития культуры в стране, избегали использования терминов «андеграундная культура», тем более — «контркультура». Но эти течения всегда существовали.

Обращаясь к годам окончания школы и начала студенческой поры, Татьяна Заславская вспоминала о посещениях студии молодых поэтов и ночных посиделках, на которых поэты-фронтовики читали свои стихи. В 2006–2007 годах в нашем электронном интервью она писала: «Встречаться с молодыми поэтами, слушать их стихи, а потом споры было увлекательно и очень радостно. Они оказали на меня громадное влияние, потому что свойственная им суровая, проверенная войною мораль открыто и жёстко противостояла мелочности, пошлости, а нередко и подлости тыловой жизни. Молодые поэты были чистыми в высшем смысле слова, они прошли войну, пропустили её ужас через свои души и благодаря этому приобщились к самым высоким ценностям. Мне остро не хватало духовной опоры в окружавшем мире, а тут — такие прекрасные люди и такие замечательные стихи» [16].

Борис Фирсов, окончивший в 1954 году Ленинградский электротехнический Институт (ЛЭТИ), вспоминает широко известный в Ленинграде в середине 1950-х студенческий спектакль «Весна в ЛЭТИ», одним из создателей которого он был [см.: 47]. Игорь Травин, обучавшийся на историческом факультете МГУ в конце 1950-х, отмечает особое влияние на него Московского фестиваля молодёжи 1957 года; то были две недели, которые потрясли его мир. Кроме того, он упоминает мастерские художников и выставки, а также концерты и фестивали Московского джаз-клуба [см.: 48]. Эдуард Беляев, в 1959 году окончивший философский факультет ЛГУ и раньше большинства своих ровесников и людей более старших начавший работать в социологии, не бывал на «капустниках» (закрытых для широкой общественности артистических вечерах), не интересовался песнями Высоцкого, но был увлечён джазом. Правда, прежде всего его интересовала музыка; социально-политические коннотации, связанные с джазом, оставались на втором плане [см.: 49]. Людмила Панова, которая в те же годы была студенткой Ленинградского кораблестроительного института, тоже говорит о полузапрещённых джазовых концертах и спектакле «Весна в ЛЭТИ». И через полвека она замечает: «...Мы на него ходили и удивлялись, что, наконец, с нами говорят тем языком, который нам понятен и близок. <...> ...Не было никакой тяжеловесности, вранья, вымученной идеологии, которой было так напичкано всё вокруг» [50, с. 4].

В очерке о Галине Старовойтовой было показано, что многое в её гражданской позиции и научной деятельности было порождено «сайгонской культурой» — элементом андеграундной культуры Ленинграда 1960–1970-х

годов [см.: 51]. То же можно отнести к особенностям социологического мышления Валерия Голофаства [см.: 52]. Для Старовойтовой «Сайгон» был скорее всего местом истока её будущей правозащитной и политической деятельности, для Голофаства — местом общения с представителями андеграундной поэзии. Значение «сайгонного сообщества» в становлении её собственного критического отношения к советскому обществу отмечала в своём эссе-интервью Елена Здравомыслова [см.: 53]. Да и заголовок её эссе 2010 года, в котором «Сайгон» очерчивается как пространство негативной свободы, указывает на то, что это прошлое остаётся актуальным для неё [см.: 54].

В этих трёх случаях речь идёт о располагавшемся в центре Ленинграда кафе, за которым закрепилось имя «Сайгон», в нём собирались молодые представители богемы и диссиденты. К «сайгонавтам» относятся: И. Бродский, С. Довлатов, В. Кривулин, М. Шемякин, группа «митьков», Б. Гребенщиков, С. Курехин, В. Цой.

В начале 1970-х свой «Сайгон» был у Владимира Ильина [см.: 55]; это «шестёрка» — общежитие ЛГУ № 6 на Мытнинской набережной. Это был своеобразный Ноев ковчег, в котором жили студенты со всех концов света. Его соседями по комнате были японский социалист, племянник крупного бизнесмена из Токио; иракский коммунист, бежавший из Ирака от преследований Саддама Хусейна; а также выходец из элитной цейлонской семьи. О мире он узнавал не из советских газет, а во время бесконечных распитий чая, вина и водки, постоянных разговоров на кухне и лестничных площадках. Туда модные диски привозились из Хельсинки, Стокгольма и Парижа. Там ходили книги не из книжных магазинов, хотя Солженицын давался только совсем своим. Здесь он впервые прочёл ахматовский «Реквием». В его комнате пару лет готовилась стенная газета «118-я Правда» (118 — по номеру комнаты), он был её главным редактором. Когда газету закрыли, он начал издавать иллюстрированный журнал «Жизнь “шестёрки”», но его он показывал только своим.

Интересна своей многокрасочностью среда, в которой проходила ранняя социализация Франца Шереги — Закарпатская Украина [см.: 56]. Там столетиями сменялась власть, и население не успевало переучивать «государственные языки», гимны и законы, люди веками были абсолютно отчуждены от любой государственности и обладали «генетическим» иммунитетом недоверия к любой официальной информации. Там все с детства говорили на двух-трёх языках и самоидентифицировались по конфессиям, а не национальностям. Там до 1960-х годов социализм и советская «оккупация» воспринимались как временные явления, и потому многие «от природы» были политиками, социологами.

Имеющиеся в моём распоряжении материалы позволяют привести массу различных форм погружённости советских/российских социологов первых

поколений — особенно в периоды ранней социализации — в различные ниши неформальной культуры и контркультуры. Полагаю, что в будущем это всё найдет отражение в исследованиях процесса становления отечественной социологии.

Многое в профессиональной и общей культуре Грушина обусловлено его контактом с «пивным» и «банным» миром Москвы. Грушин писал, что в студенческие годы диастанкуры постоянно посещали пивные, где вели непрекращающиеся споры о философии. Эта любовь к пиву стала импульсом для написания Грушиным книги «In pivo veritas» (Истина в пиве) [см.: 57], в которой он проявил себя и как исследователь массового сознания, и как истинный любитель пива и уникальный знаток пивной культуры. Когда Грушин работал в Праге в журнале «Проблемы мира и социализма», он в поисках материалов по массовому сознанию «затеял» ходьбу по пражским пивным. Цель — собрать пивной фольклор, то есть настенные тексты разного рода, которые выражают отношение между пивом и различными сторонами жизни людей, в частности — пражан. За четыре года было осуществлено около 200 выходов в пивные, два выхода в неделю, по средам и субботам: примерно три пивных. В первой — первая кружка, во второй — две и мелкая закуска, в третьей — три и ужин. В интересном видеофильме «Цитаты из жизни», рассказывая о работе над этим проектом, Грушин говорит: «946, внимание, — 946 питейных заведений пройдено в Праге, не миновал ни одной улицы, ни одного переулка, ни одного мало-мальского закутка...»; он выучил чешский язык и нанёс на карту города все пивные. Было собрано более 600 текстов со стен, из которых 360 были интересовавшие его афоризмы. Книга «In pivo veritas» — это уникальная работа по классификации фольклорных текстов и одновременно гимн пиву⁵.

Владимир Бачишин, студент МГУ и участник Грушинского семинара, а потом коллега Грушина вспоминает: «Хорошей традицией семинара, руководимого Б. А. Грушиным в 1982–1989 гг. в стенах факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, была дегустация пива. Она проходила один раз в год. Автор этих строк покупал в посольстве ЧССР несколько ящиков пива “Пльзенский Праздрой”. Когда их в первый раз в 1983 году увидел Борис Андреевич, он сказал мне: “Ещё не выпили, но уже уважаю!” <...> Чуть позже я узнал, что Борис Андреевич — большой специалист не только в вопросах пива, но и в пражском пивном фольклоре» [58, с. 404].

Обращение Грушина к пивной и банной культурам нельзя свести к досугу или хобби, они были значимым элементом его культурно-профессионального мира, непременной частью среды его бытования.

⁵ Фильм Виктора Васильева «Цитаты из жизни» <<http://www.youtube.com/watch?v=9NYUJ2DeEnY>>.

Здесь я мог бы поделиться собственными впечатлениями о посещении с Грушиным бани и о разговорах о пиве... но предоставлю слово другим...

Вот яркое наблюдение Щедровицкого: «Мы часто фланировали по улице Горького и по прилегающим к Пушкинской площади бульварам. Это всегда была компания в пять, шесть или восемь человек... которая могла, скажем, собраться в два часа дня и до вечера двигаться по московским улицам, где-то оседать: либо в пивном баре номер один на улице Горького, либо в пивном баре в Столешниковом переулке, или доходить до Кировской, или идти ещё куда-то. И вот именно здесь, в этом постоянном движении, оттачивались оппозиции, мысли» [59]. Теперь — фрагмент из воспоминаний Щедровицкого об истории московского методологического кружка: «...БА был великий мастер пить пиво с крабами. И всех нас научил, поэтому мы собирались рано утром, выбирали пивной бар и отправлялись туда. Сидели. Пили пиво и обсуждали проблемы философии и логики» [60].

Дополню сказанное цитатой из текста американского советолога и историка Стивена Гранта, подружившегося с Грушиным в конце 1980-х: «...То, что он был и остаётся знатоком и энергичным потребителем пива, я могу подтвердить на собственном опыте, проведя с ним много вечеров в вашингтонских *rathskeller* (пивных, подвальчиках) после пары весьма приятных часов в бане» [5, с. 424].

Теперь — короткий рассказа в духе Хармса, написанный в 1988 году Э. Ю. Соловьёвым, называется он «Кто известен, а кто велик»:

Пригласил Грушин Сократа в баню. Когда они, обнявшись, вышли из парилки, Сократ задал Грушину такой вопрос:

— Скажи мне, юный друг, почему тебя именуют известным, Ойзермана видным, Рассела — выдающимся, а меня — великим?

— Может быть, я написал больше, чем каждый из вас?

— Конечно же, нет, Сократ, ибо всем ведомо, что ты ничего не писал.

— Может быть, я знаю больше, чем каждый из вас?

— И это неверно, потому что, как помнит всякий, ты знаешь только то, что ничего не знаешь.

— А не в том ли дело, что я выражаюсь точнее и изящнее Рассела?

— Боюсь, что в этом ты ему уступаешь.

— Или забочусь о своей репутации более Ойзермана?

— Это едва ли возможно.

— Но тогда следует допустить, что и величие, и известность, и заметность существуют не в самих вещах, а лишь во мнении о них...

— В общественном мнении, — уточнил Грушин и завернулся в простыню [61, с. 138].

Тому, кто сам хоть иногда бывал в пивных и рюмочных и хоть немного понимает смысл парилки или сауны, знакомо то анонимно-причастное (или причастно-анонимное) состояние, которое ощущаешь после получаса пребывания там. Ты одновременно существуешь, и тебя нет: ты — как другие, и другие как ты... ты «уважаешь» окружающих, и они «уважают» тебя... Пивная и баня (в силу их демократизма) были одновременно и школой свободомыслия Грушина, и площадкой анализа общественного мнения, фактически начатого им задолго до того, как он стал изучать его профессионально.

Многие формы диалога различных культурных миров внутри личности были открыты и впервые изучены М. Бахтиным; позже это направление философии и культурологии обогатилось серьёзными методологическими выводами. Не останавливаясь на изложении концепций теории диалога, можно утверждать, что профессиональное сознание Грушина-социолога вмещало очень многое из городской смеховой культуры его времени (самодеятельная и бардовская песня, анекдоты, изредка прорывавшиеся сквозь цензуру кинокомедии, выступления сатириков), которая несла в себе антисоветский потенциал.

На факультете журналистики МГУ Грушин в течение четырёх лет вёл семинар по анализу текстов массового сознания. Анализировались стихи Высоцкого, песни Пугачёвой, сочинения Жванецкого, рассказы Хармса. Им было выделено 27 типов «текстов», позволяющих проследить менталитет народа. Под его руководством было защищено несколько диссертаций, в частности — «Анекдоты на тему: русские и другие». Было изучено свыше сотни анекдотов о том, как себя ведут русские и другие нации в тех или иных ситуациях, начиная с политики и кончая сексом [см.: 9, с. 141].

В упомянутой выше статье Грант пишет: «В качестве последнего доказательства его остроумия назову нашу общую любовь к анекдотам, которые мы оба коллекционируем. Объём его коллекции, без сомнения, затмевает количество собранных мною анекдотов, хотя это десятки тысяч анекдотов прежде всего богатого советского прошлого и относительно немного — современных» [5, с. 424].

В небольшой статье философа Н. В. Мотрошиловой, многие годы дружившей с Грушиным и его женой Н. Г. Карцевой, есть такой сюжет: «Боря Грушин в свою диссертацию включил целый ряд анекдотов. Однажды я ему сказала: “Боря, у тебя, по-моему, по каждой теме есть анекдот”. Он отвечает: “Да, и на эту тему тоже есть анекдот”. И рассказывает: “Приезжают люди на постоянный двор и видят там стрелы, а вокруг мишени. Гости спрашивают: “Кто так хорошо стреляет?” Им отвечают: “Наш сын”. “Сколько ему лет?” “Пять”. “Как же он так метко стреляет?” “Всё очень просто — сначала он стреляет, потом мы рисуем мишени”. Так и он умел создавать ситуации, чтобы возникало что-то юмористическое» [62, с. 40].

В связи со сказанным, приведу ещё одну выдержку из письма Н. Г. Карцевой, которое дополняет воспоминания Н. В. Мотрошиловой: «... Их с Юрой Замошкиным дом был самым любимым местом встречи всей нашей постоянной компании, в которую входили Мераб, Эрики (так коротко назывались Эрик Соловьёв и его жена Женя Фролова — тоже философ), Саша Зиновьев с женой, мы с Борей и время от времени — Игорь Кон, Виталий Вульф, Галина Волчек и другие популярные в то время люди»⁶.

Грушинское обозначение постперестроечного периода как «социотрясения», его характеристика массового сознания россиян в начале XX века как «шизофренического», название его передачи на «Радио “Свобода”» — «Общество имени Кафки Корчагина», заголовок статьи — «Учёный совет при Чингисхане» — это не только итоги многолетних научных наблюдений за динамикой социальных процессов в стране, но и индикатор его погружённости в смеховую культуру. На это указывает и уже упоминавшаяся реплика Грушина о том, что время покажет, кто стоял на пути развития советской социологии, а кто лежал, причём не вдоль, а поперек. Я часто вспоминаю ещё один грушинский афоризм, подчёркивающий своеобразие американской культуры: «Американцы? Они очень похожи на людей».

Еще один диастанкур, Александр Зиновьев, проявил себя не только как логик, философ и социолог, но и как писатель-сатирик, мастерски использовавший образцы, традиции советской смеховой культуры. Достаточно вспомнить некоторые названия его книг: «Зияющие высоты», «Гомо советикус», «Пара беллум», «Катастрофка», «Глобальный человек».

РОЖДЕНИЕ ПЕРВОГО ИНСТИТУТА ИЗУЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Итак, после провала защиты диссертации у завершившего обучение в аспирантуре Грушина наступило трудное время. Диастанкуры считались ярко выраженными антимарксистами, и действовало правило «волчьего билета», закрывавшее перед Грушиным возможность найти работу по специальности. В день его 75-летия, отвечая на вопрос О. Кучкиной о том, как он

⁶ Очень живой рассказ Н. В. Мотрошиловой, вдовы социолога и политолога Ю. А. Замошкина, о названных здесь людях вошёл в цикл из восьми документальных видеофильмов А. Архангельского «Отдел»: фильм 1 «Счастливая завязка» <<http://www.youtube.com/watch?v=nIPdAH41uis>>; фильм 2 «Рождение свободной мысли» <<http://www.youtube.com/watch?v=3W3zanjnD0o>>; фильм 3 «Позолоченная эмиграция» <<http://www.youtube.com/watch?v=jiNjaQuUcPQ>>; фильм 4 «Искусство жизни под водой» <http://www.youtube.com/watch?v=jv_UI369VrM>; и другие.

попал в «Комсомольскую правду», Грушин ответил: «Дуриком. После долгой безработицы. Я никогда не думал, что могу стать журналистом». И далее: «Жена Зиновьева Тамара Филатьева сказала: напиши нам что-нибудь, хоть гонорар получишь. И я написал статью “Главная экономическая задача СССР” — не помню, какая. Я сохранил все заметки в “Комсомолке”, включая “Уголок орнитолога”, который вёл, а эта не сохранилась» [63, с. 425–426]. Главный редактор заинтересовался той статьёй Грушина, так в апреле 1956 года он попал в газету. Грушин считал это чудом, «Комсомолка» была тогда лучшей советской газетой.

Отсчёт времени следует вести со второй половины 1950-х годов, когда «Комсомольскую правду» возглавлял Алексей Иванович Аджубей (1924–1993), незаурядная личность, выдающийся журналист периода хрущёвской «оттепели», при котором газета стала выходить миллионными тиражами. «Комсомолка» того времени отличалась особым стилем и духом: поддерживались новые идеи и открывались новые жанры, проводились дискуссии по вопросам, волновавшим молодёжь, публиковались письма реабилитированных, вернувшихся из концлагерей. На работу Грушина принимал Аджубей. Много позже Грушин заметил: «Я несколько раз в жизни был в хороших коллективах, так мне повезло, но я никогда не встречал такого тепла, таких дружеских отношений между людьми самых разных возрастов, такой поддержки и полного отсутствия зависти. Многое шло от журналистов, которые пришли с фронта. Они были старше нас и казались просто стариками... Они создали климат честности» [9, с. 136].

Первые три года в газете для Грушина были тяжёлыми — от сознания, что он вынужден был отказаться от любимого дела. Уже став редактором отдела пропаганды, он собирался вернуться в логику по-настоящему оснащённым математически и пошёл учиться на механико-математический факультет МГУ. Сдал пять сессий и провалил шестую, потому что «засасывали» дела и жизнь газеты. Возможно, он всё же вернулся бы в логику, но к 1960 году у него постепенно изменились научные интересы: от изучения научного сознания он перешёл к анализу сознания массового. Грушин пишет: «Когда именно родилась идея создать Институт общественного мнения, я не помню. Думаю, это было результатом коллективных усилий нескольких людей — не только моих, но и тогдашнего главного редактора “Комсомолки” Ю. П. Воронова, её будущего главного редактора Б. Д. Панкина и моего зама В. В. Чикина» [39, с. 208]. Расскажу кратко об этих людях; ведь они стояли у истоков эмпирического изучения общественного мнения в нашей стране.

Все они были почти одногодки, каждому было чуть больше или чуть меньше 30 лет. Старшим был журналист, партийный работник, поэт Юрий Петрович Воронов (1929–1993). Он пришёл в «Комсомолку» в 1954 году уже опытным газетчиком, ряд лет был заместителем Аджубея и успешно вёл газе-

ту до середины 1960-х годов. Ленинградец, блокадник, он представлял лучшую, граждански наиболее зрелую часть того поколения, о котором сказал: «Им в 43-м выдали медали и только в 45-м паспорта». В годы перестройки Воронов был заведующим отделом культуры ЦК КПСС и недолго — главным редактором «Литературной газеты».

Интересна и многогранна жизнь Бориса Дмитриевича Панкина (род. 1931), журналиста и дипломата. Окончив в 1953 году факультет журналистики МГУ, он два десятилетия работал в «Комсомолке». В начале 1980-х он стал дипломатом: с 1982-го по 1990 год Панкин был послом в Швеции, а с 1990-го по август 1991 года — в Чехословакии. Он оказался единственным советским послом, открыто осудившим в 1991 году путч и создание ГКЧП. М. Горбачёв назначил его министром иностранных дел; таким образом, Панкину суждено было стать последним министром иностранных дел СССР. В 1991–1993 он представлял СССР, затем Россию в Великобритании. Уже много лет Панкин живёт в Швеции, продолжает журналистскую деятельность и опубликовал ряд исторических и литературоведческих книг.

Валентин Васильевич Чикин (род. 1932) участвовал не только в обсуждении идеи опросов общественного мнения, но и в их организации; он, отмечает Грушин, был первым и долгое время единственным, кроме руководителя, сотрудником Института. Чикин окончил факультет журналистики МГУ и, по его словам, десантировался на 6-й этаж (расположение редакции «Комсомолки» в здании издательства «Правда») в 1956-м, ещё студентом... а ушёл в 1971-м с поста первого заместителя главного редактора [см.: 64]. С 1971 года деятельность Чикина связана с газетой «Советская Россия», с 1986 года он возглавлял её редакцию. 22 августа 1991 года «Советская Россия» была закрыта за поддержку действий ГКЧП, но в сентябре 1991-го её выпуск возобновился, и Чикин снова стал её главным редактором. Чикин — член Коммунистической партии России и по её спискам многократно избирался в Государственную Думу.

В обстоятельной статье, озаглавленной «К истории научного изучения общественного мнения» Грушин указывает на две важнейшие специфические черты рождения ИОМ «КП». Во-первых, он подчёркивает, что «создание ИОМ “КП” было чистейшим образом инициировано “снизу”... а вовсе не “сверху”, не по указанию руководства партии или комсомола». Многие западные журналисты, замечал он, не могли представить себе подобной «вольности» и подозревали, что за этой акцией скрывается рука ЦК КПСС, если не КГБ. И во-вторых, Грушин называет возникновение «Центра **именно в “Комсомольской правде”**» (Б. Д.: выделено Б. А. Грушиным) во многом случайным, объясняемым действием ряда чисто субъективных факторов (Б. Д.: курсив Б. А. Грушина). По мнению Грушина, решающим был царивший в коллективе особый дух товарищества [65, с. 220–221].

В начале 2000 года, то есть через сорок лет после рождения ИОМ «КП», журналистка О. Кучкина спросила Грушина: «ИОМ — нечаянный механизм прорыва в гражданское общество или лазутчик из будущего?». Вот его ответ: «Лазутчик из будущего. Мы ворвались незаконно. Но не нечаянно. Сознательно. <...> Это действительно была первая широкая, масштабная попытка создания института общественности, то есть создания гражданского общества. Базовая его характеристика: возникновение субъектов, не зависимых от государства. Люди стали высказывать собственное мнение — до нас этого не было» [9, с. 137].

Институт общественного мнения (ИОМ) «КП» возник в мае 1960 года, и руководил им Грушин. Первый опрос был проведён 10–14 мая 1960 года в преддверии несостоявшегося Парижского совещания глав правительств СССР, США, Франции и Англии и всего через две недели после того, как на Урале был сбит американский самолёт-разведчик и взят в плен пилот Пауэрс. Тема опроса «Удастся ли человечеству предотвратить мировую войну?» была весьма актуальной, но напрямую не связанной с первомайским инцидентом.

Анкета для самозаполнения включала три главных вопроса: «Удастся ли человечеству предотвратить войну (да, нет)», «На чём основана ваша уверенность?», «Что должно быть сделано прежде всего для укрепления мира?»

Отбор респондентов производился на основе условной (квази-) стратифицированной пропорциональной выборки в тех районах страны, в которых население ближе всего столкнулось с бедствиями войны, — на 30-м, Пулковском, меридиане. Здесь располагались четыре союзные республики бывшего СССР: РСФСР, Белоруссия, Украина и Молдавия, в годы войны велись активные боевые действия; значительная часть территории была оккупирована немецкими войсками.

В выборку было включено десять населённых пунктов: самый северный — город Никель на Кольском полуострове и самый южный — военный городок близ Тирасполя. В каждом населённом пункте опрашивалось по 100 человек, и организаторы опроса контролировали состав выборки по пяти параметрам: место жительства, тип поселения, род занятий, пол и возраст. Погрешности планирования выборки и перекосы, допускаявшиеся при её реализации, не позволяли рассматривать то первое в Союзе исследование как репрезентативное. Но авторы этого и не утверждали, в их интерпретации не шла речь о мнении населения страны.

19 мая 1960 года газета сообщила о создании Института и о начале изучения общественного мнения: «Сегодня “Комсомольская правда” открывает на своих страницах Институт общественного мнения. С его помощью газета намерена изучать и рассказывать о мнении советских людей по наиболее актуальным вопросам внутренней и внешней полити-

ки СССР, коммунистического воспитания трудящихся. Такое изучение даст возможность учитывать самые различные мнения, что представляется важным и для практики пропагандистской работы. Оно будет вестись путём социологических обследований и опроса широких слоёв населения одновременно в различных географических районах страны» [11, «Жизнь 1-я», с. 47–48]. В этом же выпуске под заголовком «Удастся ли человечеству предотвратить войну? — Да! — отвечает 30-й меридиан» публиковались материалы первого опроса.

Через 40 лет после тех событий Грушин вспоминал: «Помню, мы просидели всю ночь в кабинете главного редактора, ожидая, как новшество будет принято ЦК КПСС. Рано утром Воронову позвонили от “первого” и сообщили: “Никита Сергеевич, которому показали свежий номер, сказал: “Прекрасно”. Поздравляем с большим успехом”. На следующий же день газета “Правда” (получить похвалу от которой было совершенно невозможно) в коротенькой заметке “Из последней почты” оказала нам полную поддержку, и мы торжествовали победу. Эта победа стала ещё большей после того, как началось просто буйство в западной прессе по поводу того, что в Советском Союзе открыт Институт общественного мнения» [39, с. 209].

Второй опрос был проведён в августе-сентябре того же года: изучалось отношение населения к динамике уровня жизни в СССР. Сегодня подобная тема представляется социальным исследователям естественной и важной для понимания хода социальных преобразований, проходящих в стране. Но в начале 1960-х она вызывала, по-видимому, столь же естественное недоумение у экономистов. Трудно было осознать, что статистика социальных изменений и общественное мнение по поводу динамики уровня жизни — это разные грани социальной действительности.

На волне успеха в январе-марте 1961 года был проведён третий зондаж мнений, привлёкший к себе внимание в стране и за рубежом; вопросы публиковались в газете. На третий день после их публикации в редакцию пришло свыше 900 писем с ответами, на пятый — более полутора тысяч, и к концу обозначенного для получения ответов срока — двадцать дней — их было более 19 тысяч. Безусловно, многое в этой читательской активности объясняется выбором темы опроса: «Что вы думаете о своём поколении?», но не меньшее значение имел сам факт обращения к аудитории с просьбой высказать своё мнение. Люди впервые увидели, что их мнением интересуются, что оно кому-то нужно.

В первом томе своего «четверокнижия» Грушин отмечает, что публикация анкеты в газете вызвала множество комментариев за границей. Запад был удивлён тем, что советской молодёжи дали возможность высказаться по поводу своей жизни. Вот некоторые примеры: «Молодёжная газета

России “Комсомольская правда” напечатала нечто рискованное для общества, контролируемого коммунистами, — опрос общественного мнения. Молодых русских и их подруг просят сказать, являются ли они счастливым или несчастливым поколением» (“Daily Telegraph”, 9 января 1961); «...Первые опубликованные ответы обнаруживают, что большинство из ответивших любит свою Родину и гордится своим поколением. Однако ... приблизительно двадцать наиболее смелых юношей и девушек написали о том, что некоторые из их соотечественников огорчают их своей инертностью, отвращением к работе, бесцельностью, а иногда и “идиотским подражанием западной манере одеваться”» (“New York Herald Tribune”, 28–29 января 1961) [11, «Жизнь 1-я», с. 49–50].

ИОМ «КП» просуществовал почти восемь лет; за это время было проведено 27 опросов различного типа, в том числе 20 всесоюзных и один международный. Среди причин прекращения деятельности Института можно выделить три группы. Это, прежде всего, проблемы, связанные с организацией опросов, хотя они и не были главными. Далее, с изменением социального и политического климата в стране «оттепель» ушла в прошлое и наступило время Брежнева — стала заметной напряжённость между журналистами и исследователями общественного мнения. Большая часть производимой Институтом информации оказалась «непубликабельной», поскольку, пишет Грушин, «она либо работала на антипропаганду, выявляя не столько успехи советского общества, сколько его неудачи и хронические болезни, либо предлагала такие решения проблем, которые плохо совмещались или вовсе не совмещались с господствующей в обществе идеологией». Так, если в течение 1960–1964 годов (эпоха Хрущёва) было опубликовано 58 материалов по итогам опросов, то с октября 1964-го по декабрь 1967 года — всего 29 [см.: 11, «Жизнь 2-я», ч. 1, с. 16]. Но наиболее весомая причина заключалась в усилившейся напряжённости между наукой и властью. Всё острее обозначалась незаинтересованность органов управления в объективной информации и их настороженность по отношению к выводам, мало-мальски отклонявшимся от императивов набиравшего силу социального мифотворчества.

По словам Грушина, «с исследованием “Комсомольцы о комсомоле” случился форменный скандал» [11, «Жизнь 2-я», ч. 1, с. 28]. Объективное положение вещей в молодёжной коммунистической организации кардинально не совпало с тем, что требовалось в преддверии XV съезда ВЛКСМ. Обнаружился высочайший уровень разочарованности в комсомоле, неприятие молодыми людьми способов жизнедеятельности ВЛКСМ в целом и собственного участия в делах этой организации.

Крупными неприятностями для «Комсомолки» и исследователей обернулся опрос о выборности на производстве, проведённый в апреле 1967 года

Яковом Капелюшем под руководством Грушина. Недовольство высших партийных идеологов вызвало газетное сообщение о том, что население активно поддерживает идею выборности руководства. Через два года результаты этого исследования удалось опубликовать, но тираж брошюры [см.: 66] долго задерживался для распространения, и в конце концов его почти полностью уничтожили [см.: 67].

ИОМ «КП» был обречён; в декабре 1967 года он был закрыт.

С момента рождения ИОМ «КП» прошло более полувека, — достаточный срок для историко-научной оценки этого события. В моём представлении, оно имело и будет иметь принципиально важное значение и как факт становления в СССР/России социологии, более широко — посттоталитарного обществоведения, и как уникальная политико-идеологическая инновация. Всё очень просто: до первых опросов Грушина в стране не изучали мнения, установки населения, а после них «процесс пошёл». Конечно, в начале 1960-х многого не было видно, но сейчас можно утверждать, что своими результатами Грушин начал рушить идеологему монолитности общественного мнения при социализме.

Несмотря на стремление Грушина и его коллег к достижению репрезентативности получаемой информации, представлению правильной и точной статистики отношения советских людей к различным граням окружавшего их мира, этого в полной мере ему не удавалось сделать. Но это не вина Грушина, а логическое следствие «младенчества» советской социологии, только набравшей после тридцатилетнего перерыва собственный теоретический и инструментальный опыт, и финансово-организационных условий его работы. И конечно же, растерянности населения, его слабой готовности к участию в опросах.

В первой половине 1960-х результаты опросов были журналистской находкой, пропагандистским материалом, говоря словами Грушина, «удачной рубрикой в газете». Но уже к концу того десятилетия, прежде всего благодаря книге Грушина «Мнения о мире и мир мнений», изучение общественного мнения стало частью теоретической и прикладной социологии и начало складываться самостоятельное направление в советской социологической науке.

В настоящее время данные ИОМ — бесценная информация для исторических исследований о советском времени и советском человеке. Для серьёзного аналитика, владеющего методологией изучения массового сознания, они — основа для глубокого, свободного от политико-идеологических пристрастий освещения относительно недавнего прошлого. Принципы подобного историко-социологического анализа разработаны Грушиным в его фундаментальном труде «Четыре жизни России» (см. ниже).

ТРИ КНИГИ — ТРИ ГЛАВНЫХ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ ГРУШИНА

Помимо того, что результаты опросов регулярно представлялись на страницах «Комсомолки», они с момента рождения ИОМ публиковались в научных журналах и в изданиях, обращённых к широкой читательской аудитории. В частности, три первые книги Грушина, в которых он предстаёт аналитиком общественного мнения [см.: 68–70], увидели свет одновременно с его монографией по логике мышления. В начале второй половины 1960-х годов по материалам ряда опросов Грушин опубликовал ещё две небольшие книги о свободном времени [см.: 71–72]. Таким образом, в социологическом сообществе уже долгие годы неразрывно сосуществуют два представления о Грушине: как о философе и как о социологе — исследователе общественного мнения. Наиболее явно эта отличительная черта творчества Грушина видна в трёх его книгах, охватывающих двадцать лет после закрытия ИОМ «КП».

Методология исследований общественного мнения

Итогом направленной теоретической работы и обобщений результатов серии опросов стала двухтомная докторская диссертация «Проблемы методологии исследования общественного мнения», защищённая Грушиным в январе 1967 года. В 1969 году, после закрытия ИОМ «КП» Грушин подготовил рукопись книги «Советское общество в опросах общественного мнения». В течение последующего десятилетия она многократно дорабатывалась и предлагалась различным издательствам, но всеми была отвергнута. И всё же сегодня у нас есть документ, достаточно полно характеризующий два процесса: развитие собственно грушинских подходов к природе общественного мнения, методам его познания и становление исследований общественного мнения в СССР. Речь идёт о книге Грушина «Мнения о мире и мир мнений» [см.: 10], сделанной на базе его диссертации. Выше отмечалось, что ИОМ «КП» и «Мнения о мире...» положили начало современному этапу изучения общественного мнения в СССР. Обозначу главные различия между тем, что писалось советскими философами и социологами в 1950–1970-е годы по общественному мнению, и тем, что изложено в «Мнениях о мире...».

Традиционно проблематика общественного мнения изучалась в рамках истматовских концепций общественного сознания с акцентом на классовую сущность природы массового отражения действительности. Само сознание трактовалось как производная бытия, и не допускалось, что бытие может быть проявлением сознания. Из этих утверждений, как правило, следовали тривиальные, крайне идеологизированные выводы о различии морфологии

и функций общественного мнения при социализме и капитализме. В частности, утверждалась практически абсолютная однородность общественного мнения в СССР: «...Оценки и суждения по коренным вопросам социально-политической жизни совпадают у всех трудящихся страны. Подобного быть не может в капиталистическом обществе, где классовая борьба проявляется и в столкновении мнений угнетаемых и угнетателей» [73]. Кроме того, во всех этих работах, даже наиболее серьёзных, проблематика анализа сводилась к описанию общего строения общественного мнения, обозначению его функций в социалистическом обществе и государстве, рассмотрению приёмов, путей его формирования. Ссылаясь на труды В. И. Ленина и директивные документы КПСС, авторы заявляли, что государство, коммунистическая партия, властные структуры, руководители трудовых коллективов должны знать и учитывать в своей деятельности интересы и чаяния народа. Однако все они практически ничего не говорили о том, каким должно быть научное изучение общественного мнения. В частности, на протяжении многих лет опросы трактовались, прежде всего, как буржуазные методы.

«Мнения о мире...» — это первая и долгие годы единственная отечественная книга о том, как изучать общественное мнение. Значительный теоретико-методологический материал, посвящённый морфологии и функционированию общественного мнения, при всей его важности и новизне носит характер общефилософских построений. Такова логика книги, её аргументация, включающая анализ опросов ИОМ «КП». Книга на несколько десятилетий опередила время: во второй половине 1960-х власти не считали нужным готовить специалистов в этой области.

Два обстоятельства, касающихся содержания и пафоса «Мнений о мире...», выделю особо.

Во-первых, в этой книге Грушин конституировал место исследований общественного мнения в системе наук. Дискуссия о природе общественного мнения могла вестись и фактически велась в рамках философии, научного коммунизма, социальной психологии, журналистики и ряда смежных научных направлений. В принципе в недрах этих наук можно было пытаться искать и место исследованиям общественного мнения. Грушин вписал всю эту проблематику, начиная с её теоретико-методологических пластов и кончая методико-инструментальными аспектами, в социологию. По сути, им были заложены основы социологии общественного мнения, и, что удивительно, это кардинальное решение Грушина является одним из немногих, принятых российским научным сообществом без особых дебатов.

Во-вторых, безусловно, никто, кроме профессионального логика, «поварившегося» в спорах диастанкуров, не мог написать книгу об общественном мнении так, как её написал Грушин. Нередко по ходу чтения возникает ощущение, что объект анализа рассмотрен до конца, исчерпан. И вдруг

на следующей странице обнаруживается, что до конца ещё очень далеко, что объект делим и далее и что существует ещё множество его граней, пребывавших в тени.

Методология изучения массовой информации

Не остыв от перипетий, связанных с закрытием ИОМ, защитой докторской диссертации и завершением работы над «Мнениями о мире...», Грушин приступает к новой теме. Сегодня её точное название — «Функционирование общественного мнения в условиях города и деятельность государственных и общественных институтов» — могут воспроизвести очень немногие, но трудно представить профессиональных социологов, не читавших или ничего не слышавших о «Таганрогском проекте». Он известен в силу своих целевых и содержательных параметров, объёма и арсенала использованных методов, результатов и судьбы.

В 1967 году всё начиналось оптимистично: «Таганрогский проект» инициировался знающими и прогрессивно мыслящими людьми, которые занимали высокие посты в отделе пропаганды ЦК КПСС. Фактически отдел возглавлялся Александром Николаевичем Яковлевым, историком-американистом и опытным партийным функционером. Через два десятка лет его назовут «архитектором перестройки» и «отцом гласности». Его заместителем был Георгий Лукич Смирнов, философ, разрабатывавший проблемы исторического материализма, позже работавший директором Института философии АН СССР и в конце 1980-х годов избранный академиком АН СССР. Ближе всего к исследователям был консультант отдела Леон Аршакович Оников, о котором российские социологи первого поколения хранят самые лучшие воспоминания. Время было непростым, и во многом сам факт, что проект состоялся, определялся не столько тем, что именно Оников делал, сколько тем, чего он с риском для своей карьеры не делал [см.: 74]. Несмотря на крамольность по тем временам многих теоретических посылок исследования, оно получило полную легитимность. И главную причину этого Грушин видел в неортодоксальности и гражданской смелости Г. Л. Смирнова и Л. А. Оникова.

Исследование продолжалось более семи лет и завершилось в 1974 году. Прошло ещё шесть лет до выхода книги «Массовая информация в советском промышленном городе: опыт комплексного социологического исследования» [см.: 75], содержащей концепцию проекта, его методологию, краткое описание инструментария и теоретико-эмпирические выводы. В целом сделанное можно охарактеризовать следующим образом.

Во-первых, была предложена теория среднего уровня, или модельное описание основных механизмов функционирования средств массовой

информации и формирования общественного мнения в среднем городе страны с однопартийной системой, жёсткой идеологией и плановой экономикой. Отличительными чертами этой модели являются многомерность, или многопараметричность, и многофункциональность.

Каркас теории среднего уровня — это, прежде всего, достижение Грушина-логика, диастанкура. Легко понять, что прямое, честное следование общефилософским, общесистемным или кибернетическим принципам логического конструирования сложных систем фактически исключало «слишком» простое описание массовых информационных процессов. Но «чистый» философ, методолог мог бы остановиться на построении их общей схемы, или знаковой модели. Для социолога, исследователя общественного мнения, журналиста это было лишь началом.

Даже сухая статистика проекта, проведённого в Таганроге, впечатляет: 76 связанных друг с другом и одновременно относительно самостоятельных исследований, в том числе 23 анкетных опроса, 17 опросов с применением интервью (почти 11 тысяч личных интервью), 18 исследований на базе контент-анализа; 85 полевых документов общим объёмом почти 60 печатных листов. Склонный к тщательному учёту Грушин подсчитал, что в текстах анкет и интервью, в схемах наблюдений и документах, регламентировавших проведение контент-аналитических процедур, содержалось 2325 закрытых вопросов, 386 — полузакрытых, 783 — открытых. Таким образом, этот проект оказался мощнейшей лабораторией и одновременно фабрикой конструирования социологического измерительного инструментария.

«Таганрогский проект» заложил основы индустриальной технологии сбора социологической информации в СССР, которая, по сути, оказалась востребованной лишь через двадцать лет. Одновременно он стал школой подготовки высокопрофессиональных исследователей общественного мнения и массовой информации. На материалах проекта в течение 1969–1979 годов была защищена 21 кандидатская диссертация по философии и филологии [см.: 11, «Жизнь 2-я», ч. 1, с. 41].

В рассматриваемой книге приведено подробное социологическое описание информационной реальности второй половины 1960-х — начала 1970-х годов. Тот факт, что прошло уже почти полвека после таганрогского исследования, несколько затрудняет понимание этой работы социологами новых поколений, но «историчность» придаёт ей новое значение. Этот документ зафиксировал исчезнувшую советскую масскоммуникационную «Атлантиду». Нет уже той страны, в которой проводилось исследование, и нет того общества. Нет КПСС, детерминировавшей и направлявшей развитие информационных процессов и формирование общественного мнения. Ушла в прошлое система идеологической работы в трудовых коллективах, в которой участвовали тысячи партийных, комсомольских и профсоюзных

функционеров и активистов. Произошли кардинальные технические и содержательные перемены в работе телевидения, радио и прессы, изменилась их социальная функция. Стало иным и отношение людей к массовым текстам. Но социологическая фотография прошлого осталась, и она будет крайне полезной всем будущим исследователям.

Морфология и феноменология массового сознания

Если попытаться одним словом определить первую из рассмотренных в этом параграфе книг Грушина — «Мнения о мире...», то её можно назвать «научной». «Массовая информация...» — это работа «техническая», или «технологическая». Третья книга, «Массовое сознание» [см.: 76], — «поэтическая», в том смысле, что поэзия — это философия, выраженная в особой художественной форме. Книга в высшей степени научна и жёстко конструктивна, но сквозь её рационализм чётко просвечивает эмоциональное и эстетическое отношение Грушина к теме. Оно обнаруживается и в поэтических цитатах, и в авторском тексте. Книга, над которой Грушин работал 23 года, «потому что материал сопротивлялся» [9, с. 141] и не могла быть холодно-рациональной.

При написании первой статьи о Грушине [см.: 12] я несколько раз звонил Борису Андреевичу, чтобы уточнить ряд деталей. Как только я сообщил ему о начале работы, он моментально среагировал: «Тогда ты должен иметь книгу “Массовое сознание”». Я ответил, что книга у меня есть, но он продолжал: «...такая зелёная»; я ещё раз подтвердил, что всё в порядке. Для меня, знающего, сколько Грушиным написано и насколько глубоко он был погружён в свою текущую работу, эта его реакция была неожиданной. Но теперь я могу полнее оценить значение этой «зелёной» книжки и лучше понять истоки её «поэтичности».

Далеко не каждый исследователь помнит, когда и почему он обратился к анализу проблематики, занявшей центральное место в его творчестве, а значит — и в его жизни. Ещё реже ему удаётся удержать, сохранить в себе чувство удивления, пережитое в момент обнаружения идеи, мимо которой он не мог пройти, ибо то был «зов». Грушин в тот единственный миг оказался готовым к опознанию неизвестно откуда — изнутри или извне? — пришедшего сигнала и зафиксировал это в своём сознании.

Вот как начинается его книга: «Я работал тогда над материалами опроса Института общественного мнения “Комсомольской правды”, посвящённого проблеме разводов в СССР. Просматривал — в который уже раз — очередную кипу заполненных разными почерками анкет и вдруг обнаружил, что при оценке разводов в пяти из них воспроизводятся одни и те же языковые формулы. Причём не “в общем и целом”, а, что называется, “слово в слово”! На первый

взгляд, в этом факте не было ничего неожиданного: за годы работы в газете с ним не раз приходилось сталкиваться и мне, и многим другим сотрудникам редакции... Однако в тот мартовский день этот привычный, примелькавшийся и в общем-то банальный факт обернулся своей неожиданной озадачивающей стороной: как же так? каким образом пятеро столь различных людей — по возрасту, образованию, роду занятий, месту жительства, — людей, которые, конечно же, никогда не видели друг друга и тем более никогда не общались друг с другом, обнаружили один и тот же (а именно, если говорить конкретно о предмете опроса: домостроевский) тип сознания?» [76, с. 19–20]. На следующей странице книги есть абзац, объясняющий мгновенную реакцию Грушина в приведённом выше телефонном разговоре. Абзац начинается со слов: «С тех пор я занимался практически только этой проблемой...».

Через треть века после начала «Таганрогского проекта» Грушин вспоминал: «...Занятый в те годы разработкой основ теории массового сознания, руководитель проекта ставил перед исследованием ещё одну задачу — на обещавшем быть гигантским по объёму эмпирическом материале доказать **факт существования** (здесь и далее выделено Грушиным. — *Б.Д.*) в тогдашнем советском обществе **этого типа общественного сознания** и по возможности продвинуться в понимании его социальной природы, механизмов его формирования и функционирования, а также его роли в жизни общества». Это было сверхзадачей работы. Но «вся обширная проблематика, связанная с собственно массовым сознанием, оказалась не только не востребованной, но практически **полностью табуированной** и, за малыми исключениями, по *идеологическим* (а не в узком смысле цензурным!) соображениям вовсе выпала из итоговых текстов проекта» [11, «Жизнь 2-я», ч. 1, с. 44–45].

Я не буду здесь всесторонне обсуждать «Массовое сознание»; остановлюсь лишь на авторской трактовке природы общественного мнения. Грушин не ставил целью своего исследования углубление, поиск новых нюансов данной им ранее дефиниции общественного мнения, но объективно именно это стало одним из итогов этой работы.

В «Мнениях о мире...» Грушин определил общественное мнение «как сознание масс, массовое сознание, или, если угодно, как состояние массового сознания»; далее следовало уточнение: общественное мнение — это «общественное сознание со сломанными внутри него перегородками» [10, с. 60–61]. В целом это определение было расширительным, ибо отождествляло общественное мнение и массовое сознание, и описательным, точнее — иллюстративным. После того как внутри общественного сознания мысленно удавалось сломать перегородки, в «руинах» трудно было увидеть общественное мнение.

Изучая литературу тех лет, легко заметить, что одни это определение критиковали, другие (преимущественно социальные исследователи, далёкие

от собственно измерения общественного мнения) — игнорировали. Для тех немногих, кто занимался теоретико-эмпирическими исследованиями, определение Грушина было ценно своей конструктивностью, поскольку дополнялось набором функций общественного мнения, признаками его объекта и субъекта, последовательностью логических и инструментальных операций, необходимых для его измерения.

Мощнейшим фактором поддержки, или глубокой валидизацией, этого определения были собственно теоретико-эмпирические результаты Грушина. Он первым среди советских социологов доказал теоретически и проиллюстрировал на материалах опросов многослойность общественного мнения как культурного феномена. Было показано, что многоаспектностью и многокачественностью, или «сложностью», обладала та модификация общественного мнения, которая исторически сложилась и функционировала в СССР к началу 1960-х годов. Хотя это противоречило принципиальным политико-идеологическим утверждениям того времени, но, согласно опросам ИОМ, в общественном мнении были перемешаны отголоски многих форм, видов, типов социальной рефлексии по поводу разных аспектов действительности. Получалось, что уже в первой половине 1960-х общественное мнение не было одномерным, однородным, гармоничным, стабильным и т. д.

Из грушинского определения общественного мнения вытекала абсурдность допущения о логической, а значит, и технологической простоте его изучения. Вопрос о технологии исследования превращался из чисто инструментального, вспомогательного в методолого-инструментальный и, следовательно, сущностный.

Вскоре Грушин обнаружил ошибочность отождествления общественного мнения и массового сознания и уточнил свою дефиницию. При этом он опирался на весьма продуктивную концепцию множественности массового сознания в обществе. При такой интерпретации общественному мнению была отведена узкая, специфическая сфера «моментально» меняющегося массового сознания, проявляющегося в отношении к отдельным, «точечным» объектам действительности. Зондажи фиксируют эти краткосрочные сгущения массового сознания [см.: 76, с. 248–260].

Послесловия традиционны в конце книг и крупных обзорных статей, но я ощущаю необходимость написания своеобразного «внутреннего» послесловия. Его назначение — объяснить, почему три главные книги Грушина рассмотрены здесь столь бегло; ведь они могли бы стать доминирующей частью настоящей работы.

В самом общем плане появление данного послесловия обусловлено жанром этой работы, который можно характеризовать как историко-биографический. Конкретная же причина — стремление представить в книге без купюр и дополнений тот аналитический материал о Грушине, который он

видел и с которым в принципе согласился. Выше было сказано, что я начал заниматься изучением биографии и творчества Грушина в 2004 году, при его жизни, и первая статья о нём стала базой настоящего исследования. В предыдущих разделах я трактовал эту «базовость» достаточно свободно, редактировал ранее написанное и добавлял новый материал. Но здесь, именно потому, что речь идёт о важнейших составляющих наследия учёного — его книгах, решил оставить текст в его первоначальном виде.

Грушин согласился с моим анализом его книг и общими оценками. Но сегодня можно взглянуть на эти книги и с иной позиции. В первой книге виден исследовательский кураж молодого Грушина, прорыв, некое удивление устройством мира мнений. Вторая книга — это компромисс, она не такая, какой бы он хотел её видеть, но такая, на какую ему удалось добиться разрешения. Потому в ней совсем немного радости и много грусти. Книга о массовом сознании вышла в самом начале перестройки; Грушин приближался к своему шестидесятилетию, ему казалось, что найдено и околонуто то, что он будет разрабатывать в грядущие годы. Он бился за создание в стране службы изучения общественного мнения, но перспективы не были радужными.

Общим для трёх названных книг Грушина является то, что в них он предстаёт как учёный, творчество которого охватывает широкий круг проблем теоретического, методологического и методического характера. Его идеи претворяются в логические схемы и инструментарий, позволяющие изучать те области общественного сознания и те стороны общественного мнения, о наличии которых многие даже не догадываются.

Существует множество причин неразработанности методологии биографических исследований как одного из направлений изучения прошлого современной (послевоенной) российской социологии. Прежде всего, короткая — немногим более полувека — продолжительность этого периода. Соответственно, пока недостаточно активное, целеустремленное изучение былого: событий и людей. Ещё одна причина, вообще говоря, далеко выходящая за пределы историко-социологических поисков, это поверхностное знание истории и непонимание её значимости для понимания настоящего. И последняя причина, которую я хотел бы назвать, — в действительности перечень их весьма значителен — это недостаточно глубокое осознание того, что наука делается личностями; что учёный — главная фигура в производстве нового знания, что наука — личностна, биографична.

Безусловно, по прошествии десяти лет после выхода первой статьи о Грушине и при неоднократном возвращении к анализу его жизни и творчества, к изучению материалов о нём, написанных его коллегами и учениками, мой рассказ о его книгах мог бы быть многомернее и объёмнее, но это — в будущем. А здесь — лишь то, что читал Грушин и что я потом обсуждал с ним лично.

ОТ ИОМА ДО ВЦИОМА

Свыше десяти лет назад, при первой попытке охарактеризовать становление исследований общественного мнения в СССР/России я ввёл понятие «линии Грушина» как стержня, магистрали, задающей принципиальные особенности зарождения и развития этого политического и аналитического процесса [см.: 77]. Конечно же, «линия» — это образ, а не собственно геометрическое образование; тем не менее было оправданно говорить об опорных элементах этой конструкции.

После всего выше сказанного ясно, что исходной «точкой» нашей мысленной кривой является создание ИОМ «КП» и развитие этого процесса отсчитывается от 1960 года. Прошли годы, и всё происходившее в первую пятилетку деятельности ИОМ было названо Грушиным «за здоровьем»: проводилось большое число опросов и их результаты регулярно публиковались на страницах «Комсомолки» и в виде отдельных книг. Но следующие два года были охарактеризованы Грушиным «зауспокойными» [см.: 65, с. 229].

В 1966–1967 году Институт резко сократил число опросов по темам с заметной пропагандистской направленностью и увеличил количество зондажей по предметам, лежавшим вне прямой пропаганды, на первое место в отборе тематики ставились собственно исследовательские цели. Одновременно ИОМ всё более отчётливо формулировал свою гражданскую позицию, заявлял о стремлении сделать изучение общественного мнения нормой публичной жизни. Новые, более сложные задачи порождали необходимость более основательной проработки методологии и технологии измерения установок. И здесь главными были проблемы комплектования выборки и совершенствования обработки информации. Эти и ряд других обстоятельств выявили во всей остроте высокий уровень напряжения между наукой и властью, не заинтересованной в знании реальной общественной ситуации, а значит — настороженной по отношению к серьёзным социологическим поискам. Повторю, в конце 1967 года ИОМ «КП» прекратил своё существование.

ИОМ «КП» создавался редакцией газеты на свой страх и риск, через несколько месяцев после открытия Института Грушин сумел дойти до всемогущего в те годы секретаря ЦК КПСС по идеологии Л. Ф. Ильичёва и объяснить ему необходимость создания государственного Института общественного мнения. Однако ничего из этого не вышло. В середине 1960-х годов Грушин пытался создать службу изучения общественного мнения при газете «Правда», но здесь ничего и не могло получиться. Главный идеолог брежневской эпохи М. А. Суслов однозначно видел в проведении опросов лишь вредное влияние Запада: «Не нужное нам это дело! Пусть они там, у себя... занимаются этим» [11, «Жизнь 2-я», ч. 1, с. 21].

Через два года после его закрытия, в 1969 году, Грушин основал Центр изучения общественного мнения (ЦИОМ) в Институте конкретных социальных исследований (ИКСИ) АН СССР. Несколько месяцев предложения Грушина об образовании Центра не рассматривались руководящими инстанциями; всё решил, в сущности, единолично академик А. М. Румянцев, возглавлявший ИКСИ и одновременно бывший вице-президентом АН СССР.

В начале 1970 года было разослано более сотни информационных писем в министерства, ведомства, научные институты, творческие и общественные организации, редакции газет и так далее с предложением о сотрудничестве. В частности, выяснялась готовность этих организаций оплатить проведение опросов по интересующей их проблематике. Пришло более 40 писем, содержащих заявки на 102 исследования; в половине из них выражалось согласие на полную или частичную оплату работ. Оказывается, уже три десятилетия назад в СССР существовал латентный заказ на изучение общественного мнения и в принципе могли быть найдены способы финансирования опросов.

Теоретико-методологические исследования ЦИОМ группировались вокруг «Таганрогского проекта», начатого в краткий период работы Грушина в Институте философии АН СССР. Вместе с тем ЦИОМ впервые в СССР взялся за проектирование и создание организационной структуры для проведения оперативных опросов общественного мнения по различным проблемам. Ставилась задача зондирования мнений не только населения страны, но и жителей отдельных регионов.

К важнейшим методическим достижениям ЦИОМ относится создание двух всесоюзных выборок населения численностью в 2000 и 6000 человек; это было сделано С. В. Чесноковым. Двухступенчатые районированные выборки охватывали 27 регионов страны, все типы поселений и репрезентировали население по полу, возрасту, образованию и социально-профессиональному положению. В опоре на эту общую модель можно было строить выборки различного объёма.

Весной 1971 года Центр провёл первый всесоюзный репрезентативный опрос 2000 человек. Однако, пишет Грушин, «закрепить и умножить достигнутый успех ЦИОМ не удалось». Были финансовые, кадровые и организационные трудности, но главной причиной он называет «принципиальное, резкое ухудшение макро- и микроусловий... для такого рода занятий» [11, «Жизнь 2-я», ч. 1, с. 38].

В начале 1972 года А. М. Румянцева вынудили уйти с поста директора ИКСИ, и на его место был назначен М. Н. Руткевич. Сразу дни не только отдельных учёных, но и ряда научных подразделений ИКСИ были сочтены. Одним из первых приказов нового директора был распущен ЦИОМ; весь недолгий процесс его жизни Грушин назвал медленным взлётом и стреми-

тельным падением. Летом 1974 года состоялся Учёный совет ИКСИ, на котором Грушину предлагалось покаяться по поводу ошибочности его концепции массового сознания, и существовала угроза привлечения его к уголовной ответственности за нецелевое использование средств при проведении исследования в Таганроге. Всё это Грушину удалось отвести от себя, но ИКСИ ему пришлось оставить «по собственному желанию».

При последней нашей встрече в феврале 2007 года в Москве Грушин, зная о моей работе по истории советской социологии, подарил мне несколько страниц из готовившегося им третьего тома четырёхкнижия «Эпоха Горбачёва». Похоже, это фрагмент макета, страницы 15–24, будущей книги. Здесь — раздел, озаглавленный «Заключительная 15-летняя борьба за создание в стране федеральной службы изучения общественного мнения». Текст, во-первых, даёт возможность узнать — из первых уст, — какой продолжительной, многообразной и значительной по объёму была деятельность Грушина по созданию в СССР службы изучения общественного мнения. Во-вторых, он показывает, что «линия Грушина» — не простое соединение трёх точек — о третьей, собственно ВЦИОМ, будет рассказано ниже, но совокупность огромного числа точек-событий, происходивших в жизни Грушина с 1974-го по 1988-й. В эти годы, ему «пришлось трудиться в трёх академических и одном журналистском учреждениях, которые хотя и имели определённое отношение к изучению сознания людей, но, понятно, по своему профилю полностью исключали возможность даже заикнуться о проведении в них каких-либо зондажей общественного мнения. Этими учреждениями были: Центральный экономико-математический институт АН СССР (1974–1977), Всесоюзный научно-исследовательский институт системных исследований ГНТ и АН СССР (1981–1983), Институт философии АН СССР (1983–1988) и редакция международного журнала «Проблемы мира и социализма», находившаяся в Праге (1977–1981).

И все эти годы Грушин старался реализовать свою «идею-фикус» о центре изучения общественного мнения. Сам он объединяет свои действия в три направления.

Первое — личная пропагандистская работа Грушина среди встречавшихся на его жизненном пути влиятельных людей в расчёте, или — надежде, на то, что в определённых обстоятельствах оно могли бы поддержать его идею. Таких контактов была почти сотня. Среди собеседников были крупные партийные работники: Г. А. Алиев, П. Н. Демичев, Э. А. Шеварднадзе и ответственные сотрудники ЦК КПСС, представители научной элиты тех лет, деятели культуры и искусства, среди которых были: Б. А. Слуцкий, Н. П. Акимов, А. И. Райкин.

Второе направление — просветительское, то есть привлечение внимания различных групп общественности к проблеме изучения в стране

общественного мнения. Это не только книги и статьи, но также участие в различных конференциях, организация дискуссий. На протяжении шести лет (1982–1988) Грушин читал курсы и вёл семинары на факультете журналистики МГУ, а в 1985–1986 — руководил общегородским семинаром по проблемам культуры, ежемесячно проходившим в Институте культуры Минкульту РСФСР.

Третье направление Грушин назвал «информационным давлением на институты власти». В апреле 1977 — сентябре 1981 года он работал в журнале «Проблемы мира и социализма» в качестве консультанта шеф-редактора издания по проблемам науки, культуры и социологических исследований. И через полгода после появления в редакции он представил руководству журнала детальную программу обсуждения в нём вопросов теории и практики отношения коммунистов к различным характеристикам сознания и поведения масс, в том числе к общественному мнению. Предлагалось открыть новую рубрику «Коммунисты и сознание масс». Поначалу отношение к этой идее было негативное: «шибко научно», «далеко от практики», «слишком дорого» — имелось в виду проведение «круглого стола». Но всё же предложенное Грушиным было в значительной мере реализовано, отчасти потому, что с мнениями представителей некоторых компартий, стоявших на позициях еврокоммунизма, нельзя было не считаться. Грушину не удалось получить документа об отношении Москвы к проведённой журналом дискуссии, но, с его точки зрения, она была негативной. Во всяком случае, материалы дискуссии не удалось издать отдельной книгой.

Текст, подаренный мне Грушиным, здесь обрывается, так что продолжаю рассказ о его деятельности по организации опросов общественного мнения в стране, отталкиваясь от его посмертной статьи «На дальних и ближних подступах к созданию ВЦИОМа» [см.: 78].

Начинается она мажорно: «Первые свидетельства возникновения у руководящих органов власти выраженного интереса к изучению общественного мнения в стране появляются в 1983 г. на июньском Пленуме ЦК КПСС, в постановлении которого вслед за привычной риторикой насчёт того, что партия располагает многими каналами гибкой, оперативной связи, позволяющей чутко улавливать изменения в настроениях масс, глубоко изучать их интересы и потребности» и т. п., шло долгожданное признание: «в современных условиях назрела необходимость создания специальной системы изучения потребностей, мнений и настроений трудящихся масс, опирающейся на специфические методы выявления и анализа общественного мнения и позволяющей получать по любому вопросу, в любой момент надёжную, представительную и в масштабах всей страны информацию». С целью решения этой задачи Пленум признал необходимым создать Всесоюзный центр изучения общественного мнения и поручил Академии наук СССР и Академии

общественных наук при ЦК КПСС внести предложения об организации этого центра». Казалось, отмечает он, «...лёд тронулся, дело сдвинулось с мёртвой точки», но затем следует: «В июне же 1983 г. уже через пару дней после окончания пленума, из доверительных бесед с участвовавшими в подготовке Пленума приятелями — работниками трёх отделов ЦК (международного, науки и пропаганды), я вынес твёрдое убеждение, что принятое решение не более чем фигура речи, рождённая внешне- и внутривластной ситуацией страны, и что на самом-то деле создавать ВЦИОМ всерьёз никто не собирается» [78, с. 55].

8 сентября того же года отделом науки ЦК КПСС была создана группа социологов, в которую помимо Грушина вошли: Ю. А. Замошкин, Э. В. Клопов, Н. И. Лапин, В. Н. Шубкин и В. А. Ядов. Она должна была до конца месяца подготовить проект решения Секретариата ЦК КПСС о создании ВЦИОМа, естественно, всё было сделано, и 27 сентября группа завершила свою деятельность. Главным в подготовленном документе было: «Создать при Президиуме АН СССР Всесоюзный центр по изучению общественного мнения (ВЦИОМ), работающий под непосредственным контролем, в том числе по заданиям ЦК КПСС». Основные задачи ВЦИОМ виделись в изучении, на основе марксистско-ленинской теории и методологии, общественного мнения по актуальным проблемам внутренней и международной жизни СССР в масштабах страны в целом и отдельных регионов, среди различных слоёв и групп населения; в подготовке аналитических материалов, информирующих руководящие органы партии и государства о состоянии потребностей, мнений и настроений населения, а также в разработке практических предложений и рекомендаций, связанных с различными способами учёта общественного мнения в процессах принятия решений, повышения эффективности идеологической, массово-политической работы, формирования социалистического общественного сознания. В качестве основных отмечались следующие формы деятельности ВЦИОМ: одноразовые оперативные «экспресс-зондажи» и регулярные, прослеживающие динамику массового сознания, опросы; кроме того — специализированные исследования механизмов формирования и функционирования общественного мнения. Предусматривалось также создание всесоюзной сети пунктов ВЦИОМ (порядка 40–50), которые осуществляют набор, обучение и организацию работы интервьюеров, действующих на основе договорных отношений [см.: 78, с. 56].

Грушин сам отмечал, что в 2007 году некоторые пункты подготовленного документа могли быть подвергнуты заслуженной критике. «Но в 1983 г., при прочих равных обстоятельствах, он был вполне достаточным, чтобы послужить основой для его превращения в устраивавшее Секретариат ЦК КПСС постановление». Появление ЦК КПСС в качестве «крыши» задуманного

ВЦИОМ, писал Грушин, было встречено рядом коллег с немалой укоризной. Они недоумевали, как это авторы обсуждаемого документа — люди, славившиеся в социологическом цеху своей смелостью, самостоятельностью, независимостью от «начальства», вдруг по собственной инициативе предложили поставить вновь создаваемое учреждение под тот или иной контроль главного идеологического цензора страны. Однако, аргументировал он, подобные недоумения были явно не оправданными. На дворе шёл уже 1983-й год, и многие отделы в ЦК КПСС буквально на глазах стали сдавать одну за другой многие из своих фундаментальных позиций. В частности — жёсткую идеологическую цензуру над всеми видами массовой информации. Другими словами, была надежда на возможность плодотворного сотрудничества ВЦИОМ и партийной элиты.

Вместе с тем, акцентировал Грушин, «на дворе шёл не “уже”, а “ещё” (всего лишь) 1983-й год. Это означало, что начинавшиеся изменения были крайне далеки от своего завершения и при всех ослаблениях позиций ЦК КПСС в сфере контроля за массовым производством и распространением в обществе разного рода идеологически окрашенной информации этот контроль ещё долгое время оставался всеобъемлющим по своим масштабам и своему содержанию. В результате ни одна из теоретически допустимых “крыш” для ВЦИОМа не освобождала деятельность Центра от пристального внимания со стороны ЦК КПСС» [78, с. 56].

Однако ЦК КПСС не принял этого предложения, и 17 июля 1987 года ЦК КПСС, Совет Министров СССР и ВЦСПС приняли постановление № 825 «Об усилении работы по реализации активной социальной политики и повышении роли Государственного комитета СССР по труду и социальным вопросам», в котором «в целях изучения и использования общественного мнения советских людей по важнейшим социально-экономическим проблемам» было признано целесообразным создать Всесоюзный центр изучения общественного мнения по социально-экономическим вопросам при ВЦСПС и Госкомтруде СССР. Такое исход многолетней борьбы и ожиданий, по мнению Грушина и других инициаторов, участников и сторонников создания ВЦИОМа, был не лучшим, а скорее всего даже худшим из всех возможных раскладов. «В тогдашние бурные времена находившиеся в полной зависимости от партии профсоюзы отличались ярко выраженной несамостоятельностью и беспомощностью в решении разного рода конкретных злободневных острых проблем бытия и потому, мягко говоря, не пользовались сколько-нибудь значительным авторитетом у широких масс населения» [78, с. 63].

Грушин понимал, что изменить возникшую ситуацию было невозможно, и когда руководство Профсоюзов обратилось к нему с просьбой помочь им в создании Центра, он без всяких оговорок включился в работу по подготовке документов, конституирующих его деятельность. В начале ноя-

бря ответственный сотрудник ВЦСПС сообщил Грушину, что «при решении на Президиуме ВЦСПС вопроса о директоре создаваемого Центра кандидатура Б. А. Грушина рассматриваться не будет» и поэтому необходимо срочно заняться поисками фигуры директора Центра — человека, который бы безусловно соответствовал духу времени, был бы неоспоримым авторитетом в социологическом сообществе, проявил себя в качестве отличного организатора и был бы признан Академией наук СССР. Описывая этот разговор, Грушин сделал примечание: «Я, однако, в самом деле не имел ни малейшего намерения занимать кресло директора ВЦИОМа. Мне вполне хватило бы статуса какого-нибудь “главного” советника, консультанта. Этому научил опыт семилетнего руководства “Таганрогским проектом”. И если я потратил основную часть своей жизни в борьбе за создание федеральной службы изучения общественного мнения, то это делалось мной вовсе не из карьерных соображений, не для того, чтобы самому лично возглавить эту службу, а для того, чтобы кардинально улучшить информационный климат в тогдашнем советском обществе и тем самым продвинуть его вперёд на пути превращения в гражданское» [78, с. 64].

Верю этим словам Грушина; конечно, вся его предыдущая жизнь, отношение к нему со стороны ЦК КПСС не позволяли ему надеяться на то, что ему будет поручено руководство первой в стране государственной службой изучения общественного мнения. Но одновременно уверен, что всё произошедшее он воспринимал очень тяжело; ведь это был «сигнал» о том, что и в дальнейшем ему не будут доверять и работать будет крайне сложно.

В 2005–2006 годах, то есть ещё про жизни Грушина, я проводил обстоятельное интервью с Т. И. Заславской. Мне было интересно узнать у неё, при каких обстоятельствах она получила приглашение возглавить ВЦИОМ. Приведу её ответ полностью:

После поездки в Болгарию в ноябре-декабре 1987 г. мне надо было встретиться с председателем ВЦСПС С. А. Шалаевым. Мы хорошо поговорили с ним, но у меня возникло ощущение, что он меня «прощупывает» на предмет чего-то. И действительно, в самом конце встречи он сделал мне совершенно неожиданное предложение — переехать в Москву и возглавить организацию первого в стране специализированного центра изучения общественного мнения, получающего общесоюзный статус.

Я была растеряна. Принять это предложение — значило расстаться с друзьями, учениками, единомышленниками, коллективом, формировавшимся 25 лет и составляющим моё «второе я». Но я чувствовала, что пульс общественной жизни страны ускоряется, и её центр перемещается в Москву. Как социологу, мне хотелось быть

там, где происходили основные события, определявшие судьбы общества. Поставленная передо мною задача представлялась важной и интересной. Было очевидно, что создаваемый в нашей стране центр изучения общественного мнения будет испытывать политическое давление, способное подчинить его интересам власти и лишить действительной ценности. Поэтому руководитель этого центра должен обладать высоким и относительно независимым статусом. В этом смысле моё положение было уникальным. Быть моим первым заместителем согласился Борис Андреевич Грушин, самый крупный в Союзе специалист по изучению общественного мнения. Шалаев дал мне три дня для принятия решения — с 13 по 16 декабря.

17 декабря 1987 г. состоялось историческое событие: Грушин и я встретились с руководителями ВЦСПС, чтобы обговорить принципиальные вопросы организации и работы ВЦИОМа, включая региональную сеть опорных пунктов, гласность результатов, самостоятельность в подборе кадров и др. В итоге этой полуторачасовой встречи нужные договоренности были достигнуты, и мы дали окончательное согласие руководить созданием ВЦИОМа [16].

25 января 1987 года, по случайному совпадению — в Татьянин день, Заславская подписала первый приказ по ВЦИОМу. В нём было всего два пункта: «1. Вступаю в должность директора ВЦИОМ при ВЦСПС и Госкомтруде СССР. 2. Первым заместителем директора ВЦИОМ назначаю Бориса Андреевича Грушина».

Но работал там Грушин недолго, в августе 1989 года ушёл из ВЦИОМ и создал организацию по изучению общественного мнения “Vox Populi”.

«ЧЕТЫРЕ ЖИЗНИ РОССИИ». МЕНТАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО И ГОЛОГРАММА ГРУШИНА

Моя первая статья о Б. А. Грушине была закончена летом 2004 года, к тому моменту были опубликованы лишь том 1 и первая книга тома 2 его четырёхкнижия «Четыре жизни России», и было рано писать об этой его работе. Я ограничился одним абзацем: «В последние годы в его новом проекте “Четыре жизни России” Грушиным теоретически обоснован и реализован принципиально новый приём “бережной” интерпретации данных, полученных много десятилетий назад. В его анализе ему удаётся сохранить дух прошлого, т. е. того времени, когда данные были собраны, и одновременно передать то, что произошло в массовом сознании населения (и в личном сознании автора) в течение последующих десятилетий. Другими словами,

в опубликованных материалах Грушин предстаёт не только “летописцем” событий 30-ти — 40-ка летней давности, но социологом, пытающимся дойти до корней современной российской ментальности» [12].

В 2005 году эта статья полностью вошла в книгу об американских первоходцах изучения общественного мнения и деятельности Грушина, но и тогда прежде всего в силу технических обстоятельств четырёхкнижие не было рассмотрено. Предыдущий абзац был дополнен лишь коротким предложением: «Несомненно, по любым, самым жёстким критериям сделанное Грушиным будет оценено очень высоко, его теоретические и теоретико-эмпирические результаты будут востребованы новыми поколениями учёных России и других стран» [14, с. 182].

В дни после смерти Грушина я назвал его работу над четырёхкнижием подвигом и обосновал это утверждение следующим образом. Во-первых, грандиозна цель: дать характеристику сознания советских людей в разные периоды жизни общества; браться за такой труд можно, только отчётливо понимая, что назад пути нет. Из проведённых им 700 исследований Грушин отобрал 300 наиболее интересных, чтобы проанализировать состояние умов россиян в эпохи Хрущёва, Брежнева, Горбачёва и Ельцина. Грушин сделал то, что мог сделать только он, — рассказал о первых двух эпохах. Книга о времени Горбачёва оказалась незавершённой... В начале работы издатели спрашивали Грушина: «А если ты помрешь?», он, как истинный философ и приверженец смеховой культуры, ответил: «Если я помру — напишите: “Автор неожиданно помер!”» [79].

Во-вторых, содержание работы выходит далеко за пределы области изучения общественного мнения, она — о власти и населении, о нашем уме и близорукости, о переживаниях и радостях. Пройдут годы, и стремление учёных узнать, о чём и что думали советские люди в эпоху Хрущёва и Брежнева, однозначно приведёт их к этим данным.

В третьих, замысел Грушина — свидетельство его огромного, на всю жизнь, погружения в одну тему; это свыше сорока лет горения, самоотдачи, страстности. Я не припомню в отечественной социологии подобного случая. Ещё одна черта отношения Грушина к своей работе: он всю жизнь накапливал и хранил информацию, вот его слова: «... Я, вопреки семейным интересам (большой квартирой никогда не располагал), сохранил архивы всех своих исследований» [42].

В сентябре 2001 года, вскоре после выхода первого тома четверокнижия Грушин так описывал и объяснял начало этой работы: «Оперативным поводом к созданию моего четверокнижия послужили две загадки. О первой я сказал: откуда взялись люди, решительно вступившие на новый путь? Вторая — загадка 1985 года. Почему люди, столько лет принимавшие советскую систему, в одночасье растоптали её? Никто в мире не может

найти ответ на этот вопрос». Замечу, поводы названы. Но Грушин продолжил и обозначил более широкое, историко-политическое обоснование задуманного исследования: «Почему я считаю Михаила Сергеевича Горбачёва фигурой номер один в XX веке? Потому что он развалил то, что развалить не представлялось возможным. Даже в 1985 году никто из нас не представлял, что мы сможем дожить до крушения советской системы, которая, как казалось, была рассчитана на тысячелетия. Слава богу, дожили. Другое дело, что мы оказались на развалинах страны, которая не должна была развалиться. Но это на совести Ельцина, а не Горбачёва, я это чётко различаю. У меня не ностальгия, а чувство отчаяния по поводу того, что произошло с Советским Союзом. Стопроцентное оправдание имеет уход из Союза прибалтийских государств, в империи они оказались случайно и не могли в ней прижиться, я это всегда знал. Но что касается всех остальных, развал, с моей точки зрения, является совершенным бредом. В конце концов за эту ошибку расплачиваются люди всех государств, входивших в Союз. Распад СССР был предопределён, но не в одночасье же! Был ведь реальным путь медленного высвобождения! Но у нас просто историческое несчастье с правителями. Ничего не поделаешь» [8].

Через три года Грушин указал ещё на одну причину своего погружения в рассматриваемое исследование: «В 1999 году “Общая газета”, которую возглавлял Егор Яковлев (Б. Д.: один из «прорабов» перестройки и одноклассник Грушина), опубликовала статью “Социологу Борису Грушину — 70 лет”. Я ошалел! Я не знал, что мне 70 лет! Я ощущал себя максимум 40-летним. И в следующем году закрыл “Vox Populi”, хотя это была служба процветающая, с мощной клиентурой по всему миру. Но есть время производить информацию, есть время анализировать её. Половина того, что я сделал ещё в ИОМ, не было опубликовано никогда» [41].

Грушин трактовал начатое дело не просто как очередное крупномасштабное исследование, но как «гражданскую акцию» [11, «Жизнь 1-я», с. 5]; такая интерпретация вытекала из целей задуманного анализа и характера движения к ним. Грушин исходил из того, что его многолетние наблюдения за различными проявлениями общественного сознания россиян помогут ему дойти до сути перестроечных и более поздних «социотрясений». При этом он был озабочен «не столько самой мыслью о тотальном непонимании происходившего в России, сколько желанием докопаться до глубинных корней бесконечных иллюзий и заблуждений...» [11, «Жизнь 1-я», с. 9]. Отсюда следовали три направления деятельности, которые автор выдвигал для социологии в целом, но прежде всего — для себя: социологизация изучения исторических процессов, происходящих в России; разработка новых методов сбора и интерпретации данных; представление обществу достоверной информации, помогающей ему понять себя [11, «Жизнь 1-я», с. 9–11].

В настоящее время, несмотря на то, что Грушин не успел завершить «Четыре жизни России», этот проект не только рассматривается в качестве одного из главных результатов его научной деятельности, но признаётся одной из вершин российской социологии. Однако я не предполагаю детально анализировать содержание опубликованных книг, ограничусь изложением моего видения методологии, разработанной и реализованной Грушиным. Общие черты моей версии грушинского метода сжатия и описания собранной им информации обсуждались с ним в 2005 году, и в 2006 году она была изложена в книге «Отцы-основатели. История изучения общественного мнения» [см.: 80].

Исходным пунктом всех теоретико-эмпирических обобщений Грушина является система критериев [11, «Жизнь 1-я», с. 34–38], определяющих логику его анализа менталитета. В отличие от многих историков, политологов, социологов, подчёркивающих неувязимость, неформализуемость того, что обозначается понятием «менталитет», Грушин осуществлял свои поиски в чётко описываемой десятимерной системе координат, которую можно назвать «ментальным пространством Грушина».

Прежде всего Грушин говорил о мере включённости населения в тот или иной предметный сегмент жизни общества, то есть об интересах людей. Критерий второй — глубина понимания людьми действительности, другими словами, когнитивная способность населения и соотношение в массовом сознании рефлексивного и нерефлексивного. Далее следует — уровень знаний публики, или объём и качество информации, которыми обладают массы. Следующий критерий — способность населения рефлексировать по поводу происходящего и умение артикулировать, выразить собственную рефлексия. Пятый критерий, характеризующий менталитет, — это ценностные ориентации населения, детерминирующие его предметные интересы. Шестой — отношение населения к своему обществу, в том числе мера поддержки массами соответствующего строя, глубина доверия государству и обществу, симпатии к власти. Ещё один критерий указывает на то, что менталитет не сводим к рациональному отношению к социальной действительности, но включает эмоционально-психологическое самочувствие населения, к примеру довольство/недовольство людей жизнью и меру оптимизма/пессимизма. Восьмой критерий указывает на то, что познание менталитета включает исследование реактивной способности населения, то есть степени готовности к той или иной деятельности: активно оно или пассивно. Предпоследнее в системе грушинских критериев характеристическое свойство массового сознания — это его дифференциация, измеряемая по шкале «монизм — плюрализм». Наконец, десятый критерий — степень целостности/разорванности массового сознания, его внутренней противоречивости, мера уверенности/не уверенности людей в разделяемых ими точках зрения на окружающий мир.

Грушин отдавал себе отчёт в том, что его система критериальных параметров массового сознания может быть расширена, а значит — в той или иной мере изменена; но, с другой стороны, он отмечает её прагматическую ценность: она позволяет решать многие теоретические и практические проблемы исследования общественного мнения. Перечисленные критерии позволили Грушину разработать метод «оживления» и прослушивания голосов, «оцифрованных» им же многие десятилетия назад, и эта научная технология действительно решает поставленную им перед собою задачу — «умножить знание общества о самом себе» [11, «Жизнь 1-я», с. 21]. По сути, анализ Грушина давал возможность кому-то вспомнить, но преобладающему большинству будущих читателей — узнать менталитет ряда поколений советских людей. В целом, то, что им было задумано и сделано, можно назвать созданием истории современной российской ментальности.

Однако это гражданское и общенаучное достижение Грушина не будет до конца раскрыто и оценено, если не рассмотреть сущностных особенностей используемых им интерпретационных правил. Если в строительстве, формировании «ментального пространства» Грушин предстаёт прежде всего как логик, один из диастанкуров, то при сопоставлении всех видов «разношёрстной информации» он действует как обществовед и журналист, стремящийся к максимально тщательному анализу и описанию массового сознания и мира мнений.

Разработанный и испытанный Грушиным подход к осмыслению «фотографий» сознания прошлого хотелось бы называть голографическим. В основе голографии как направления физики лежит способ получения объёмных изображений предметов на фотопластинке (голограмме). Грушину же удаётся плоское в прошлом «изображение» сделать объёмным; при этом становится возможным рассмотреть и описать те свойства «сфотографированной» много лет назад реальности, которые не обнаруживались в её плоскостной, двумерной проекции.

Вообще говоря, известная доля голографичности — временной, пространственной, предметно-объектной — присуща любому профессионально выполненному вторичному анализу социологической информации; при отсутствии «выпуклости», лучше сказать, вытянутости по оси времени или географической растянутости, вторичный анализ можно считать просто выхолощенным.

В физике для получения голограммы необходимо одновременно осветить фотографическую пластинку двумя когерентными световыми пучками: предметным, отражённым от снимаемого объекта, и опорным — приходящим непосредственно от лазера. Многокритериальность грушинского анализа, то есть облучение познаваемого феномена качественно разными «световыми пучками» создаёт основу, логический каркас интерпретации прошло-

го. Технологичность предложенного Грушиным метода делает последний научным, то есть в целом воспроизводимым. Тем не менее думается, что голографичность интерпретации Грушина — особая: она творческая и потому принципиально личностная.

Не имея возможности для развёрнутого описания грушинской многокритериальной техники изучения общественного мнения, ограничусь одной историко-научоведческой аналогией. Речь идёт о факторном анализе, объединяющем в себе набор формализованных математических приёмов и трудно формализуемых правил интерпретации факторных решений. Каждый пользователь факторного анализа знает, что процесс ротации, несмотря на наличие формальных правил его оптимизации, и содержательная интерпретация факторов во многом определяются исследователем. Потому даже по прошествии ста лет после возникновения простейшей спирменовской модели факторного анализа, семидесяти лет — после появления пионерных работ Терстона и многих десятилетий компьютерного решения всего множества факторизационных задач, этот метод продолжает оставаться и наукой, и искусством. Личностные особенности учёного, его приверженность тем или иным научным воззрениям и школам, понимание семантики наблюдаемых переменных — всё это присутствует в его интерпретации обнаруженных латентных факторов.

Полагаю, что это краткое отступление поясняет смысл сказанного о личностной окрашенности грушинской голографичности; тем не менее немного раскрою это утверждение.

Прежде всего, в нашем случае вторичная интерпретация огромного массива данных об общественном мнении россиян осуществляется не «человеком со стороны», но автором или соавтором программ и методик, использовавшихся в опросах. Таким образом, современное прочтение результатов многих ставших уже далёкими зондажей общественного мнения для Грушина является не новой исследовательской задачей, не «игрой с листа», но поиском ответов на вопросы, которые он давно задавал сам себе. Тогда ответы, которые в полной мере удовлетворили бы «сегодняшнего» Грушина, либо не были найдены, либо — учитывая специфику времени — не были озвучены. Зная о глубочайшей включённости Грушина в своё дело, можно утверждать, что эти вопросы или их модификации фактически постоянно находились в поле его зрения и поиск ответов на них не прекращался. Будь это не так, он скорее всего не пытался бы по прошествии десятилетий искать на них ответы.

Далее, в грушинской голографичности присутствуют следы того, что сам автор обозначает термином «социотрясение». За годы, отделявшие начало нового века от 1960–1970-х и даже 1980-х годов, в СССР/России произошли глубокие социальные преобразования различной направленности

и окрашенности. Всё это объективно требовало от социологов углубления методологии и уточнения языка познания и ориентировало их на поиск новых методов, приёмов изучения всех граней мира социальных отношений, в том числе — массового сознания. Можно утверждать, что аналогичной продолжительности время, но лишённое драматической тишины и невероятного грохота эпохи «социотрясения», не дало бы Грушину того видения прошлого, которое обозначается здесь понятием «голографическое».

Ламинарное, гладкое течение времени, медленное, застойное движение лет не способно было бы подтолкнуть исследователя к перепро чтению давно собранной информации; но, если бы это всё же произошло, новая интерпретация была бы лишь детализацией и некоторым обобщением прежней картины. Наоборот, турбулентность, вихреобразность временного потока, скачкообразность развития всех сфер и социальных институтов, появление кардинальных разломов в массовом сознании, ослабление памяти населения, потеря им привычных социальных ориентиров и невозможность отыскания новых маршрутов движения постоянно требовали от всех серьёзных социологов, в том числе и от Грушина, историчности в рассмотрении объекта и предмета их анализа. Грушин этот вызов осознал и принял. Более того, он один из немногих, кто сохранил информацию, собранную в течение десятилетий исследований.

В относительно спокойные времена развитие многих явлений и процессов, по сути, сводится к самовоспроизводству, и потому их познание во многом сродни изучению, описанию гладких фигур, которые в каждом их сечении вдоль временной оси имеют одно и то же строение. Скажем, образуется нечто, напоминающее составленный из цветных колечек детский цилиндр или ровненькую стопку аккуратных блинов. В последнем случае каждый слой имеет одну и ту же форму, один и тот же цвет, вкус и запах. Наблюдать эту фигуру с равным успехом можно с любой точки обзора. В бурные моменты истории явления, развивавшиеся в разных нишах социального бытования, сплетаются, склеиваются необычным, хитрым способом; процессы, долгие годы демонстрировавшие непрерывность и гладкость, разрываются или претерпевают скачки, и геометрия каждого года приобретает свою уникальную конфигурацию. В итоге получается фигура, мало похожая на упомянутый выше цилиндр, она скорее напоминает химеры, украшающие средневековые соборы. Описать каждую из них с одной позиции в принципе невозможно; исследователь должен либо обходить их вокруг, либо многократно их поворачивать.

Если сделать голографический снимок какого-либо предмета и осветить его лазерным светом, то возникает «восстановленная голограмма» — объёмное изображение этого предмета. Меняя точку наблюдения, можно заглянуть за предметы на первом плане и увидеть детали, ранее скрытые от взгляда.

Грушинская интерпретационная технология, по сути, является рассмотрением социально-временных химер с многих точек зрения. Это некий аналог ротации, используемой в факторном анализе.

Стремление Грушина к изучению чудом сохранённого им архива и его установка на создание исследовательской технологии нового прочтения прошлого стали прямым продолжением его гражданского и профессионального осмысления цивилизационных изменений, начавшихся в России в годы перестройки. Он говорит о «кардинальной ломке социальной структуры», «коренной смене самой человеческой породы», «полном крушении существовавших в обществе до того модусов человеческого бытия». Суть происходящего видится им в «замене традиционно российской формы жизни» новыми формами, которые «в современном мире связываются с понятием евроамериканской цивилизации». На смену рабу и холопу придёт свободная личность. Россия отойдёт не только от идеологии и практики коммунизма, но от русизма как такового. Произойдут коренные изменения в натуре русского народа, в его менталитете [11, «Жизнь 1-я», с. 11–12]. Таким образом, «четверокнижие» Грушина — это не только итог его почти полувекowego теоретико-эмпирического изучения менталитета россиян, но одновременно — программа и инструмент мониторинга массового сознания населения меняющейся России.

ГРУШИН О ПРЕПЯТСТВИЯХ К ПРОВЕДЕНИЮ ОПРОСОВ В РОССИИ

Пожалуй, уже в конце 1980-х, то есть в годы его в высшей степени активной и продуктивной работы по созданию ВЦИОМ, Б. А. Грушин начал испытывать глубокое разочарование по поводу изучения общественного мнения в СССР. Казалось бы, ему удалось реализовать давнюю мечту. Формируется система проведения регулярных опросов, появился канал информирования руководства страны о мнениях людей, открылись практически неограниченные возможности для ознакомления широких масс населения с тем, как общество видит и оценивает всё происходящее внутри и вокруг него. Но ни успокоения, ни — тем более — радости не было. Грушин, с его высочайшими требованиями к себе, к делу, которому он отдал три десятилетия, не мог согласиться с тем, как стала складываться в стране практика изучения общественного мнения. В интервью «Независимой газете» в 2001 году он даже заметил, что его недоверие опросам поссорило его с некоторыми его коллегами. Но при этом он считал: «Последние годы добавили аргументы в пользу моего утверждения. Состояние массового сознания сегодня абсолютно нестандартно. Это большое сознание больного общества, поэтому классический инструментарий, который у нас используется, просто непригоден» [81].

Настороженность Грушина обуславливалась комплексом причин, или обстоятельств, включавших в себя методологические, технологические и организационные составляющие. Также всё более усиливался в нём скепсис, вызванный наблюдавшимися им перекосами в процессе учёта разными ветвями и уровнями власти общественного мнения при принятии управленческих решений. Наиболее полно видение Грушиным трудностей изучения общественного мнения в стране было изложено им в статье «Почему нельзя верить большинству опросов, проводимых в бывшем СССР»⁷, занявшей полную страницу в «Независимой газете» от 28 октября 1992 года. Позже она была включена в первую из книг серии «Открывая Грушина» [см.: 82]. Ниже будут изложены основные положения этой статьи, но прежде отмечу, что высказанные в ней размышления Грушина непременно надо рассматривать в контексте некоторых из его работ конца прошлого века.

Первая в этом ряду — статья 1988 года «Учёный совет при Чингисхане» [см.: 83], она явно относилась к «любимым детям» Грушина, на неё он часто ссылался в последующих работах и нередко вспоминал её в неформальных беседах. Главная тема статьи — наука и власть. Нормальным положением вещей Грушин считал, когда «наука занимается наукой, управление — управлением, а связи между ними реализуются либо в разнообразных формах использования управлением научных данных... либо — что гораздо эффективнее — путём прямого и гарантированного включения науки в процессы управления, в том числе в механизмы принятия ответственных решений...». В СССР же «...на определённом этапе его истории произошла серьёзнейшая деформация: Органы управления присвоили себе право производить научное, теоретическое социальное знание и тем самым контролировать всё, что делается на этом поприще помимо них. На словах они стали пользоваться этим правом наряду с наукой, а на деле — в обход неё и даже без неё, вместо неё, поскольку именно им стало принадлежать последнее слово в любом теоретическом споре по всем проблемам обществоведения...» [83, с. 297]. Как следствие, наука стала вызывать у представителей органов управления сплошные подозрения и нарекания, её отстранили от активного участия в жизни общества. Социология оказалась «...вроде учёного совета при Чингисхане. Будешь стоять на своём, говорить правду — не снесёшь головы, будешь угодничать, лгать — останешься жив, но обнаружишь свою полную несостоятельность...» [83, с. 302].

С начала 90-х в научных статьях и публицистике Грушина начинает появляться термин «социотрясение», позволявший ему ёмко, запоминающимся образом характеризовать не просто отдельные, хотя и масштабные реформы

---

⁷ Я благодарен Петру Залесскому, который подарил мне экземпляр «Независимой газеты» с этой статьей.

того времени, которые описывались в терминах перехода «от тоталитаризма — к демократии», «от социализма — к капитализму», «от плановой экономики — к рынку», но глубинные изменения в социальной структуре России и в сознании россиян. Он говорил о тектонических сдвигах, попытках смены цивилизации, переходе общества, «замешенного на феодальном холопстве, рабстве, к обществу, фундаментом которого является свободная личность» [84, с. 310]. В стране шли не просто экономические или политические, но исторические преобразования, и самое главное их последствие Грушин видел в кардинальных изменениях социума, его базовых моральных принципов, психологии масс. И конечно же, этот процесс был «чрезвычайно болезненным, мучительным для всех участвующих в нём действующих лиц...» [85, с. 292].

Грушин писал, что он долго искал термин для обозначения происходившего в России, пока не увидел по телевидению кадров разрушительного землетрясения в Калифорнии в 1989 году: под ногами шаткая, ненадёжная почва, на голову всё время падают стены, стекла и крыши, вокруг огонь пожаров, крики пострадавших, несуетная суета спасающихся от беды или, наоборот, наживающихся на ней. И что особенно важно, писал он, «...густой (прежде всего информационный) дым, плотная пыль, а то и сплошная тьма, не позволяющая разглядеть, кто есть кто, — кто спасатель, а кто грабитель, кто друг, а кто враг, откуда ждать помощи, а откуда беды...» [84, с. 311]. Исходно Грушин относился к термину «социотрясение» как к журналистскому образу, но позже в нём обнаружилось множество эвристических, познавательных возможностей.

В 2001 году Грушин заметил, что термин «социотрясение» не прижился [см.: 81]; это неверно, автор термина явно поторопился с таким выводом. В действительности, рассматриваемый термин вошёл в научный обиход, не растворился в новом постперестроечном языке российской социологии. Так, в январе 2012 года в Институте социологии Российской академии наук (ИС РАН) проходил «круглый стол» с участием ведущих политологов, социологов и дипломатов. Обсуждались итоги 20-летия российских реформ. Одновременно отмечалось 20-летие совместного проекта ИС РАН и Представительства Фонда имени Фридриха Эберта в России. В задачу этого грандиозного проекта входит изучение процессов, происходящих в Российском обществе и в сознании россиян. Как отмечается в заметке о встрече учёных, итог дискуссии подвела заведующая кафедрой политической психологии МГУ профессор Е. Б. Шестопал. Её вывод: «...Российские реформы не закончены, “социотрясение” будет продолжаться...» [86]. А значит, есть все основания предполагать, что и использование слова «социотрясение» будет продолжаться и расширяться.

Логика историко-биографических исследований, героями которых являются учёные, предполагает не только тщательное описание траекторий их

жизни, но и изучение мотивации их деятельности, генезиса их концепций, причин вводимых ими терминов, понятий. И здесь открывается простор для изложения и обсуждения, на первый взгляд, самых отдалённых сходств, непрямых аналогий, которые когда-либо и при стечении каких-либо обстоятельств могут стать импульсом для построения гипотез о природе научного творчества. Как уже упоминалось, наблюдение Грушиным кадров калифорнийского землетрясения привело к возникновению термина «социотрясение», а вот ещё одна история обогащения социологии за счёт содружества историка и специалиста по предсказанию землетрясений. К сожалению всё, что связано с этим сюжетом, я узнал лишь во втором полугодии 2011 года, так что не мог обсудить его с Грушиным. А было бы интересно...

В 1967 году Алан Лихтман (Allan Lichtman, 1947 г. р.) стал бакалавром истории, а в 1973-м получил в Гарварде учёную степень Ph. D по истории. В 1980 году за успешно проводившиеся им исследования президентских выборов XIX века Лихтман получил грант на годичную работу в Калифорнийском технологическом институте. Он пытался понять, что приводит к смене власти в США, когда переизбираемый президент или кандидат от той же партии будет находиться в Белом доме, а в каких случаях президентом будет избран представитель конкурирующей партии.

На приёме по случаю приезда новых грантодержателей Лихтман оказался за одним столом с таким же визитёром из Москвы Владимиром Иосифовичем Кейлис-Бороком (1921 г. р.). Кейлис-Борок — один из ведущих в мире ученых-сейсмологов, под его руководством разработан эффективный метод предсказания землетрясений. В 1987 году он был избран академиком АН СССР по отделению наук о Земле, является членом многих иностранных академий наук и научных обществ. Многие годы учёный работает в Университете Калифорнии (University of California) в Лос-Анджелесе.

Узнав, чем занимается американец, русский учёный сказал Лихтману, что со своими коллегами он делает то же самое, разыскивает некоторые плеяды, множества переменных, чтобы узнать, будет ли стабильность или потрясение. И предложил поработать вместе. Они решили попробовать применить методы предсказания землетрясений к прогнозированию итогов президентских выборов, то есть анализировать выборы так, как геофизики изучают землетрясения. Они трактовали президентскую политику в геофизических терминах: рассматривали не ситуацию «Рейган против Картера», или «республиканцы против демократов», или «либералы против консерваторов», а интерпретировали выборы в терминах «стабильность против потрясений». «Стабильность» при таком подходе — это тот случай, когда партия, чей президент занимает Белый дом, побеждает на выборах, а «потрясение» — когда она проигрывает.

В результате их большой исследовательской работы, включавшей создание набора признаков для описания предвыборной ситуации (всё свелось к 13 дихотомическим переменным) и разработку математического метода анализа собранной информации, им удалось построить модель (алгоритм) прогнозирования исхода президентских выборов в США. Впервые эта «социолого-геофизическая» прогностическая модель «социотрясения» была испытана в 1984 году, когда переизбирался республиканский президент Рональд Рейган, а его конкурентом был демократ Уолтер Мондейл. Предсказание «стабильности», то есть переизбрания Рейгана оказалось верным. После этого американцы ещё семь раз выбирали президента страны. Были «потрясения», когда в 2008 году республиканца Буша-мл. на президентском посту сменил демократ Барак Обама, были и новые выборы без «потрясений», например, в 2012 году Обама подтвердил своё право остаться в Белом доме.

Мы не знаем, каким новым смыслом будет наполняться грушинский термин «социотрясение» и насколько успешным в дальнейшем будет метод Лихтмана-Кейлис-Борока, но можно допустить, что нам мало известны эвристические возможности трактовки политических событий в понятиях «стабильность — потрясение».

Прежде чем перейти непосредственно к анализу статьи Грушина о причинах, по которым нельзя верить многим опросам, проводимым на постсоветском пространстве, мне хотелось бы заметить, что и обсуждаемый в ней тезис, основной посыл, и приведённая аргументация не были лишь следствием его восприятия постперестроечных событий. В той же степени всё было предопределено пониманием Грушиным природы общественного мнения, изложенным в называвшихся ранее его работах «Мнения о мире и мир мнений» и «Массовое сознание». Но я хотел бы при изложении трактовки Грушиным феноменологии общественного мнения воспользоваться его построениями, изложенными в статье 1970 года. В ней приводится краткое, в духе логических конструкций, описание границ суждений общественного мнения, или отделяется это образование от других, в чём-то сходных [см.: 87].

Прежде всего Грушин выделяет три типа границ, которые логически очерчивают пространство существования и исследования общественного мнения: 1 — *естественные границы*, задаваемые природой общественного мнения; 2 — *логические границы* способности общественного мнения выносить те или иные суждения; 3 — *актуальные, или искусственные, границы* выражения общественного мнения. Другими словами, речь идёт о трёх подпространствах: «естественном», «логическом» и «актуальном».

В «естественном» подпространстве проводятся две границы: общественный интерес и дискуссионность. Общественное мнение как массовидную

форму сознания имеет смысл искать и замерять лишь там, где обнаруживается общественный интерес и где есть признаки спорности, дискуссионности, множественности понимания.

Также два критерия призваны отразить логику общественного мнения: его познавательную способность и его информированность. Грушин говорит о «пороге доступности», есть в принципе познаваемое и непознаваемое общественным мнением; и о «пороге компетентности». Он уточняет: «...Понятия “порог доступности” и “порог компетентности” описывают хотя и связанные друг с другом, хотя и сходные, но всё же в сущности своей не совпадающие явления. По отношению к объектам, лежащим за “порогом доступности”, человеческий мозг в рамках массового сознания представляет собой вместилище разного рода ложных взглядов, заблуждений и предубеждений, распространение истинных знаний путём просвещения наталкивается в таких случаях на стихийное сопротивление всех этих элементов заблуждения. По отношению же к объектам, лежащим за “порогом компетентности”, массовое сознание представляет собой, скорее, типичную *tabula rasa*, на которую путём образования, путём соответствующей постановки дела информации может быть занесено любое знание» [87, с. 166–167].

Актуальное подпространство можно одновременно назвать «исследовательским и управленческо-прагматическим». И в этом случае Грушин обозначает две границы. Первая — «задачи исследования» Эта граница проводится аналитиками общественного мнения, они, исходя из множества соображений, решают поставленные задачи или нет. Вторая — проистекает из регламентирующей деятельности общества. Она производная его социально-политического характера. «Общественное мнение, — уточнял Грушин, — сложившееся по тем или иным вопросам, не становится актуальным фактом политики, остаётся “вещью в себе”, если ему не предоставляется реальная возможность высказаться. А это зависит от характера политической организации общества, от степени развития в обществе свобод (свободы слова, печати, собраний и т. д.), от места, занимаемого различными слоями и группами общества в системе управления социальными процессами» [87, с. 175].

Теперь всё готово к тому, чтобы обратиться к статье Грушина о препятствиях к проведению опросов общественного мнения в России, которые обнаруживались им в социально-политическом контексте и характере деятельности аналитиков в начале 1990-х.

Прежде всего, обобщая множество случаев из повседневной деятельности возглавляемой им Службы изучения общественного мнения “*Vox Populi*”, Грушин сформулировал следующий вывод: «...Проведение некоторых научных исследований в границах бывшего СССР не столько затруднено, сколько в принципе невозможно». Далее он отмечал: «...В процессе про-

граммирования и реализации исследования социолог должен обладать широким набором не только собственно профессиональных, но и весьма далёких от его профессии качеств — гражданским и личным мужеством, повышенной находчивостью и “пробивной силой”, развитыми неформальными связями со множеством “полезных людей” в самых различных сферах жизни общества». И ещё один штрих: «...Практически во всех случаях — как раз абсолютно независимо от умений и усилий исследователя — в исследовании все равно могут сработать те или иные факторы, которые приведут к снижению качества информации, срыву запланированных сроков работ и т.д.» [82, с. 357].

По-сути, это — описание широкого комплекса обстоятельств, затрудняющих осуществление российскими аналитиками общественного мнения их профессиональных обязанностей, но, по Грушину, и их гражданского долга. Далее в характерной для Грушина логике изложения своих наблюдений он сжимает выше сказанное и выделяет три класса препятствий, стоящих на пути изучения мнений населения. Первый класс он связывает с характеристиками самого «поля», то есть изучаемого общественного сознания; второй — с характеристиками совокупного исследователя и третий — с характеристиками общества в целом. В последнем случае имелся в виду широкий социальный контекст, в котором приходится действовать социологам в их контактах с респондентами и различными людьми, так или иначе причастными к организации опросов.

Легко понять, что к первому классу были отнесены препятствия, порождённые частым отсутствием «самого предмета изучения, то есть общественного мнения, которое сложилось и существует в обществе (по обсуждаемому вопросу) до того, как к нему обратились со своими вопросниками исследователи». Другими словами, Грушин начинал строить свою аргументацию с напоминания о том, что изучаемые исследователями фракции массового сознания, должны быть именно общественным мнением, то есть должны вписываться в границы введённого им критериального пространства. По Грушину, данный класс препятствий — фундаментальный, наиболее глубокий. «Он чаще всего полностью скрыт от глаз наблюдателей, меньше всего учитывается в практической деятельности интервьюеров и (в результате названных обстоятельств) оказывается наиболее губительным по своим негативным последствиям с точки зрения производства достоверной социальной информации» [82, с. 358].

Разговор о характеристиках совокупного исследователя базировался на постулировании недостатка или полного отсутствия профессионализма в основной массе социологов-прикладников. Что объяснялось тем, что в СССР на протяжении долгого времени не было социологического образования. Однако главную трудность Грушин видел не в неумении россий-

ских полстеров (замечу, в те годы это слово не использовалось в России) планировать выборку, а в сложностях, возникающих при конструировании и реализации в тяжелейших организационных, финансовых и технических условиях «поля» такой программы и такого исследовательского инструментария, которые бы позволили если и не полностью устранить, то минимизировать бесконечное множество возможных ошибок. Принципиально и то, что в вопросе о негативных характеристиках совокупного исследователя Грушин не ограничивался критикой недостатков профессионализма, он считал, что на общий уровень и качество проводимых исследований огромное влияние оказывают также гражданская позиция социологов, их представление о смысле, целях и значении их собственной работы...». И в этой области деятельности сообщества российских аналитиков общественного мнения он усматривал наличие серьёзных проблем, осложняющих и без того сложную картину бывшей советской эмпирической социологии.

Разрушительное воздействие на исследовательскую практику препятствий общего социетального характера Грушин прежде всего связывал с наличием в стране социальных проблем, лежащих в основании «социотрясения» и порождаемых им. Кроме того, говорилось о выраженном антиинформационном характере нового общества, то есть яркой выраженности в нём на всех уровнях иерархии управления таких ситуаций, когда процесс принятия решений не опирается на сколько-нибудь серьёзную, надёжную информацию. Последнее положение иллюстрировалось замечанием Грушина о том, что в поисках заказов на исследования он встречался с представителями политической, экономической и масскоммуникационной элиты, среди которых были: Ельцин, Горбачёв, Бурбулис, Шеварднадзе, Силаев и др. И вот его вывод: «...Подавляющее большинство этих контактов даёт блестящий материал для моего давнего и излюбленного сюжета об Учёном совете при Чингисхане, то есть правителях, которые, во-первых, до и без всякой науки знают, что истинно, а что ложно, и, во-вторых, привычно полагают, что имущество “подданных” является естественным продолжением “государственного”, то бишь их собственного, имущества» [82, с. 366].

Историко-биографический жанр этой книги безусловно предполагал анализ Грушинской концепции «социотрясения», его взглядов на природу общественного мнения, которые складывались достаточно долго и приобрели к концу прошлого века определённую завершённость, и, наконец, его аналитико-публицистической статьи о препятствиях к проведению опросов в России. Но с момента публикации этой статьи прошло два десятилетия, и было бы неверно не обсудить того, в какой мере выводы Грушина, отражающие основные элементы практики изучения общественного времени в конце 1980-х — начале 1990-х, справедливы сейчас, в начале второго десятилетия XXI века.

Есть ли у нас основания к формулированию полярных суждений о том, что российские полстеры «всегда/в большинстве» случаев или «крайне редко/никогда» имеют или не имеют дело именно с общественным мнением населения. Хотя мне не известны специальные исследования этой проблемы, я не думаю, что столь категоричные ответы — того или иного типа — здесь будут оправданными. Многое в обществе не устоялось, многие вопросы относительно прошлого России, её настоящего и будущего находятся в центре общественного интереса и дискуссий, но всё же ситуация стала заметно определённое, стабильнее, чем в постперестроечное время. Выросло несколько поколений, для которых естественным является то, что в последние полтора десятилетия XX века было для советских граждан пугающе новым и противоречило всему прошлому. Таким образом, можно допустить, что по множеству аспектов жизни страны, населения, по которым 20–25 лет назад в России не существовало общественное мнение, теперь оно есть. Правда, нормально допустить, что постоянно рождаются новые ниши общественного бытования, которые лишь осваиваются общественным мнением. И так будет всегда.

Что касается совокупного исследователя общественного мнения, то он безусловно стал значительно более профессиональным, накоплен собственный опыт, освоены многие достижения европейских и американских полстеров. Я допускаю существование в российском полстерском сообществе разных позиций относительно смысла, целей и значения их собственной работы. Но не думаю, что ведущие в стране службы изучения общественного мнения «работают сегодня не ради систематического производства по возможности достоверной информации», а с целью «достижения сугубо внешнего и сиюминутного, к тому же нередко исключительно коммерческого, успеха...».

Что касается широкого социального контекста, в котором действует российский социолог (третий класс препятствий, стоящих на пути изучения мнений населения), то он, естественно, принципиально изменился за прошедшие два десятилетия. Доказательство этого утверждения не требует анализа или обоснования. Однако, судя по тому, что мне приходится читать, положение учёных мало изменилось, они продолжают входить в Учёный совет при Чингисхане.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Завершилась жизнь Бориса Андреевича Грушина, но не его судьба. Начав более полувека назад опросы общественного мнения в СССР, он столкнулся с горой камушек, породившей лавину. Он дал возможность высказаться десятилетиями молчавшему обществу.

В начале 2001 года Грушин сказал, что его жизнь была бурной, но не состоявшейся. Затем уточнил: «... Состоялась, но не удалась» [9, с. 144]. И как же горько было говорить Грушину об ощущении не востребованности, о ненужности того, что он делал, о том, что жизнь не состоялась, не удалась... У кого же тогда она состоялась? Кому же она удалась?

Есть два главных обстоятельства, при соблюдении которых сделанное Грушиным будет жить внутри социологии и в социально политической культуре российского общества. Первое: если само российское социологическое сообщество осознает целостность своей истории и не допустит того, чтобы изучение наследия дореволюционных социологов, внимание к которому в последние годы наконец-то заметно выросло, велось в ущерб анализу работ социологов 1920–1930-х годов и осмыслению сделанного социологами, стоявшими у истоков постхрущёвской советской/российской социологии. Второе: если развитие российского общества будет сопровождаться усилением роли демократических институтов и укреплением позиций общественного мнения в решении актуальных проблем социального развития.

Если так будет, то имя Грушина окажется навсегда вписанным в социологию России и в политическую культуру страны XX столетия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Заславская Т. И.* Как Борис Грушин создавал ВЦИОМ // Открывая Грушина. Ред.-сост. М. Е. Аникина, В. М. Хруль. М.: Факультет журналистики МГУ, 2010. С. 43–53.
2. *Кон И.* «Ушёл ещё один классик...» // Открывая Грушина. Ред.-сост. М. Е. Аникина, В. М. Хруль. М.: Факультет журналистики МГУ, 2010. С. 431–433.
3. *Левада Ю.* О человеке, который сделал науку // Открывая Грушина. Ред.-сост. М. Е. Аникина, В. М. Хруль. М.: Факультет журналистики МГУ, 2010. С. 409–410.
4. *Шляпентох В.* Советские люди в начале 60-х: размышления по поводу книги Бориса Грушина // Открывая Грушина. Ред.-сост. М. Е. Аникина, В. М. Хруль. М.: Факультет журналистики МГУ, 2010. С. 140–162.
5. *Грант С.* Я хотел стать таким, как Борис Грушин // Открывая Грушина. Ред.-сост. М. Е. Аникина, В. М. Хруль. М.: Факультет журналистики МГУ, 2010. С. 418–424.
6. «Уроки Грушина, или Успех безнадежного дела» // Открывая Грушина. Том 2. Ред.-сост. М. Е. Аникина, В. М. Хруль. М.: Изд-во МГУ, 2011. С. 13–44.
7. *Грушин Б.* «Переходного периода нам всем на целую жизнь хватит» // ВЕК. № 27. 13–20 июля 2001//1001.ru. URL: <http://1001.ru/arc/issue1930/> (24.12.2013).
8. *Шаповал С.* Социотрясение по-русски. Борис Грушин надеется на историческое чудо // Независимая газета. № 12 (75). 28 июня 2001 // Рейтинг персональных страниц и электронных библиотек Viperson. URL: <http://viperson.ru/prnt.php?prnt=1&ID=213404> (24.12.2013).
9. *Кучкина О.* Загадочный лазутчик из будущего // Открывая Грушина. Том 2. Ред.-сост. М. Е. Аникина, В. М. Хруль. М.: Изд-во МГУ, 2011. С. 133–144.
10. *Грушин Б. А.* Мнения о мире и мир мнений. М.: Изд-во политической литературы, 1967.
11. *Грушин Б. А.* Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времён Хрущёва, Брежнева, Горбачёва и Ельцина в 4-х книгах. М.: Прогресс-Традиция, 2001–2006. Жизнь 1-я. Эпоха Хрущёва, 2001; Жизнь 2-я. Эпоха Брежнева. Часть 1-я, 2003; Часть 2-я, 2006.
12. *Докторов Б. Б. А.* Грушин. Четыре десятилетия изучения российского общественного мнения // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2004. № 4. С. 2–13 // University of Nevada Las Vegas. UNLV Center for Democratic Culture. URL: http://cdclv.unlv.edu//archives/articles/doktorov_grushin.html (24.12.2013).

13. *Докторов Б.* Современная российская социология. История в биографиях и биографии в истории. СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013.
14. *Докторов Б. З.* Первопроходцы мира мнений: от Гэллага до Грушина. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2005.
15. *Александров А. Д.* По поводу одной публикации // Вестник АН СССР. 1972. № 7. С. 55–65.
16. *Заславская Т. И.* «Я с детства знала, что самое интересное и достойное занятие — это наука» (Интервью Б. З. Докторову) // Социологический журнал. 2007. № 3. С. 137–169.
17. *Здравомыслов А.* Человек, создавший себя сам // Открывая Грушина. Ред.-сост. М. Е. Аникина, В. М. Хруль. М.: Факультет журналистики МГУ, 2010. С. 436–440.
18. *Мансуров В., Петренко Е.* Изучение общественного мнения // Социология в России. Ред. В. А. Ядов. М.: Издательство Института социологии РАН, 1998. С. 569–587.
19. *Франк С.* Пушкин как политический мыслитель // Библиотека (интернет-издательство). URL: <http://www.magister.msk.ru/library/philos/frank/frank002.htm> (24.12.2013).
20. *Гольцендорф Ф.* Роль общественного мнения в государственной жизни. СПб.: Ф. Павленков, 1881 // Центр социального прогнозирования и маркетинга. URL: <http://www.socioprognoz.ru/files/File/2013/holtzendorff.pdf> (24.12.2013).
21. *Гольцендорф Ф.* Общественное мнение. СПб.: Я. Орович, 1895; изд. 2-е, 1896; изд. 3-е, 1899 // Центр социального прогнозирования и маркетинга. URL: <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=322> (24.12.2013).
22. *Брайс Д.* Американская республика: в 3-х частях / Пер. с англ. В. Н. Неведомского. М.: Изд-во К. Т. Солдатенкова, 1889. Ч. 1: Национальное правительство; Ч. 2: Правительства Штатов. Политические партии, 1890; Ч. 3: Общественное мнение. Объяснительные примеры и замечания. Строй общественной жизни, 1890.
23. *Врусс J.* The Holy Roman Empire. London: T. & G. Shrimpton, 1864.
24. *Хвостов В. М.* Общественное мнение и политические партии. М.: Изд-во И. Д. Сытина, 1906.
25. *Коробейников В.* Пирамида мнений. М.: Молодая гвардия, 1981.
26. *Кузьмичев В. А.* Организация общественного мнения. Печатная агитация. М.-Л.: Государственное издательство, 1929.
27. *Шереги Ф. Э.* Методический аппарат прикладной социологии 20-х годов. Проблемы репрезентативности исследований // Социологические исследования. 1978. № 1. С. 192–201.

28. *Шереги Ф. Э.* Краткий список работ советских социологов: 1920–1930-е годы // University of Nevada Las Vegas. UNLV Center for Democratic Culture. URL: http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/biblio_early_russian.html (24.12.2013).
29. *Кандыбович Л. А., Стоюхина Н. Ю.* Психотехники Беларуси: имена и судьбы. Минск: Тесей, 2009.
30. О жизни и творчестве С. М. Василейского. Простые вопросы — непростые ответы (Интервью с Н. Ю. Стоюхиной Б. З. Докторову) // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2013. № 3. С. 9–15.
31. *Горшков М. К.* Общественное мнение. История и современность. М.: Политиздат, 1988.
32. *Фирсов Б. М.* Разномыслие в СССР. 1940-е — 1960-е годы: История, теория и практики. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге: Европейский Дом, 2008.
33. *Тягло В. А.* Генезис понятия «социалистическое общественное мнение» // Социологические проблемы общественного мнения и деятельности средств массовой информации. М.: ИСИ АН СССР, 1976. С. 22–36.
34. *Уледов А. К.* Общественное мнение как предмет социологического исследования // Вопросы философии. 1959. № 3. С. 40–53.
35. *Уледов А. К.* Общественное мнение советского общества. М.: Соцэкгиз, 1963.
36. *Косинский А. С.* Мы сидели за одной партией и были влюблены в оперу... // Открывая Грушина. Ред.-сост. М. Е. Аникина, В. М. Хруль. М.: Факультет журналистики МГУ, 2010. С. 27–30.
37. *Хромченко М. С.* Диалектические станковисты. М.: Школа культурной политики, 2004.
38. *Ладенко И. О.* Становление и развитие идей генетической логики // Вопросы методологии. 1991. № 3. С. 7–12.
39. *Грушин Б. А.* Горький вкус не востребоваанности // Российская социология шестидесятых годов / Под ред. Г. С. Батыгина. М.: Изд-во Русского христианского гуманитарного института, 1999. С. 205–235.
40. *Грушин Б. А.* Цитаты из жизни // Открывая Грушина. Ред.-сост. М. Е. Аникина, В. М. Хруль. М.: Факультет журналистики МГУ, 2010. С. 11–24.
41. *Сенокосов Ю. П.* Мераб Мамардашвили: вехи творчества // Мгарский колоколь. Всеукраинский журнал. URL: <http://www.mgarsky-monastery.org/kolokol.php?id=1104> (24.12.2013).
42. *Белянчикова Л. А.* Грушин Б. А.: «Мы все время вели войны за свой предмет» // RELGA. Научно-культурологический журнал. 11 мая 2004. <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=97&level1=main&level2=articles> (24.12.2013).

43. Начало всегда исторично, то есть случайно: Фрагменты из беседы М. Хромченко с М. К. Мамардашвили 5 апреля 1990 года // Вопросы методологии. 1991. № 1.
44. Карцева Н. Г. Послесловие. Открывая Грушина. Том 2. Ред.-сост. М. Е. Аникина, В. М. Хруль. М.: Издательство Московского университета, 2011. С. 369–372.
45. Грушин Б. А. Очерки логики исторического исследования. М.: Высшая школа, 1961.
46. Gallup, G., Jr. Interview // Public Broadcasting Service (PBS). URL: <http://www.pbs.org/fmc/interviews/ggallup.htm> (24.12.2013).
47. Фирсов Б. М. «... О себе и своём разномыслии...» (Интервью Б. З. Докторову) // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. № 1. С. 2–12.
48. Травин И. И. «В социологию я пришёл совершенно сознательно» (Интервью Б. З. Докторову) // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008. № 1. С. 2–11.
49. Беляев Э. В. «Естественно-научные и социальные интересы — определяющая черта мой личности» (Интервью Б. З. Докторову) // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2010. № 3. С. 2–11.
50. Панова Л. В. «Самые интересные мысли были упакованы в многослойную обёртку партийных документов» (Интервью Б. З. Докторову) // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008. № 4. С. 2–11.
51. Докторов Б. Галина Старовойтова. Фрагменты истории российской социологии как истории с «человеческим лицом» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007. № 6. С. 8–13.
52. Докторов Б. Валерий Голофаст. Фрагменты истории российской социологии как истории с «человеческим лицом» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008. № 2. С. 25–33.
53. Здравомыслова Е. А. Моя профессиональная жизнь характеризуется «счастливым браком» гендерных исследований с качественной методологией (Интервью Б. З. Докторову) // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2009. № 6. С. 9–15.
54. Здравомыслова Е. Ленинградский «Сайгон» — пространство негативной свободы // Новое литературное обозрение. 2009. № 100. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/100/el47.html> (24.12.2013).
55. Ильин В. И. «Социология как образ жизни — это автономная сторона социологии как профессии» (Интервью Б. З. Докторову) // Социологический журнал. 2010. № 2. С. 134–160.

56. Шереги Ф. Э. «Тогда я и пришёл к выводу: СССР стоит перед распадом» (Интервью Б. З. Докторову) // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007. № 5. С. 5–14.
57. *Grušin V.* In pivo veritas. Praga, 1986.
58. *Бачишин В.* Исследование пражского пивного фольклора, или in pivo veritas // Открывая Грушина. Ред.-сост. М. Е. Аникина, В. М. Хруль. М.: Факультет журналистики МГУ, 2010. С. 404–406.
59. Московский логический кружок // Википедия. URL: <http://ru.wikipedia.org> (1.07.2012).
60. *Щедровицкий Г. П.* Александр Александрович Зиновьев // Zhurnal.lib.ru. URL: http://zhurnal.lib.ru/s/shedrowickij_g_p/gp_i7.shtml (1.07.2012).
61. *Соловьев Э. Ю.* Антитетика массового сознания // Открывая Грушина. Ред.-сост. М. Е. Аникина, В. М. Хруль. М.: Факультет журналистики МГУ, 2010. С. 129–139.
62. *Мотрошилова Н. В.* «Какой же он был красавец!» // Открывая Грушина. Ред.-сост. М. Е. Аникина, В. М. Хруль. М.: Факультет журналистики МГУ, 2010. С. 34–40.
63. *Кучкина О.* Борис Грушин: Во время паники рабочий и академик ведут себя одинаково // Открывая Грушина. Ред.-сост. М. Е. Аникина, В. М. Хруль. М.: Факультет журналистики МГУ, 2010. С. 425–428.
64. Валентин Чикин «В “Комсомолке” я ложками черпал эликсир» // Комсомольская правда. 25 января 2002.
65. *Грушин Б. А.* К истории научного изучения общественного мнения // Открывая Грушина. Ред.-сост. М. Е. Аникина, В. М. Хруль. М.: Факультет журналистики МГУ, 2010. С. 219–256.
66. *Капелюш Я.* Общественное мнение о выборности на производстве. М.: Ин-т конкретных социальных исследований АН СССР, 1969.
67. *Докторов Б.* Рассказ о книге, которой нет (Я. С. Капелюш «Общественное мнение о выборности на производстве») // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. № 2. С. 15–19.
68. *Грушин Б., Чикин В.* Во имя счастья человеческого. М.: Правда, 1960.
69. *Грушин Б., Чикин В.* Лицо поколения. М.: Правда, 1961.
70. *Грушин Б., Чикин В.* Исповедь поколения. М.: Молодая гвардия, 1962.
71. *Грушин Б.* Свободное время. Величина. Структура. Проблемы. Перспективы. М.: Правда, 1966.
72. *Грушин Б.* Свободное время. Актуальные проблемы. М.: Мысль, 1966.
73. *Игитханян М. Х.* Сила общественного мнения. М.: Политиздат, 1962. С. 4.
74. *Оников Л. А.* «Я выполнял свой человеческий и партийный долг» // Российская социология шестидесятых годов / Под ред. Г. С. Батыгина. М.: Изд-во Русского христианского гуманитарного института, 1999. С. 229–235.

75. Массовая информация в советском промышленном городе: опыт комплексного социологического исследования / Под ред. Б. А. Грушина, Л. А. О니кова. М.: Изд-во политической литературы, 1980.
76. Грушин Б. А. Массовое сознание. М.: Политиздат, 1987.
77. Докторов Б. З. Вместо заключения: власть и общественное мнение // Докторов Б. З., Ослон А. А., Петренко Е. С. Эпоха Ельцина: мнения россиян. Социологические очерки. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2002. С. 349–361.
78. Грушин Б. А. На дальних и ближних подступах к созданию ВЦИОМа // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2007. Т. 91. № 5. С. 55–64 // Федеральный образовательный портал «Экономика. Социология. Менеджмент» (ЭСМ). URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2011/01/24/1214870517/6.pdf> (24.12.2013).
79. Грушин Борис: «Я изучал людские мнения нещадно, вопреки всему...» // Известия. 2 августа 2004. URL: <http://izvestia.ru/news/292698> (24.12.2013).
80. Докторов Б. З. Отцы-основатели. История изучения общественного мнения. М.: Центр социального прогнозирования, 2006.
81. Грушин Б. Социотрясение по-российски (Интервью С. Шаповалу) // НГ-Фигуры и лица. № 03 (66). 8 февраля 2001 // Международный евразийский институт. URL: <http://www.iicas.org/page.php?id=132> (24.12.2013).
82. Грушин Б. А. Почему нельзя верить большинству опросов, проводимых в бывшем СССР // Открывая Грушина. Ред.-сост. М. Е. Аникина, В. М. Хруль. М.: Факультет журналистики МГУ, 2010. С. 355–366.
83. Грушин Б. А. Учёный совет при Чингисхане // Открывая Грушина. Ред.-сост. М. Е. Аникина, В. М. Хруль. М.: Факультет журналистики МГУ, 2010. С. 295–302.
84. Грушин Б. А. Социотрясение продолжается // Открывая Грушина. Ред.-сост. М. Е. Аникина, В. М. Хруль. М.: Факультет журналистики МГУ, 2010. С. 307–312.
85. Грушин Б. А. Смена цивилизаций? // Открывая Грушина. Ред.-сост. М. Е. Аникина, В. М. Хруль. М.: Факультет журналистики МГУ, 2010. С. 285–294.
86. Тимофеева И. «Социотрясение» продолжается // Трибуна. № 1. 12 января 2012. URL: http://www.tribuna.ru/other_sections/science/sotsiotryasenie_prodolzhaetsya/ (24.12.2013).
87. Грушин Б. А. Границы высказываний общественного мнения // Открывая Грушина. Том 2. Ред.-сост. М. Е. Аникина, В. М. Хруль. М.: Изд-во МГУ, 2011. С. 155–177.

Научное издание

Б. З. Докторов

ВСЕ МЫ ВЫШЛИ ИЗ «ГРУШИНСКОЙ ШИНЕЛИ»

К 85-летию со дня рождения Б. А. Грушина

Редактор *Е. Н. Кофанова*
Компьютерная верстка *Е. А. Труханова*

Подписано в печать 06.02.2014 г. Формат 70x100/16.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 6,25
Тираж 600 экз. Заказ № 28-02/14.

Отпечатано в ООО «Центр полиграфических услуг «Радуга»
Тел.: (495) 739-56-80
<http://www.raduga-print.ru>
<http://www.radugaprint.ru>